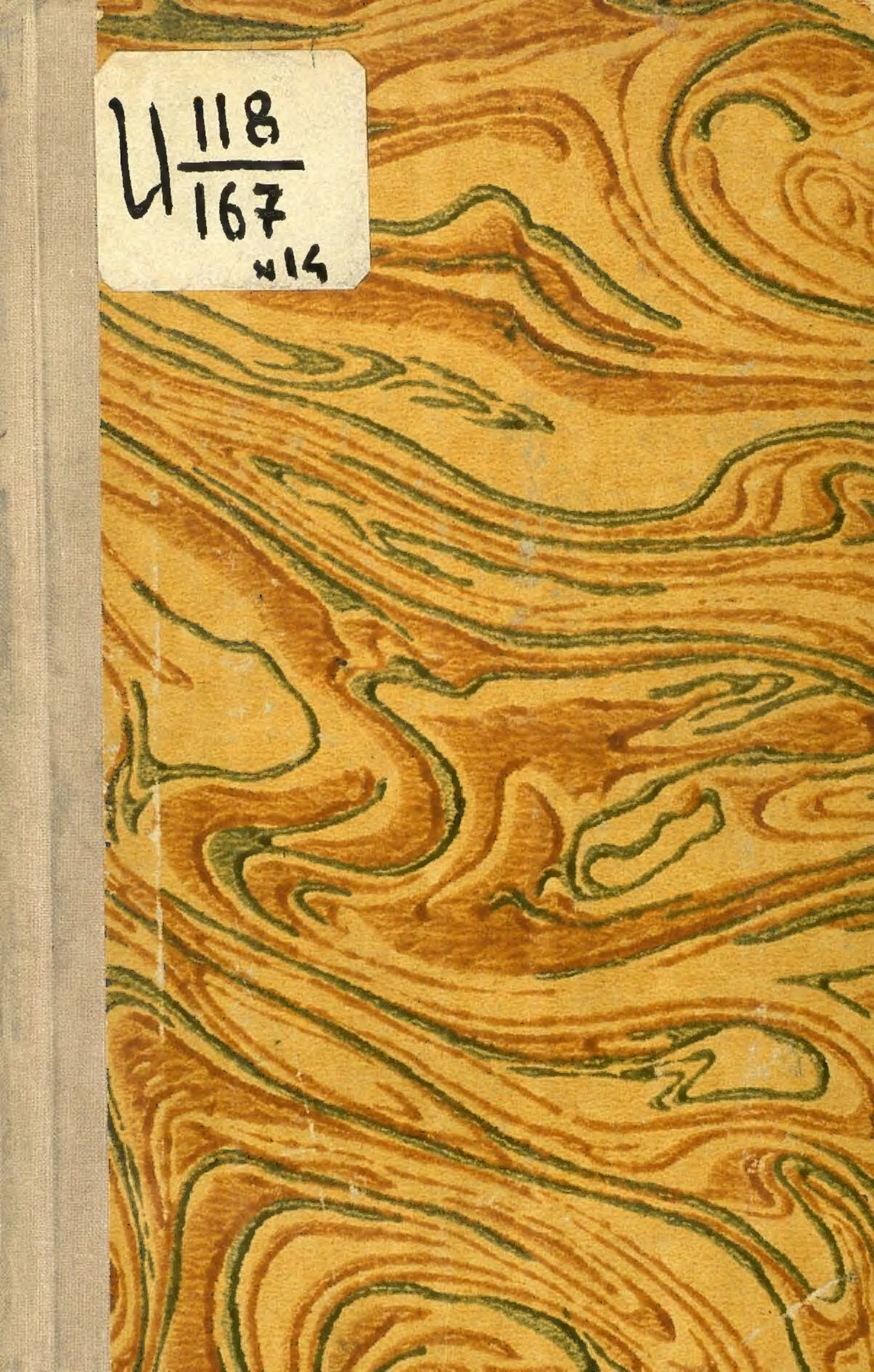
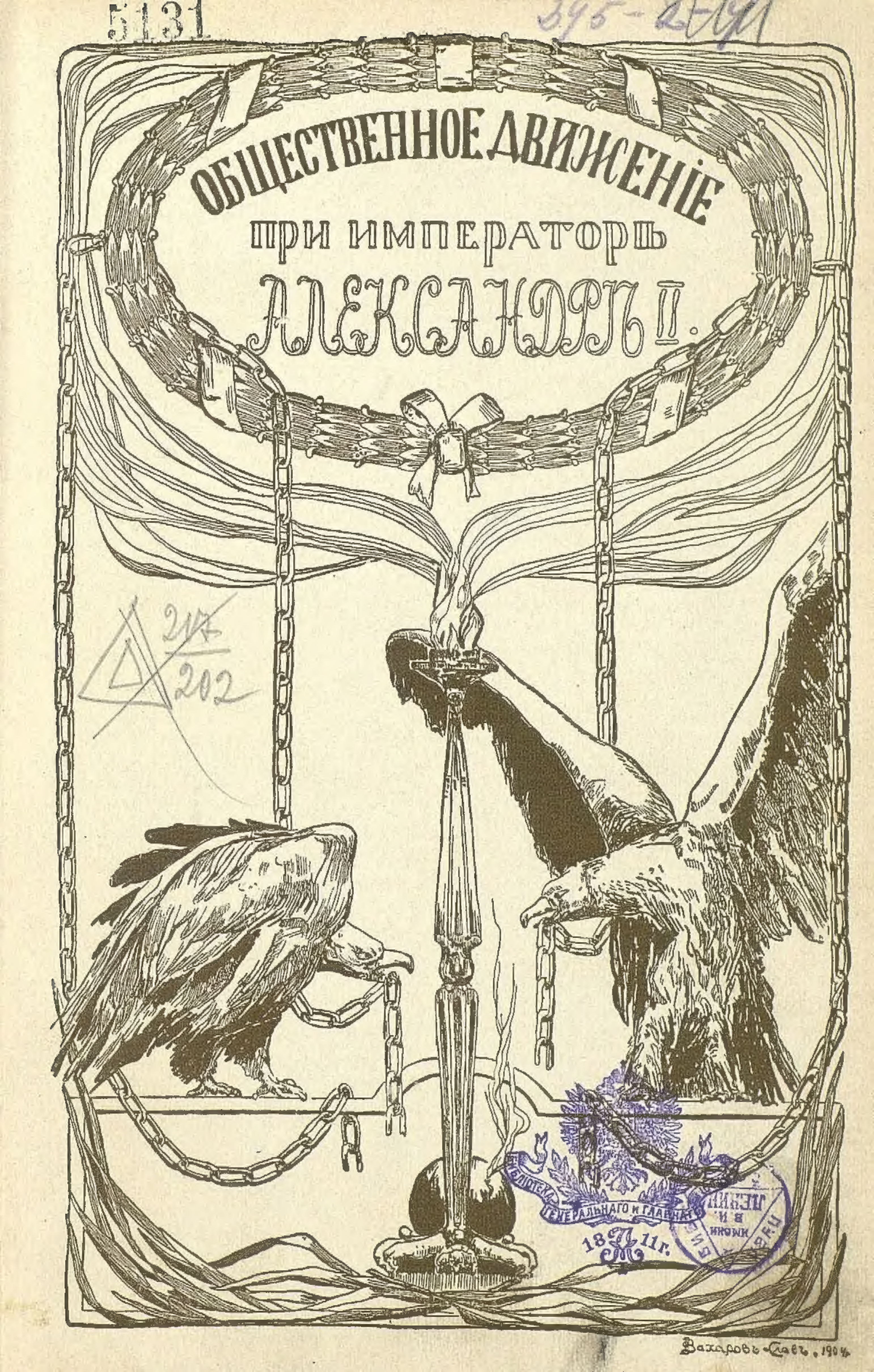

И 118
167
x14

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ
ПРИ ИМПЕРАТОРѢ
АЛЕКСАНДРѢ II.
Захаровъ Слав. 1904.

Русская быль 1911 № 14 6 вып.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО.

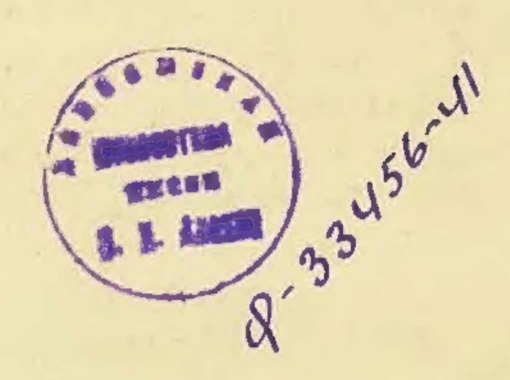
ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Л. Барриве.

Съ гравюрами фото-тинто.

Изданіе Т-ва „Образованіе".

МОСКВА. — 1911.
Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ п., с. д.
Телефонъ 18-35.

Первый періодъ царствованія (1855—1866).

ГЛАВА ПЕРВАЯ [1]).

Реформаторская дѣятельность правительства, дворянская оппозиція и крестьянское движеніе.

Въ бытность свою наслѣдникомъ престола Александръ Николаевичъ былъ убѣжденнымъ противникомъ освобожденія крестьянъ и всякихъ либеральныхъ преобразованій. Вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ поэтомъ Жуковскимъ онъ вынесъ тяжелыя впечатлѣнія изъ революціонной эпохи 1848 г. въ Европѣ и выступалъ сознательнымъ поборникомъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя такъ ярко характеризуютъ послѣдніе годы царствованія Николая I [2]).

Крайній произволъ и грубое попраніе всѣхъ человѣческихъ правъ, полное вырожденіе бюрократической системы и авантюризмъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики— такова была политическая обстановка, въ которой протекала жизнь страны. Кризисъ при этомъ положеніи былъ неизбѣженъ, тѣмъ болѣе, что жизнь, хотя и медленно, но неуклонно шла впередъ и властно предъявляла такія требованія, удовлетвореніе которыхъ было совершенно невозможно при существовавшемъ режимѣ. Не только прогрессивные элементы общества всѣми своими экономическими и культурными интересами, но и само правительство было поставлено въ рѣзкое противорѣчіе съ отживающимъ крѣпостнымъ правомъ. Если возрастающій экспортъ хлѣба за границу

---

[1]) Татищевъ. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе, 2 т.
Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895).
А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II.
Его же. Крестьянская реформа.
П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры.
И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.
Его же. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 до 1863 гг. въ журн. „Минувшіе годы“, 5—12.
Масловъ, П. Аграрный вопросъ, т. II.
Вл. Горнъ. Крестьянское движеніе за полтора вѣка.

[2]) См. А. Корниловъ, назв. с., стр. 13.

и развивающаяся фабрично-заводская промышленность превращали помѣщиковъ черноземныхъ губерній и представителей промышленнаго капитала въ сторонниковъ крестьянскаго освобожденія, отъ котораго они ждали свободныхъ рукъ и возможности болѣе широкой эксплоатаціи своего чернозема и усовершенствованныхъ машинъ, то интересы фиска и внѣшняя и внутренняя безопасность должны были поставить и передъ правящими сферами эту національную задачу раскрѣпощенія страны.

Внѣшнимъ факторомъ, который не только выяснилъ всю несостоятельность бюрократической машины и всей системы правленія, но и пробудилъ самыя радужныя надежды на скорыя перемѣны во внутренней жизни страны, была Крымская война. Авантюризмъ во внѣшней политикѣ, приведшей къ войнѣ, крайняя отсталость арміи, обучавшейся для парадовъ, совершенная непригодность руководителей, невѣроятныя хищенія въ интендантствѣ, общая некультурность страны, невѣжество, нищета, рабство, всѣ язвы дореформеннаго строя вдругъ обнажились и воочію показали всѣмъ, что дальше такъ жить нельзя.

Но былъ и внутренній факторъ, который заставлялъ спѣшить съ леченіемъ этихъ общественныхъ язвъ, это—крестьянскія волненія. Въ виду огромнаго значенія этого фактора въ исторіи общественнаго движенія перваго періода этого царствованія мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Крестьяне никогда не хотѣли мириться со своимъ положеніемъ рабовъ и всячески стремились выйти изъ-подъ ярма. Всякое новое царствованіе вызывало смутныя надежды на царскія милости; распространялись всевозможные слухи, поднимались толки, однимъ словомъ, создавалось броженіе въ деревнѣ. Но и помимо такихъ исключительныхъ моментовъ крестьяне всегда прибѣгали къ тѣмъ или инымъ способамъ, чтобы или облегчить свою участь, или совсѣмъ вырваться изъ неволи.

Они наводняли правительственныя учрежденія своими жалобами на помѣщиковъ подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній со стороны властей (по Уложенію 1845 года крѣпостные подвергались за подачу жалобы наказанію розгами до 50 ударовъ) или мести со стороны своихъ господъ. Все болѣе и болѣе учащались случаи побѣговъ, принимая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ характеръ поголовнаго бѣгства на Кавказъ, въ Новороссію, Бессарабію, за границу и т. д. Очень часто крестьяне прибѣгаютъ къ поджогу помѣщичьихъ усадебъ и къ убійству своихъ господъ. Съ 1836 по 1854 годъ было 75 случаевъ покушеній на убійство помѣщиковъ и 144 убійства, т.-е. по 4 покушенія и по 29 убійствъ въ среднемъ въ годъ. За короткій промежутокъ съ 1835 по 1843 г. (за 9 лѣтъ) было сослано въ Сибирь за убійства помѣщиковъ

416 человѣкъ (298 мужчинъ и 118 женщинъ). Общіе протесты принимаютъ характеръ волненій, которыхъ съ 1826 по 1854 годъ, т.-е. за періодъ въ 29 лѣтъ, было 556, или по 19 ежегодно. Эти волненія достигали иногда большихъ размѣровъ. Такъ, въ 1849 г. въ Курской губерніи въ волненіи принимаютъ участіе крестьяне нѣсколькихъ имѣній въ числѣ 10.000 человѣкъ. За волненіями слѣдуютъ жестокія усмиренія при помощи военной силы, военные постои, экзекуціи и пр. Внушительное впечатлѣніе производитъ и районъ, который охватывало движеніе. Такъ въ 1849 году волненія распространились на 27 губерній.

Мы остановимся подробнѣе на связанныхъ съ Крымской войной крестьянскихъ волненіяхъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ которыхъ и была произнесена знаменитая рѣчь Александра Николаевича передъ московскими дворянами о необходимости крестьянской реформы сверху въ виду возможности революціи снизу.

Движеніе было вызвано указами о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 года и о народномъ ополченіи 29 января 1855 года и распространилось въ первомъ случаѣ на 10 губерній, во второмъ—на 7. Распространились слухи, что поступленіе въ ополченіе повлечетъ за собой полное освобожденіе, какъ для ополченцевъ, такъ и для ихъ семействъ, и крестьяне массами спѣшатъ записываться и бросать своихъ помѣщиковъ; этимъ правительству было поставлено даже въ необходимость обуздывать крестьянскій патріотизмъ въ интересахъ доблестнаго сословія и незыблемости устоевъ.

Особенно интересно по спутанности отношеній между тремя заинтересованными сторонами, крестьянами, помѣщиками и правительствомъ и по широтѣ лозунговъ было вызванное указомъ о народномъ ополченіи крестьянское движеніе въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 года въ Кіевской губерніи.

Здѣсь еще сохранились въ памяти народа традиціи былой казацкой вольности, и въ силу этого соціальному, по преимуществу, движенію сообщался еще и явно политическій характеръ. При всей своей лойяльности, преданности царю и внѣшнихъ выраженіяхъ патріотизма крестьяне домогались не только земли и личной свободы, но и широкой мѣстной автономіи.

Помѣщики, въ большинствѣ поляки, могли быть заинтересованы въ политическомъ движеніи крестьянъ противъ правительства, но боялись потерять свои привилегіи крѣпостниковъ.

Со своей стороны правительство, склонное всегда поддерживать рознь между мятежными поляками-помѣщиками и православнымъ малороссійскимъ населеніемъ и культивировать среди крестьянъ преданность къ церкви и царю, отнюдь не могло потворствовать движенію, подрывавшему основы и грозившему въ случаѣ удачи разлиться по всей Россіи.

Эти своеобразныя условія и заставили правительство отнестись къ кіевскому движенію гораздо мягче и тактичнѣе, чѣмъ къ волненіямъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

Рекрутскій наборъ не пользовался симпатіями кресьтянъ, наоборотъ, они всячески отклонялись отъ тяжелой повинности. Но, когда запись на службу казаками прочно сплелась въ представленіи населенія съ „золотой волей", взрывъ патріотизма сдѣлался всеобщимъ. Крестьяне огромными массами записываются въ казаки и угрозами заставляютъ священниковъ приводить ихъ къ присягѣ. Скоро подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ у тѣхъ же священниковъ начинаютъ требовать вышедшій якобы манифестъ о волѣ и разыскиваютъ его по церквамъ, гдѣ его якобы припрятали отъ крестьянъ въ угоду помѣщикамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне поголовно отказывались отъ исполненія какихъ бы то ни было повинностей по отношенію къ помѣщикамъ и отъ всякаго вообще повиновенія, хотя и сохраняли полную неприкосновенность какъ имущества, такъ и личности своихъ господъ.

Потеряли всякій авторитетъ и мѣстныя полицейскія власти и выросло значеніе громады и мірскихъ выборныхъ, которые, несмотря на всю смуту, сумѣли сохранить все время образцовый порядокъ въ охваченныхъ волненіями мѣстностяхъ.

Требованія крестьянъ формулировались громадами просто, коротко и достаточно краснорѣчиво. „Посовѣтуйтесь между собой", побуждали крестьяне силой священниковъ, „и рѣшайтесь написать насъ всѣхъ вольными казаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе, что поля и луга—наши, и все, что есть у пановъ, наше жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали".

Въ виду упомянутыхъ выше соображеній и согласно Высочайшему предписанію „дѣйствовать... на крестьянъ преимущественно убѣжденіемъ, не прибѣгать къ военной силѣ безъ неизбѣжной въ томъ необходимости" власти вначалѣ дѣйствительно старались вразумить крестьянъ и объяснить имъ ошибочность ихъ пониманія указа, но крестьяне и не думали вѣрить этому, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сознательно притворялись невѣрующими. „Батюшка", прошепталъ одинъ крестьянинъ на ухо увѣщавшему его священнику, „мы и сами добре знаемъ, що такого указа нема, колы жъ намъ хочется, щобъ винъ бувъ". И они продолжали посылать своихъ ходоковъ со списками ополченцевъ къ кіевскому генералъ-губернатору Васильчикову. Тогда стали пороть ходоковъ, но и имъ не вѣрили, хотя они и обнажали свое тѣло для удостовѣренія своихъ словъ. Тогда власти вынуждены были перейти къ самымъ крайнимъ мѣрамъ и употребить въ дѣло штыки и пули, хотя это и не входило въ первоначальные расчеты. Въ охваченныя волненіями мѣстности было отправлено 16 эскадроновъ кава-

леріи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка и 1 дивизіонъ. За увѣщаніями пошли аресты, военные постои, экзекуціи и кровавыя столкновенія, изъ которыхъ самыя крупныя произошли въ с. Мал. Березнѣ Сквирскаго уѣзда, с. Бѣковой Греблѣ Васильковскаго уѣзда и селахъ Таганчѣ и Корсуни— Каневскаго. Въ одной Корсуни на полѣ сраженія осталось около 12 убитыхъ и 27 раненыхъ; со стороны солдатъ оказался убитымъ одинъ офицеръ и около 10 солдатъ получили ушибы. Всего же въ Кіевской губ. за 1855 годъ было убито по оффиціальнымъ даннымъ около 36 человѣкъ и 57 ранено. Многіе изъ боязни отвѣтственности умирали дома и не попали въ указанное мѣсто.

Такая сознательность, организованность и широта требованій кіевскаго движенія могли внушить большія опасенія. Послѣ такой подготовки можно было при благопріятныхъ условіяхъ ожидать и гораздо болѣе серьезнаго взрыва.

Въ великорусскихъ губерніяхъ движеніе поднималось дважды въ 1854 и въ 1855 гг. 3-го апрѣля 1854 года былъ обнародованъ указъ о морскомъ ополченіи для сформированія гребной флотиліи на Балтійскомъ морѣ. Въ ополченцы принимались люди, соотвѣтствовавшіе опредѣленной физической нормѣ, изъ четырехъ многоводныхъ губерній (Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской), гдѣ населеніе было приспособлено къ морской службѣ. Помѣщичьи крестьяне могли быть зачислены только съ согласія ихъ господъ.

И тутъ на сцену появился „патріотизмъ", вызванный все тѣми же слухами о волѣ, связанной съ военной службой. Крестьяне заволновались, перестали повиноваться своимъ господамъ и глумиться надъ крѣпостнымъ правомъ. Къ указаннымъ губерніямъ присоединились Рязанская, Тамбовская, Владимірская и др. (всего 10 губерній). Крестьяне цѣлыми толпами потянулись въ уѣздные и губернскіе города, въ Петербургъ и Москву, чтобы записаться въ ополченіе. Въ Москвѣ собралось 1371 чел., при чемъ рязанцы пришли вооруженными дубинами и желѣзными пиками. Для водворенія порядка были высланы войска. Убѣжденіями и „мѣрами строгости" волненія были прекращены.

Въ 1855 году по поводу манифестовъ о восшествіи на престолъ Александра II и о государственномъ ополченіи движеніе повторилось на этотъ разъ въ Кіевской, Воронежской, Казанской, Пермской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ. Снова массами двинулись крестьяне въ губернскіе города и въ столицы и снова были примѣнены тѣ же мѣры строгости. При этомъ въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ не было помѣщиковъ-поляковъ, не приходилось затрудняться выборомъ способа усмиренія. Не только за безпорядки, но даже за жалобы крестьянъ на помѣщиковъ были объявлены военные суды. Въ Воронежской губерніи

движеніе приняло такіе размѣры, что туда былъ посланъ для усмиренія флиг.-адъют. Багратіонъ. Въ с. Масловкѣ Бобровскаго уѣзда произошло кровавое столкновеніе съ населеніемъ, и въ результатѣ оказалось 9 чел. раненыхъ, изъ нихъ 5 тяжело.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ крестьянскія волненія были скоро прекращены, и помѣщики возстановлены въ своихъ правахъ.

Само по себѣ стихійное движеніе крестьянъ превращалось по отношенію къ другимъ слоямъ населенія въ факторъ организующій, разбивая культурное общество на мелкія группы съ отдѣльными, противорѣчивыми, часто непримиримыми интересами и вмѣстѣ съ тѣмъ объединяя ихъ неизбѣжностью и неотложностью рѣшенія аграрнаго вопроса. Даже самые отсталые крѣпостники, вынужденные бѣжать въ города изъ боязни насилія со стороны крестьянъ, должны были торопить надлежащія сферы принять радикальныя мѣры къ прекращенію такихъ ненормальныхъ отношеній.

И правительство вынуждено было найти выходъ изъ этого тупика, въ который страна попала, благодаря его безконтрольному хозяйничанью, и прежде всего хоть нѣсколько облегчить полицейскій гнетъ, подъ которымъ задыхалось многомилліонное населеніе.

Уже въ концѣ царствованія Николая Павловича наступаетъ нѣкоторая „оттепель". Въ обществѣ начинаютъ обращаться въ большомъ числѣ рукописныя записки съ разными реформаторскими проектами, въ которыхъ авторы (всѣмъ извѣстные, хотя и не подписывающіеся) осмѣливаются говорить о конституціи, рѣзко нападаютъ на современные бюрократическіе порядки и горячо отстаиваютъ отмѣну крѣпостного права.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II настроеніе общества еще больше поднялось, тѣмъ болѣе что скоро появились и явные признаки наступившей „весны". Раньше всѣхъ печать испытала на себѣ благодѣтельныя послѣдствія новыхъ вѣяній. Расширяется область, которой можетъ касаться періодическая литература, разрѣшаются новыя изданія. Университетамъ разрѣшаютъ принимать на всѣ факультеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ и возвращаются льготы, отнятыя у нихъ раньше. Отмѣняется цѣлый рядъ запрещеній и жестокихъ распоряженій предыдущаго царствованія.

Всѣ были въ восторгѣ отъ первыхъ шаговъ новаго монарха, не исключая даже представителей самаго радикальнаго лагеря. Эмигрантъ Герценъ обращается съ горячимъ воззваніемъ къ молодому императору, совѣтуя отмѣнить крѣпостное право и дать свободу слова русскимъ гражданамъ, а родоначальникъ русскихъ соціалистовъ-народниковъ Н. Г. Чернышевскій приходитъ въ такое умиленіе отъ упомянутыхъ выше либеральныхъ мѣръ и доброжелательныхъ намековъ по адресу народнаго просвѣщенія со стороны министра Норова и самого императора, что печатаетъ годовой

Императоръ Александръ II.

отчетъ министра нар. просвѣщенія въ „Современникѣ“, увѣренный въ томъ, что „читателямъ будетъ пріятно съ новой благодарностью къ Монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которымъ такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій 1855 годъ“.

Глубокая радость, охватившая всѣхъ, примиряетъ и объединяетъ самыя разнообразные взгляды; люди изъ разныхъ лагерей, славянофилы, западники, либералы и радикалы готовы поддерживать другъ друга въ интересахъ общей защиты національнаго дѣла.

Крестьянская реформа была объявлена вскорѣ послѣ заключенія мира самимъ монархомъ въ его рѣчи къ московскимъ дворянамъ. Александръ II напоминалъ депутатамъ отъ дворянства о возможности крестьянскаго бунта и предлагалъ подумать о практическомъ осуществленіи отмѣны крѣпостного права. Но дворяне не спѣшили откликаться на призывъ государя и выжидали. Слишкомъ свѣжи еще были въ памяти всѣхъ тяжелые года конца предыдущаго царствованія, и бюрократической инціативѣ весьма мало довѣряли. Дворяне продолжали уклоняться отъ выраженія своего мнѣнія и на съѣздѣ предводителей дворянства лѣтомъ 1856 года по случаю коронаціи, когда правительство, желая избѣгнуть всякихъ треній съ первенствующимъ сословіемъ, всячески старалось толкнуть ихъ сдѣлать первый шагъ въ этомъ направленіи, заставить ихъ самихъ обратиться къ правительству съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. „Дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются *одинаково* народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства“, объяснялъ такое упорство дворянъ Ф. Ю. Самаринъ въ запискѣ, представленной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ [1]). Вопросъ былъ слишкомъ важенъ для обѣихъ сторонъ: и правительство, и дворянство, можетъ быть, и не вполнѣ ясно сознавали, что въ данномъ случаѣ рѣшается старинная тяжба между престоломъ и первенствующимъ сословіемъ и проявляли большую осторожность. Въ то же время печать ничего не смѣла говорить о крестьянской реформѣ, а въ правительственныхъ сферахъ большинство старыхъ бюрократовъ были рѣшительными противниками освобожденія. Такимъ образомъ Александру II пришлось начать свою реформаторскую дѣятельность съ немногими преданными ему сотрудниками. Вся подготовленная работа носила поэтому чисто канцелярскій характеръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ были выработаны основные принципы освобожденія крестьянъ, и рескриптомъ 20 ноября 1857 года уже учреждались въ литовскомъ краѣ губернскіе дворянскіе комитеты, которымъ было предложено на опредѣленныхъ

[1]) Самаринъ. Сочин., т. II, стр. 139; цитир. по н. с. А. Корнилова.

началахъ устроить бытъ крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ. 17 декабря объ этомъ было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, и крестьянскій вопросъ могъ отнынѣ обсуждаться всѣми.

Рескрипты были встрѣчены ликованіемъ со стороны передовой литературы. Иванъ Аксаковъ привѣтствуетъ ихъ восторженными стихами. Герценъ свою статью по этому поводу начинаетъ эпиграфомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" и вписываетъ имя Александра II въ исторію, полный самыхъ радужныхъ надеждъ на будущее. Чернышевскій уподобляетъ начатое дѣло съ реформой Петра Великаго и выбираетъ эпиграфомъ для своей статьи слова изъ псалма: „возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помазалъ тя Богъ твой?".

Болѣе трезво отнеслись къ дѣлу помѣщики, которые сами должны были просить теперь объ учрежденіи комитетовъ и въ другихъ губерніяхъ изъ боязни крестьянскихъ безпорядковъ. Въ теченіе первой половины 1858 года комитеты были организованы во всей Россіи, и начались горячіе, страстные споры, которые всколыхнули всю страну. Появился спросъ на знаніе, на литературу, на образованныхъ людей, которые могли бы разобраться въ сложныхъ экономическихъ вопросахъ и трезво оцѣнить политическій моментъ. Всѣ слои населенія были втянуты въ этотъ водоворотъ общественной жизни, всѣ были охвачены общимъ подъемомъ и стремленіемъ къ просвѣщенію.

Постановленія губернскихъ комитетовъ поступали въ редакціонныя комиссіи при главномъ комитетѣ, гдѣ ихъ тщательно изучали, какъ полезный матеріалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало принимали во вниманіе при выработкѣ Положенія. Такое отношеніе со стороны бюрократіи должно было только возмущать дворянство, но оно могло надѣяться отстоять свои интересы черезъ своихъ депутатовъ, которыхъ Александръ во время своего путешествія лѣтомъ 1858 года обѣщалъ во многихъ мѣстахъ пригласить въ главный комитетъ для обсужденія поступившихъ туда проектовъ. На самомъ дѣлѣ они были приглашены не въ главный комитетъ, а въ редакціонныя комиссіи и при томъ только въ качествѣ свѣдущихъ людей, когда проектъ Положенія о крестьянахъ былъ вчернѣ уже готовъ.

Для дворянъ, какъ и для правительства, крестьянской реформой создавалось новое положеніе. Дворянскія вотчины изъ маленькихъ государствъ въ государствѣ превращались въ хозяйственныя земледѣльческія предпріятія и лишались своихъ правъ на жизнь и имущество своихъ крѣпостныхъ. На мѣсто помѣщичьяго произвола становится общегосударственный законъ, представителями котораго являются теперь мѣстные бюрократы. Принципъ управленія сохраняется прежній, но объединяетъ теперь всю

страну и подчиняетъ себѣ и помѣстное дворянство. Самый способъ проведенія реформы ясно показывалъ, что при всемъ своемъ либерализмѣ начатое правительствомъ дѣло является смѣлой попыткой къ укрѣпленію самодержавнаго бюрократическаго строя. Самодержавіе какъ-будто опирается вначалѣ на народъ и либерально-демократическую интеллигенцію, чтобы ограничить самовластіе дворянства. „Что они (помѣщики) могутъ противопоставить", задорно вопрошаетъ Герценъ въ упомянутой статьѣ, „когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ..?" Дворяне сразу оцѣнили измѣнившееся положеніе и, не понявъ въ достаточной степени неизбѣжной роли бюрократіи въ дѣлѣ укрѣпленія и централизаціи власти, направили свои стрѣлы прежде всего на это средостѣніе между монархомъ и первенствующимъ сословіемъ.

Первая группа приглашенныхъ въ Петербургъ депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ была крайне возмущена своей ролью экспертовъ и готова уже была подать императору адресъ, въ которомъ просила вторичнаго своего приглашенія для разсмотрѣнія окончательныхъ работъ редакціонныхъ комиссій и для принятія участія въ обсужденіи проектовъ въ главномъ комитетѣ. Но большая часть депутатовъ струсила и 18 человѣкъ рѣшились только просить, чтобы имъ было позволено представить въ комитетъ свои соображенія на труды комиссій. Тѣмъ не менѣе среди нихъ нашлись пять человѣкъ, которые смѣлѣе и шире посмотрѣли на дѣло и въ своемъ отдѣльномъ адресѣ выразили пожеланіе, чтобы крестьяне были освобождены съ землей при немедленномъ выкупѣ, неразорительномъ для помѣщиковъ, чтобы было образовано хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ, чтобы были введены суды присяжныхъ и свобода печати. Они заявляли о своемъ убѣжденіи, что „крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться *спокойно* и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ".

Александръ II нашелъ этотъ адресъ „ни съ чѣмъ не сообразнымъ и дерзкимъ до крайности". Полученныя депутатами черезъ губернаторовъ отношенія „съ разъясненіями" и „замѣчанія за неумѣстныя домогательства" распространялись во множествѣ копій и крайне раздражали дворянъ, которые въ видѣ протеста противъ правительства устраивали своимъ депутатамъ оваціи, чествовали ихъ обѣдами, адресами и т. п.

Въ это же время государю были представлены всеподданнѣйшее письмо симбирскаго депутата Шидловскаго и записка камергера Безобразова, въ которыхъ въ виду крайней опасности, угрожающей странѣ, авторы убѣждали государя призвать къ трону представителей отъ дворянства и составить изъ нихъ совѣщательное собраніе для обсужденія крестьянской реформы и всѣхъ другихъ

государственныхъ вопросовъ. Александръ II былъ крайне возмущенъ „непомѣрно наглымъ тономъ“ записки Безобразова, и пришелъ къ совершенно правильному убѣжденію „въ желаніи подобныхъ ему (Безобразову) учредить у насъ олигархическое правленіе“.

Опасаясь широкой агитаціи на предстоявшихъ зимой 1859—60 г. дворянскихъ собраніяхъ, Ланской разослалъ по Высочайшему повелѣнію циркуляры съ воспрещеніемъ касаться вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Такое явное нарушеніе сословныхъ правъ дворянства заставило цѣлый рядъ дворянскихъ собраній выступить съ рѣзкимъ протестомъ. Особенно шумную оппозицію бюрократіи проявили тверскіе дворяне подъ руководствомъ Унковскаго, Европеуса и Головачева. Послѣ сильной рѣчи Европеуса „противъ произвола и бюрократіи“, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся,—бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора, огромнымъ большинствомъ собранія было рѣшено подать всеподданнѣйшій адресъ съ просьбой предоставить имъ право на основаніи закона касаться въ своихъ сужденіяхъ и крестьянскаго вопроса.

Это ходатайство осталось безъ послѣдствій, а губернскій предводитель дворянства Унковскій былъ устраненъ отъ должности. А когда тверское дворянство протестовало противъ такого отношенія правительства демонстративнымъ отказомъ выбрать предводителей и депутатовъ, то послѣдовали еще болѣе строгія мѣры: Унковскій былъ сосланъ въ Вятку, Европеусъ въ Пермь, а Головачевъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Печати было воспрещено касаться этихъ событій.

Владимірское дворянство въ январѣ 1860 года также огромнымъ большинствомъ приняло адресъ, въ которомъ въ виду все той же „безгласности производства и безотвѣтственности должностныхъ лицъ“ выставляется цѣлый рядъ преобразованій, клонящихся къ обузданію чиновничества и обезпеченію населенія отъ произвола властей. Они требуютъ строгаго раздѣленія властей, суда присяжныхъ, непосредственной отвѣтственности всѣхъ и каждаго передъ судомъ, личной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ и учрежденія „новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита“, повидимому, разумѣя подъ этими мѣрами ту или иную форму контроля со стороны представительныхъ учрежденій.

Между тѣмъ редакціонныя комиссіи успѣли ознакомиться съ проектами всѣхъ остальныхъ дворянскихъ комитетовъ и пригласили въ Петербургъ вторую группу депутатовъ, которые, въ большинствѣ своемъ, принадлежали къ черноземнымъ губерніямъ и къ губерніямъ западной полосы. Въ данномъ случаѣ получилось еще

болѣе рѣзкое расхожденіе между взглядами комиссій и этихъ депутатовъ, которые были рѣшительными противниками надѣленія крестьянъ землей и образованія крестьянскихъ общинъ и сельскихъ обществъ. Они проявляли очень мало интерссовъ къ вопросу о самоуправленіи и поддерживали аристократическіе принципы. Помѣщики промышленнаго района не могли дорожить своей землей и, если хотѣли получить за нее небольшой выкупъ, то въ эту цѣну за землю входила по ихъ разсчету и уплата за рабочія руки освобождаемыхъ крѣпостныхъ. Наоборотъ, землевладѣльцы черноземной полосы и высокой земледѣльческой культуры очень дорожили своей землей, которой они не хотѣли уступать крестьянамъ, но ничего не имѣли противъ безвозмезднаго освобожденія, такъ какъ могли разсчитывать, что вскорѣ вознаградятъ себя съ избыткомъ на высокой арендной платѣ въ виду отсутствія отхожихъ промысловъ. Между этими крайними группами были и переходныя, были также между ними и другія мелкія различія, которыя могли быть выяснены и въ той или иной формѣ приняты во вниманіе только мѣстными людьми и при гласномъ обсужденіи вопроса.

Но если кабинетные бюрократы неминуемо должны были, до извѣстной степени, игнорировать мѣстныя особенности и даже пренебрегать интересами дворянства въ той мѣрѣ, въ какой этого требовали общегосударственные интересы или диктовалось страхомъ передъ крестьянскими бунтами, то все-таки депутатовъ отъ первенствующаго сословія такъ или иначе выслушивали, ихъ проекты изучали, объ ихъ интересахъ постоянно пеклись, тогда какъ о какомъ-либо привлеченіи депутатовъ отъ крѣпостныхъ при изученіи матеріаловъ для реформы не могло быть даже и рѣчи.

Эти бурные годы представительнаго періода крестьянской реформы нашли свои отраженія и въ современной печати, которая при всей стѣснительности цензурныхъ условій пріобрѣтала огромное вліяніе и значеніе организующаго начала, особенно для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые никакихъ офиціальныхъ организацій не имѣли.

Вначалѣ даже правительственные органы вполнѣ въ духѣ либеральнаго курса самого правительства выражали свое сочувствіе прогрессивнымъ теченіямъ и даже охотно помѣщали обличительныя статьи противъ злоупотребленій администраціи. Но этой идилліи скоро наступилъ конецъ, такъ какъ печать отъ дифирамбовъ по адресу правительства перешла къ критикѣ неприглядной дѣйствительности и къ такимъ заявленіямъ, которыя неминуемо должны были повлечь за собой репрессіи со стороны властей. Приходилось прибѣгать къ эзоповскому языку и чтенію между строкъ, что не всѣмъ удавалось.

Всѣ соціальныя группы были представлены въ повременной

литературѣ. Мы здѣсь встрѣчаемъ и консерватизмъ англійскаго стиля въ „Библіотекѣ для чтенія“, и фритредерство въ „Экономическомъ Указателѣ“, и спеціальную разработку аграрнаго вопроса для дворянскихъ комитетовъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ и „Журналѣ землевладѣльцевъ“, и націоналъ-либерализмъ Каткова, который съ теченіемъ времени утратитъ свой либерализмъ, а націонализмъ замѣнитъ шовинизмомъ, но въ то время смѣло и ярко представлялъ интересы прогрессивныхъ группъ дворянства и городской промышленности. Рѣдкое сочетаніе глубокаго консерватизма съ рѣзкимъ радикализмомъ представляли органы славянофиловъ. Въ крестьянскомъ вопросѣ они проявляли большую рѣшительность, сближавшую ихъ съ радикалами изъ „Современника“, съ которымъ они одинаково ревностно защищали также общину, но въ политической области у нихъ много идейнаго родства съ плантаторами черноземной полосы. Самодержавіе и православіе они считаютъ исконными русскими устоями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они противъ всякаго вмѣшательства правительства въ мѣстное самоуправленіе и за неограниченную свободу слова. Правительство не раздѣляло утопическихъ взглядовъ славянофиловъ на самодержавіе и на протяженіи двухъ лѣтъ (1857—1859) закрыло ихъ четыре журнала.

Органомъ, защищавшимъ крестьянскіе интересы, былъ „Современникъ“, душой котораго являлся Чернышевскій, нашедшій очень дѣятельную поддержку въ Добролюбовѣ. Въ своихъ соціологическихъ построеніяхъ Чернышевскій исходилъ изъ русской общины и артели, которыя должны были при благопріятныхъ условіяхъ развиться въ ячейки будущаго соціалистическаго строя. Въ разсматриваемый періодъ „Современникъ“ больше напиралъ на соціальную сторону аграрной реформы и стоялъ за передачу крестьянамъ земли, находившейся въ ихъ пользованіи до освобожденія, предлагая совершить выкупъ за счетъ государства.

Совершенно исключительнымъ успѣхомъ въ это время пользовался „Колоколъ“, издававшійся Герценомъ въ Лондонѣ въ „вольной русской типографіи“. Онъ въ тысячахъ экземплярахъ перевозится въ Россію и проникаетъ во всѣ слои вплоть до Зимняго дворца, гдѣ къ нему очень внимательно прислушиваются. Такъ, напр., Александръ II на основаніи разоблаченій „Колокола“ велѣлъ пересмотрѣть дѣло полтавскаго предводителя Кочубея, который подстрѣлилъ своего управляющаго и успѣлъ уклониться отъ правосудія. Частныя лица и стоящія у власти больше всего боялись попасть въ „Колоколъ“. „Колоколъ — власть“, говорилъ Герцену Катковъ въ Лондонѣ. „И прежде его — пишетъ по этому поводу Герценъ—повторяли то же Тургеневъ и Аксаковъ, и Самаринъ, и Кавелинъ, генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ со-

вѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. Боткинъ — постоянный, какъ подсолнечникъ, въ своемъ поклоненіи всякой силѣ—умильно смотрѣлъ на „Колоколъ“, какъ будто онъ былъ начиненъ трюфелями“...

Программа „Колокола“ была освобожденіе крестьянъ съ землей, которую они обрабатываютъ, отмѣна предварительной цензуры, отмѣна тайнаго слѣдствія (III отдѣленія) и безгласнаго суда, отмѣна тѣлеснаго наказанія. Своимъ вліяніемъ онъ прежде всего обязанъ публицистическому генію Герцена и исключительному положенію единственнаго въ то время безцензурнаго органа на русскомъ языкѣ. Мы раньше отмѣтили довѣріе Герцена къ первымъ шагамъ Александра II. 19 февраля прекратило это отношеніе. Впрочемъ, этимъ актомъ остались недовольны рѣшительно всѣ и больше всѣхъ, конечно, тѣ, которыхъ больше всѣхъ обошли, т.-е. крестьяне. Ихъ отношеніе къ манифесту 19 февраля, выразившееся въ повсемѣстномъ броженіи и крупныхъ волненіяхъ, имѣло огромное вліяніе на общественное движеніе ближайшихъ лѣтъ этого царствованія, и мы, поэтому, разскажемъ о немъ подробнѣе.

Пока подготовлялась аграрная реформа, крестьяне проявляли удивительную сдержанность и спокойствіе. Появленіе же манифеста было встрѣчено повсюду общимъ ликованіемъ. Но не долго пришлось радоваться крестьянамъ, дѣйствительность ихъ скоро разочаровала, офиціальная, „казенная“ воля разбила ихъ мечты объ „истинной“, крестьянской волѣ.

Правительственныя сферы и въ провинціи помѣщичьи и чиновничьи круги были заранѣе подготовлены къ недоброй встрѣчѣ манифеста со стороны крестьянъ, и по этому случаю принимаются мѣры предосторожности. Подписанный 19 февраля манифестъ объявляется лишь 5 марта въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ другихъ мѣстахъ значительно позже. Кромѣ того въ губерніи были командированы особо довѣренныя лица отъ государя флиг.-адъютанты и генер.-маіоры для содѣйствія мѣстнымъ властямъ въ сохраненіи порядка при объявленіи манифеста.

Смута въ деревнѣ дѣйствительно скоро началась. Врядъ ли гдѣ оказался въ Россіи такой уголокъ, гдѣ бы крестьяне остались вполнѣ довольными новымъ положеніемъ вещей. Броженіе умовъ было повсемѣстное; оно во многихъ мѣстахъ переходило въ явные безпорядки, волненія, за которыми слѣдовали и мѣры успокоенія.

Актъ 19 февраля оставлялъ въ сущности почти все на старомъ положеніи въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Крестьяне считались временно-обязанными въ этотъ срокъ и не только исполняли всѣ прежнія повинности, но даже подвергались по-прежнему тѣлесному наказанію. Отмѣнена была вотчинная власть помѣщиковъ, но крестьянину врядъ ли отъ этого стало легче, „народную жизнь...“ писалъ

по этому поводу Н. А. Серно-Соловьевичъ, „окружили цѣлымъ амфитеатромъ начальствъ, изъ которыхъ каждое отъ старосты до губернскаго присутствія можетъ... мѣшать правильному развитію народныхъ силъ. Исключительно помѣщичье управленіе крѣпостного права замѣнено управленіемъ чиновничье-помѣщичьимъ"...[1]).

Это рѣзко противорѣчило ожидавшейся крестьянами царской волѣ, по которой они не только должны были немедленно освободиться отъ всякихъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ, но и получить всю землю своихъ господъ и даже ихъ хозяйственный инвентарь, выпроводивъ ихъ въ города на царскую службу. А несвоевременное объявленіе манифеста на мѣстахъ, ничтожное количество экземпляровъ манифеста и Положенія и крайняя небрежность при разсылкѣ ихъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ пунктахъ получались только разрозненные листы, подчасъ относившіеся къ другой мѣстности, къ другому району,—все это еще въ большей степени способствовало тому, чтобы крестьяне заподозрили подлогъ со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ и предположили, что настоящая воля или перехвачена или еще будетъ объявлена до истеченія временно-обязаннаго срока (отсюда ожиданіе т.-н. „срочнаго" или „слушнаго" часа).

На этой почвѣ и прокатилась волна крестьянскихъ бунтовъ, которыхъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ за періодъ съ 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1863 г. было свыше 1100 случаевъ [2]).

Мы остановимся здѣсь на двухъ волненіяхъ, которыя выдѣляются на общемъ фонѣ крайнимъ упорствомъ крестьянъ въ отстаиваніи своей точки зрѣнія на манифестъ и трагической развязкой при усмиреніи, на волненіяхъ въ с. Безднѣ и въ с. Кандѣевкѣ. Бездненская исторія еще и потому интересна, что она произвела огромное впечатлѣніе на тогдашнее общество и широко была использована революціонной литературой шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ [3]).

Бездненскій бунтъ объединилъ населеніе трехъ уѣздовъ Казанской губ., спасскаго, чистопольскаго и лаишевскаго, а отчасти захватилъ даже и губерніи Самарскую и Симбирскую. Въ этой мѣстности еще живы были преданія о Пугачевѣ, и года за 3 до 1861 г. уже стали носиться слухи, что царь нѣсколько разъ пытался пересылать волю народу, но помѣщики ее перехватывали, а людей морили въ острогахъ.

9 марта въ Симбирскѣ во время ярмарки былъ прочитанъ ма-

---

[1]) Цитир. по ст. И. Игнатовича въ ж. „Минувш. годы", 1908, кн. VII.

[2]) В. И. Семевскій, Русская Мысль, 1905, V.

[3]) См. И. Игнатовичъ. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г., „Мин. годы", 1908, VIII и Вл. Горнъ. Крестьянскія движенія за полтора вѣка, стр. 27 и далѣе.

нифестъ и розданы листки съ выдержками изъ Положенія 19 февраля. Эта вѣсть, какъ молнія, пролетѣла по всей округѣ и вызвала самые невѣроятные кривотолки. Начались сходки, гдѣ обсуждались всевозможные слухи и выдумки о полной волѣ, о правахъ собственности крестьянъ на всѣ земли и лѣса, на раздѣлъ господскихъ выгоновъ и даже господскихъ амбаровъ. Когда же крестьянамъ былъ прочитанъ манифестъ, они порѣшили, что объявленныя имъ льготы—„пустяки", „бабья воля", а „мужичью волю" помѣщики запрятали на 2 года. Во избѣжаніе кривотолковъ чтеніе манифеста было запрещено частнымъ лицамъ и ввѣрялось только чиновникамъ и священникамъ. Это распоряженіе еще больше укрѣпило крестьянъ въ ихъ убѣжденіи и началось чтеніе своими собственными силами и вычитываніе того, что имъ хотѣлось въ Положеніи найти. Центромъ такого крестьянскаго толкованія воли скоро сдѣлался крестьянинъ с. Бездны Антонъ Петровъ, повидимому, очень тихій и застѣнчивый, мало развитой, полуграмотный сектантъ, очень усидчивый въ чтеніи Св. писанія. Его глубокая религіозность и склонность къ мистицизму, съ одной стороны, и настроеніе окружающихъ—съ другой—и создали изъ него экзальтированнаго толкователя манифеста, пророка истинной воли. Къ Антону Петрову потянулись ходоки со всѣхъ концовъ, а бездницы въ свою очередь разсылали гонцовъ во всѣ стороны съ вѣстью объ „истинной волѣ", а затѣмъ уже, когда стала угрожать опасность ареста для Антона, то и съ просьбой прислать людей на защиту его.

Всякія обязательственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ прекратились, но этимъ не ограничились и отъ словъ перешли къ дѣлу,—стали дѣлить помѣщичьи лѣса, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и господское имущество. Кромѣ того, по донесенію усмирителя волненія гр. Апраксина, „въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне прибили своихъ сельскихъ начальниковъ, выбрали новыхъ и отобрали книги отъ конторъ, требуя отчета". Въ селѣ Безднѣ къ пріѣзду графа „властей никакихъ уже не существовало", и сельское начальство было назначено изъ крестьянъ „по указанію А. Петрова", который „давалъ волю, землю, назначалъ начальствующихъ лицъ, говоря, что онъ въ скоромъ времени освободитъ 34 губерніи". Мало того, онъ, будто бы, даже проповѣдывалъ крестьянамъ „совершенную независимость... отъ мѣстныхъ властей".

Когда начальствомъ былъ отданъ приказъ объ арестѣ Антона Петрова, крестьяне его не выдали ни полицейскому чиновнику, ни исправнику, ни уѣздному предводителю дворянства. Отказомъ они отвѣтили также и гр. Апраксину, который пріѣхалъ въ Бездну и потребовалъ ихъ къ себѣ въ контору черезъ исправника. Въ то же время крестьяне принимаютъ мѣры къ увеличенію числа защитниковъ Антона. „Кто не придетъ", говорили крестьяне между

собой, „такъ тѣмъ царь и воли не дастъ", и со всѣхъ сторонъ, изъ очень отдаленныхъ селъ (за 100 и болѣе верстъ) спѣшили отбывать общественную повинность. Всего собралось въ Безднѣ не менѣе 10,000 человѣкъ. Около избы Антона былъ установленъ постоянный караулъ съ правильными смѣнами. Около с. Бездны были устроены разъѣзды и нѣчто въ родѣ пикетовъ. При приближеніи войскъ были удалены изъ деревни старики, женщины и дѣти, хотя крестьяне были увѣрены, что въ нихъ царское войско не можетъ стрѣлять, что царь и правда на ихъ сторонѣ. Говорили, впрочемъ, также, что могутъ стрѣлять только три раза, но пули никакого вреда не принесутъ и т. п.

12 апрѣля, утромъ, Апраксинъ снова явился въ Бездну въ сопровожденіи 251 чел. солдатъ. Крестьяне встрѣтили его почтительно, выславъ навстрѣчу 2 стариковъ съ хлѣбомъ-солью и снимая шапки передъ войскомъ. Апраксинъ свелъ свою роль къ роли усмирителя военной силой. Вмѣсто того чтобы лично переговорить съ крестьянами и попытаться уговорить ихъ, онъ сначала посылалъ къ нимъ священника въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи войска и двухъ адъютантовъ губернатора съ предупрежденіемъ, что генералъ будетъ стрѣлять, если толпа не разойдется. Наконецъ, онъ и самъ вышелъ къ крестьянамъ и въ краткой рѣчи потребовалъ выдачи подъ той же угрозой стрѣлять. Крестьяне на всѣ эти обращенія и угрозы отвѣчали дружнымъ крикомъ: „воля". Тогда Апраксинъ скомандовалъ солдатамъ стрѣлять. Вся десятитысячная толпа крестьянъ густой массой расположилась вокругъ избы Антона, на телѣгахъ, на изгородяхъ, на крышахъ сосѣднихъ избъ, образовавъ амфитеатръ изъ моря головъ, обращеннаго лицами къ властямъ и солдатамъ. Первые три залпа толпа вынесла спокойно. Крестьяне продолжали свой крикъ „воля" и только закрывали лица рукавицами. Изъ избы Антона раздавался голосъ: „пугаютъ", „не расходитесь", „крѣпко стойте, только три раза стрѣлять будутъ". Но залпы не прекращались и укладывали все новыя груды труповъ, пока, наконецъ, толпу не охватила паника. Поднялась невѣроятная суматоха; среди общаго гама, шума, воплей, топота и дыма какой-то казакъ вдругъ крикнулъ: „обходятъ", и пальба превратилась въ „бѣглый огонь". Пока скомандовали отбой, народъ метался во всѣ стороны, падая, кувыркаясь, прячась по дворамъ, разсыпаясь по огородамъ, по полю и густой массой заполняя улицы. Антонъ Петровъ самъ вышелъ изъ избы въ длинной рубахѣ поверхъ одежды, какъ сектанты одѣвались передъ молитвой, и, держа надъ головой Положеніе, тихо бормоталъ: „истинная воля, истинная воля". Антона и его ближайшихъ сообщниковъ здѣсь же арестовали и отправили въ острогъ въ г. Спасскъ.

По офиціальному донесенію Апраксина убитыхъ было 51, раненыхъ 77. Впрочемъ по сообщенію „Колокола", Апраксинъ при видѣ огромнаго количества труповъ, будто бы воскликнулъ: „Фу, какъ ихъ много, ну, да можно будетъ показать меньше, это всегда такъ дѣлается". По заявленію другихъ очевидцевъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ было свыше 300, что вполнѣ правдоподобно, если принять во вниманіе, что густая толпа крестьянъ тѣснымъ кольцомъ окружала стрѣлявшихъ въ нихъ солдатъ и что въ виду необычайной стойкости толпы зарядовъ было выпущено очень много.

Послѣ „боя" полководецъ поставилъ передъ крыльцомъ конторы двѣ пушки и сталъ судить обезумѣвшихъ отъ ужаса крестьянъ. Онъ заставлялъ ихъ по цѣлымъ часамъ стоять на колѣняхъ и все ругалъ.

Бездницы должны были въ наказаніе развозить раненыхъ и убитыхъ, но и здѣсь сосѣди не хотѣли уклониться отъ общественной повинности и, перенимая бездниискія подводы, отпускали наказанныхъ собратьевъ домой.

По Высочайшему повелѣнію А. Петровъ былъ преданъ военнополевому суду. 16 апрѣля его судили, 17 вынесли приговоръ, и 19 разстрѣляли, согласно приговору, въ самой Безднѣ въ присутствіи крестьянъ, согнанныхъ силою на зрѣлище въ числѣ 100 человѣкъ. Казнь произвела удручающее впечатлѣніе не только на крестьянъ, но и на солдатъ,—одинъ изъ нихъ упалъ въ обморокъ, а „12 пуль такъ плохо были направлены, что не могли убить тощаго мужика, и только пуля почти въ упоръ прекратила его бѣдную жизнь", сообщалъ по этому поводу корреспондентъ „Колокола".

Мѣстные дворяне въ благодарность за усмиреніе устроили Апраксину торжественный обѣдъ и шумно отпраздновали побѣду графа и возстановленіе своихъ попранныхъ правъ. Возмущенное этимъ празднованіемъ избіенія невинныхъ людей казанское интеллигентное общество рѣшило въ видѣ протеста устроить 16 апрѣля панихиду по бездпинскимъ жертвамъ. Главными устроителями панихиды были студенты университета и казанской духовной академіи. Во время эктеніи поминали „убіенныхъ рабовъ Божіихъ", а священникъ, студентъ духовной академіи, служившій панихиду, прибавлялъ: „убіенныхъ за свободу и любовь къ отечеству". Послѣ панихиды бакалавръ русской исторіи Щаповъ произнесъ рѣчь, ходившую потомъ въ спискахъ по городу. Въ ней онъ, по донесенію попечителя казанскаго университета, говорилъ о демократическомъ характерѣ ученія Іисуса, обвинялъ несовершенство русскаго законодательства, въ силу котораго и возможно было пролитіе крови невинныхъ, и указывалъ на конституцію, какъ на единственное условіе успѣшнаго развитія страны. Александръ II былъ, повидимому, очень раздраженъ этой панихидой и на донесеніи о

ней мин. вн. дѣлъ собственноручно написалъ: „Щапова необходимо арестовать, а двоихъ монаховъ (студентовъ духовной академіи) заключить въ Соловецкій монастырь".

29 апрѣля Щаповъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ. Впослѣдствіи арестъ ему вмѣненъ былъ въ наказаніе. Онъ былъ отстраненъ отъ преподаванія, какъ въ духовной академіи, такъ и въ университетѣ, исключенъ изъ духовнаго званія и подвергнутъ штрафу въ 450 руб. въ пользу академіи. Только усиленное ходатайство казанскаго попечителя кн. Вяземскаго спасло Щапова отъ ссылки въ Соловки. Студентъ-священникъ былъ послѣ ареста заключенъ въ Соловецкій монастырь, а іеродіаконъ отосланъ въ иркутскую епархію для миссіонерскихъ занятій. Изъ духовной академіи было исключено 7 студентовъ, изъ университета 9. Графъ Апраксинъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 3-й степени.

Въ Пензенской губерніи дѣло обстояло еще серьезнѣе, чѣмъ въ Казанской. Серно-Соловьевичъ такъ описываетъ волненія въ Пензенской губ., излагая офиціальное донесеніе, какъ онъ увѣряетъ, доподлинно [1]). Почти одновременно съ казанскими волненіями начались безпорядки и въ трехъ уѣздахъ Пензенской губ. Въ с. Черногай, Чембарскаго уѣзда, собралась трехтысячная толпа изъ пяти сосѣднихъ крупныхъ имѣній и требовала у начальства скрываемаго указа о настоящей волѣ. Въ село прибываетъ рота солдатъ и размѣщается по дворамъ, но толпа не успокаивается. Окруживъ исправника и управляющаго, крестьяне кричатъ: „бей, души ихъ" и наносятъ имъ оскорбленія и побои. На роту наступаютъ съ вилами, кидаютъ съ крышъ кирпичи, бросаются на солдатъ и пытаются ихъ обезоружить. Командовавшій ротой поручикъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, которыми трое изъ крестьянъ убито, четверо ранено. Но волненія съ возрастающей силой распространяются по окрестнымъ селеніямъ. Въ имѣніи Веригина разграбили господскій домъ и едва не убили священника. Командированный въ Пензенскую губернію для содѣйствія гражданскимъ властямъ по приведенію въ дѣйствіе манифеста 19 февраля свиты его величества ген.-маіоръ Дренякинъ съ тремя ротами пѣхоты и однимъ батальономъ конницы двинулся въ с. Черногай. Крестьяне сначала скрылись, а потомъ вышли толпой и выразили раскаяніе, объяснивъ свой протестъ проповѣдью священника Померанцева, а свое упорство помощью изъ сосѣднихъ деревень. Двѣнадцать зачинщиковъ были арестованы.

Между тѣмъ возникло броженіе въ сосѣднемъ Керенскомъ уѣздѣ. Среди крестьянъ шли толки, что при волѣ отмѣняются всѣ обя-

---

[1]) „Русское Слово", кн. VI за 1861 г. Заимствуемъ это излож. изъ брошюры Вл. Горна „Крестьянскія движенія за полтора вѣка". М. 1909, стр. 30—33.

зательныя отношенія къ помѣщикамъ, и всѣ господскія земли и даже остальное имущество (скотъ) должны перейти къ крестьянамъ. Центромъ волненія явилось с. Кандѣевка. Главнымъ руководителемъ былъ временно-обязанный крестьянинъ Егорцевъ. Принадлежа къ сектѣ молоканъ, онъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на жителей всего окрестнаго края. Изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки, становили его на возвышеніе, съ котораго онъ по-своему возвѣщалъ всѣмъ волю. Власть его возросла до того, что онъ началъ дѣлать денежные сборы и убѣждалъ съ угрозами, чтобы въ случаѣ прибытія войскъ никто, подъ опасеніемъ смерти, не выдавалъ своихъ и чтобы никто не вѣрилъ ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже царскому послу, какъ онъ самъ называлъ Дренякина.

Изъ деревень четырехъ сосѣднихъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губерній стеклось въ Кандѣевку до десяти тысячъ крестьянъ, которые съ криками „воля, воля" разъѣзжали по селеніямъ, оскорбляли священниковъ, били старшинъ и сотскихъ, перехватывали разсыльныхъ.

16 апрѣля прибылъ въ Кандѣевку генералъ Дренякинъ съ своимъ военнымъ отрядомъ. Въ продолженіе двухъ дней онъ не прибѣгалъ къ силѣ; но ни личныя его убѣжденія, ни увѣщанія священника и другихъ лицъ совершенно не имѣли успѣха. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія, что духъ своеволія быстро распространяется и проникаетъ въ Моршанскій уѣздъ, Тамбовской губ. и что всѣ крестьяне смотрятъ съ ожиданіемъ на Кандѣевку. Все это заставило, наконецъ, приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. 18 апрѣля ген. Дренякинъ предупредилъ крестьянъ, что прикажетъ стрѣлять и, получивъ отвѣтъ: „дѣлайте, что хотите", рѣшился открыть огонь. Въ толпѣ, стоявшей на улицѣ, было до 1000 человѣкъ (всего же въ деревнѣ было до 7,000). Дано было три залпа и послѣ каждаго власти пробовали убѣждать крестьянъ, но безуспѣшно. Убито было 8, ранено 26. Но это не произвело, повидимому, никакого вліянія на крестьянъ. Тогда ген. Дренякинъ рѣшился испытать, нельзя ли отхватить хоть нѣсколько человѣкъ изъ толпы, что и было исполнено удачно, безъ кровопролитія. Захвачено было и выведено изъ улицы 410 человѣкъ, остальные же разбѣжались. Упорство крестьянъ было такъ велико, что даже захваченные, окруженные войсками 410 человѣкъ не просили о помилованіи, а по-прежнему кричали: „всѣ до одного умремъ, но не покоримся". И только тогда, когда приступлено было къ наказанію главныхъ зачинщиковъ, они стали приносить повинную.

Ген. Дренякинъ оставался въ Кандѣевкѣ до 25 апрѣля и лично распоряжался сельскимъ управленіемъ, приведеніемъ въ поря-

докъ разстроенныхъ работъ въ имѣніяхъ и толкованіемъ крестьянамъ настоящаго смысла новыхъ законоположеній.

Зачинщики были преданы суду и понесли наказаніе. Послѣ этого наступило спокойствіе въ Пензенской губ. и прежніе порядки были снова возстановлены.

Общее недовольство крестьянской реформой и крестьянское движеніе, внушавшее однимъ страхъ передъ возможностью пугачевщины, а другимъ надежду на радикальное разрѣшеніе соціально-политическихъ задачъ, высоко подняли уровень политическаго настроенія въ культурномъ обществѣ, тогда какъ правительство рѣзко поворачиваетъ къ реакціи непосредственно послѣ объявленія манифеста. Старая камарилья все болѣе и болѣе оттѣсняетъ на задній планъ либеральные элементы, окружавшіе императора, который и самъ послѣ долгой и упорной борьбы съ придворными крѣпостниками кажется утомленнымъ и разочарованнымъ. А недовольство со стороны крестьянъ и общества усугубляетъ это настроеніе, такъ какъ такая „неблагодарность" живо задѣваетъ самолюбіе государя и сильно раздражаетъ его. Правда, реформаторская дѣятельность продолжается, но на всѣхъ этихъ преобразованіяхъ лежитъ уже печать новаго курса, направляемаго призванными къ власти ярко выраженными охранителями. Университетскій уставъ, земская и судебная реформы, финансовыя преобразованія, проектъ новаго цензурнаго устава—все это разрабатывается въ комиссіяхъ, подготовляется, вводится въ жизнь и вноситъ коренныя перемѣны въ государственный механизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ шагомъ все больше вносится измѣненій и искаженій въ первоначальные проекты съ неизмѣнной тенденціей всячески оградить исконные устои самодержавія вопреки интересамъ общественной иниціативы и самодѣятельности съ явнымъ стремленіемъ выдвигать на первое мѣсто пользы и нужды первенствующаго сословія на счетъ другихъ частей населенія въ дѣлѣ экономическаго благоустройства и мѣстнаго самоуправленія. Самый способъ введенія реформъ въ жизнь остается прежній, чисто бюрократическій. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякія попытки со стороны тѣхъ или иныхъ элементовъ общества заявить свой протестъ противъ частныхъ случаевъ произвола или общаго недуга государственнаго строя, самыя вѣрноподданническія указанія на необходимость коренной политической реформы подвергаются самымъ суровымъ репрессіямъ.

Между тѣмъ за актомъ 19 февраля слѣдуютъ бурные годы, когда событія слѣдуютъ за событіями, и всѣ слои населенія какъ бы спѣшатъ другъ-передъ-другомъ со своими рѣзкими протестами, проектами, призывами въ формахъ легальныхъ и нелегальныхъ и даже угрожающихъ цѣлости государства.

Подготовленное предыдущимъ періодомъ, выросшее умственно

и политически, дворянство переходитъ отъ неясныхъ намековъ на частныя улучшенія правительственной машины къ прямымъ требованіямъ конституціи. Цѣлый рядъ дворянскихъ собраній подаетъ въ 1862 году такого характера адреса. Наиболѣе типичнымъ изъ нихъ является адресъ тверского дворянства отъ 1 февр. 1862 года. Рѣшительно выступая противъ созданнаго „сановниками" временно-обязаннаго положенія крестьянъ и намѣчая другія, необходимыя для страны реформы, тверскіе дворяне безъ всякихъ обиняковъ заявляютъ, что такія „преобразованія... не могутъ быть совершены бюрократическимъ путемъ... Собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля". О томъ же заявляютъ москвичи, воронежцы, рязанцы, саратовцы, смоляне и другіе. Появляются снова записки и адреса со всевозможными проектами, которые ходятъ по рукамъ и служатъ матеріаломъ для открытыхъ заявленій.

Репрессіи выпали на долю тверскихъ мировыхъ посредниковъ, которые на своемъ губернскомъ съѣздѣ повторили въ своей резолюціи вкратцѣ дворянскій адресъ „о несостоятельности закона 19 февраля" и „о несостоятельности правительства". Всѣ они вмѣстѣ со своимъ предсѣдателемъ Алексѣемъ Бакунинымъ заключены были въ Петропавловскую крѣпость и послѣ пятимѣсячнаго предварительнаго заключенія приговорены судомъ Сената къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2 лѣтъ до 2 лѣтъ 4 мѣсяцевъ и къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. И только заступничество петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова спасло ихъ отъ тюрьмы.

Еще раньше, въ 1861 году, выступили студенты съ протестомъ противъ новыхъ правилъ новаго мин. нар. просв. Путятина, объявившаго гоненіе на корпоративныя права студентовъ, на организаціи, сходки и нѣкоторыя матеріальныя льготы. Отвѣтомъ были студенческія волненія съ демонстраціями и избіеніями студентовъ почти во всѣхъ университетскихъ городахъ. На фонѣ общаго недовольства движеніе пріобрѣтаетъ явно политическій характеръ, и студенты, подвергшіеся заключенію въ Петропавловской крѣпости, завоевываютъ всеобщія симпатіи.

Но къ концу 1862 года въ самомъ обществѣ начинаетъ замѣчаться уклонъ въ сторону реакціи. Крестьянскіе бунты, пожары, которые прокатились по всей Россіи и были приписаны реакціонерами революціоннымъ организаціямъ, хотя слѣдствіе по этому поводу не подтвердило этихъ слуховъ, наконецъ, усиливающееся революціонное движеніе—все это должно было дѣйствовать „отрезвляющимъ" образомъ на дворянское оппозиціонное настроеніе. Рѣшающимъ моментомъ въ этомъ отношеніи было польское возстаніе.

Пока движеніе въ Польшѣ не выходило изъ стадіи адресовъ и всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, почти все русское общество сочувственно относилось къ угнетенной націи. Но, когда возмущенные двойственной политикой правительства поляки взялись за оружіе не только за обособленіе Польши, но и за присоединеніе къ ней западныхъ губерній и вызвали вмѣшательство иностранныхъ державъ, отношеніе русскаго общества рѣзко измѣнилось. Начинается широкое патріотическое движеніе, со всѣхъ сторонъ поступаютъ многочисленные адреса съ протестами противъ иностраннаго вмѣшательства и распаденія монархіи, всѣ сословія, вся печать во главѣ съ Катковымъ, который быстро покидаетъ либеральный лагерь и всѣми своими силами набрасывается на Герцена и революціонеровъ, однимъ словомъ вся нація объединилась въ общемъ чувствѣ и дѣйствительно оказала правительству огромную моральную поддержку при подавленіи возстанія.

Тѣмъ не менѣе даже въ этихъ патріотическихъ адресахъ общество выражало надежду, что правительство и дальше пойдетъ по пути реформъ. Конституціонныя мечты продолжали еще жить въ средѣ дворянской оппозиціи, а объявленное въ началѣ 1864 года положеніе о земскихъ учрежденіяхъ окрылило надежды и подало поводъ московскому дворянству подать всеподданнѣйшій адресъ съ просьбой „довершить... государственное зданіе со званіемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству". Это было послѣдней дворянской мольбой о конституціи за этотъ періодъ. Изъ-за этого адреса дворянство было лишено права представлять ходатайства объ общихъ нуждахъ страны. Въ заключеніе очерка этого періода приведемъ характерный разговоръ Александра II съ звенигородскимъ предводителемъ дворянства Голохвастовымъ по поводу этой исторіи. „Что значила вся эта выходка"... Спрашивалъ государь, „чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?" Получивъ утвердительный отвѣтъ, государь продолжалъ: „И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, еслибы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски"...

Подведемъ итоги.

Экономическое развитіе страны, севастопольское пораженіе и крестьянскія волненія продиктовали необходимость коренныхъ реформъ. Правительство выступаетъ иниціаторомъ на реформаторскомъ пути, опираясь на общественное мнѣніе либеральныхъ круговъ противъ реакціонеровъ-крѣпостниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отвергая всякое содѣйствіе общества. Между тѣмъ дво-

Императоръ Александръ II на смертномъ одрѣ. Съ фотографіи Левицкаго.

рянско-оппозиціонное общество дѣлаетъ робкія заявленія противъ произвола бюрократіи. Послѣ 19 февраля либеральное настроеніе правительственныхъ сферъ смѣняется реакціоннымъ, тогда какъ оппозиціонныя проявленія и конституціонное движеніе достигаютъ въ этотъ періодъ своего апогея. Польское возстаніе служитъ поворотнымъ моментомъ въ политическомъ настроеніи общества. Общенаціональное движеніе падаетъ и къ 1866 году совершенно затихаетъ. Выстрѣлъ Каракозова служитъ какъ бы сигналомъ къ общей реакціи.

Таковы были соціальныя условія и политическая атмосфера, среди которыхъ зародилось и протекало революціонное движеніе шестидесятыхъ годовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Освободительное движеніе.

I.

Мы видѣли раньше, что уже до акта 19 февраля легальныя рамки не могли удовлетворить широкихъ запросовъ жизни, и заграничный „Колоколъ" пріобрѣтаетъ полное право гражданства. Когда же волны общественнаго движенія поднялись такъ высоко, что грозили захлестнуть самыя основы стараго порядка, когда, по выраженію Никитенко, начался „прогрессъ очертя и сломя голову", демократы должны были прибѣгнуть къ вольному станку и свободной организаціи, чтобы встать на защиту народныхъ интересовъ. Широкіе слои учащейся молодежи и разночинной интеллигенціи, которая отнынѣ присваиваетъ себѣ монополію представительства народныхъ интересовъ, и ярко-оппозиціонные элементы изъ общества вынуждены были уйти въ подполье, чтобы оттуда формулировать свои взгляды и начать пропаганду своихъ идей и организацію революціонныхъ силъ во имя осуществленія своихъ идеаловъ.

Довѣріе, оказанное демократіей правительству въ подготовительный либеральный періодъ, было подорвано окончательно, противоестественный союзъ между крайнимъ лѣвымъ крыломъ оппозиціи и бюрократіей былъ расторгнутъ, но онъ оказалъ извѣстное вліяніе и на дальнѣйшую тактику революціонной борьбы.

Въ виду того, что переживаемый переворотъ былъ соціальнымъ по преимуществу, и демократіи приходилось вести ожесточенную борьбу за каждую пядь крестьянской земли и за каждую народную копѣйку съ тѣми самыми дворянами, съ которыми боролось также и правительство, встрѣчавшее моральную поддержку въ лицѣ передовыхъ элементовъ общества, то обоюдоострый мечъ народныхъ защитниковъ естественно притуплялся съ той стороны, которая должна была быть направлена противъ архаическихъ формъ политическаго строя. Отсюда и получалось ненормальное превалированіе соціальнаго момента надъ политическимъ, которое до извѣстной степени сохранилось и въ слѣдующій періодъ открытаго революціоннаго движенія.

Тѣмъ не менѣе характерной чертой этого движенія въ первую половину шестидесятыхъ годовъ является политическая борьба,

широкая конституціонная платформа, объединявшая революціонеровъ-народниковъ съ послѣдовательными либералами изъ дворянско-буржуазнаго лагеря. Послѣ правительственнаго поворота къ реакціи и крайне неудовлетворительнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса необходимость политическаго переворота становилась тѣмъ болѣе понятной и настоятельной для всякаго искренняго демократа, чѣмъ болѣе широкія симпатіи конституціонные лозунги могли встрѣтить въ средѣ многочисленныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Широкое общенаціональное движеніе наложило свою печать и на дѣятельность революціонныхъ организацій, которая протекаетъ подъ знакомъ политики.

Другая черта, вытекающая изъ особыхъ условій момента, это опортунистическій характеръ тактики, усвоенный народной партіей. Разбросанная по немногимъ культурнымъ центрамъ въ видѣ небольшихъ оазисовъ, слабо организованная и совершенно оторванная отъ представляемаго ею народа народофильская интеллигенція неминуемо должна была измѣнять своимъ собственнымъ принципамъ, не только урѣзывая свои экономическія и политическія требованія, но и отказываясь отъ основного демократическаго принципа и пытаясь проводить поставленныя въ интересахъ народа задачи не черезъ народъ и даже не собственными только силами, а черезъ антагонистическія народу группы. Нужно, впрочемъ, прибавить, что революціонеры-народники этого періода крайне слабо объединены не только организаціонно, но и идейно, а отсюда и пестрота въ програмныхъ требованіяхъ, способахъ дѣйствія и отношеніяхъ къ другимъ партіямъ. Таковы основныя черты этого движенія.

II.

Движеніе въ Петербургѣ.

Первое мѣсто въ революціонномъ движеніи, какъ по числу и серьезности изданной литературы, такъ и по солидности организацій и лицъ, причастныхъ къ нимъ, занимаетъ Петербургъ.

Начало въ этомъ направленіи было положено въ іюлѣ 1861 г., когда появился листокъ „Великорусса" № 1-й, который былъ распространенъ въ Петербургѣ и Москвѣ [1]. Авторы листка обращаются къ образованнымъ классамъ, и какъ бы нащупываютъ вначалѣ почву, намѣчая только въ общихъ чертахъ тѣ основанія, на которыхъ можно было бы столковаться. Указавъ на недовольство помѣщичьихъ крестьянъ „обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія", на волненія, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе слои

[1]) М. Лемке. Процессъ „великоруссцевъ". Былое, 1906, VII.

простого народа, листокъ замѣчаетъ, что „если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, то надобно ждать большихъ смутъ“, и странѣ угрожаетъ новая пугачевщина. Отсюда для образованныхъ классовъ вытекаетъ необходимость самимъ взять въ свои руки народное дѣло, съ которымъ не въ состояніи справиться „при своей неспособности“ правительство и вынуждено въ силу этого прибѣгнуть къ системѣ „стѣсненій“. Впрочемъ, „великоруссцы“ считаютъ нужнымъ заявить, что въ случаѣ нерѣшительности образованнаго общества „патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло“.

Но, несмотря на угрозу, они обѣщаютъ терпѣливо ждать, пока само общество не выработаетъ своей „программы дѣйствій“. При этомъ въ основаніе этого обсужденія рекомендуется поставить два вопроса:

„Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?“

Итакъ, въ виду критическаго положенія, переживаемаго родиной, патріоты предлагаютъ образованнымъ классамъ взять судьбы Россіи въ свои собственныя руки и выставляютъ неопредѣленную угрозу обращаться къ народу въ случаѣ отказа со стороны общества.

Послѣ двухмѣсячнаго „ожиданія“ появляется № 2-й „Великорусса“, въ которомъ дается характеристика мнѣній образованнаго общества на текущіе вопросы.

„Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: *хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція.*

Но при всемъ своемъ мирномъ тонѣ и желаніи цѣной нѣкоторыхъ уступокъ пріобрѣсти союзниковъ въ либеральномъ лагерѣ, „великоруссцы“ считаютъ нужнымъ заявить и о своихъ минимальныхъ требованіяхъ, особенно въ кардинальныхъ вопросахъ текущаго момента, крестьянскомъ и національномъ.

Крестьянамъ, по мнѣнію листка, „государство должно отдать, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ“, и выкупные платежи должны быть приняты „на счетъ всей націи“.

Еще съ бо́льшей рѣшительностью отстаиваются національные интересы. Указавъ, что власть Россіи надъ Польшей поддерживается только военной силой, и что выгоднѣе добровольно отказаться отъ владычества въ странѣ, которая готова прибѣгнуть къ возстанію для своего освобожденія, авторы листка требуютъ „немедленнаго вывода нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель,

гдѣ масса народа или говоритъ по-польски или привязана къ прежней уніатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ".

Въ такомъ же смыслѣ высказывается „газета" и о малороссійскомъ вопросѣ, требуя признанія правъ національности и указывая на вредный для государственнаго единства примѣръ Австріи. Впрочемъ, „вопросъ о южной Руси" не признается спѣшнымъ и предлагается на обсужденіе самихъ малороссовъ.

Газета предостерегаетъ либераловъ отъ половинчатости въ рѣшеніи этихъ основныхъ вопросовъ. Безъ удовлетворительнаго рѣшенія этихъ задачъ нельзя упрочить конституціоннаго строя. „Если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ (крестьянъ и поляковъ) оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціонистовъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ „комитетъ" не сомнѣвается въ единомысліи либеральныхъ круговъ относительно главныхъ конституціонныхъ требованій: „отвѣтственности министровъ, вотированія бюджета, суда присяжныхъ, свободы исповѣданій, свободы печати, уничтоженія сословныхъ привилегій, самоуправленія по областнымъ и общиннымъ дѣламъ". Но онъ и въ данномъ случаѣ подчеркиваетъ неспособность правительства и рекомендуетъ требовать „не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія", т.-е. учредительнаго собранія. А чтобы обезпечить выборы народныхъ представителей, нужны: „свобода печачи, право популярнымъ людямъ составить изъ своей среды въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики".

Наконецъ, въ третьемъ номерѣ „Великорусса", появившемся въ серединѣ сентября, разсматривается вопросъ о способности „нынѣшней династіи отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо". Констатируя существованіе разногласій по этому пункту, „комитетъ" обращается къ „передовымъ патріотамъ", сторонникамъ республиканскаго образа правленія, т.-е. своимъ единомышленникамъ, сдѣлать уступку умѣренной партіи и помириться на истинно-конституціонной монархіи. Проигрышъ республиканской партіи и, по существу, не будетъ очень великъ, по мнѣнію „великоруссцевъ", такъ какъ „истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики". Тѣмъ болѣе, что такой тактическій шагъ, въ успѣшность котораго самъ „комитетъ" совершенно, впрочемъ, не вѣритъ, очень важенъ и полезенъ въ интересахъ „политическаго воспитанія массы". „Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію", къ

тому же и „ждать придется не долго". Итакъ, снисходительность и терпѣніе — „дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда".

И въ этихъ цѣляхъ „слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства", т.-е. начать съ подачи государю адреса, приложеннаго къ этому листку и составленнаго „въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его". На этотъ адресъ „комитетъ" возлагаетъ большія надежды. Каждый, у кого только имѣются убѣжденія, приглашается вести пропаганду въ пользу адреса въ кругу своихъ знакомыхъ. Затѣмъ, когда сфера вліянія такихъ пропагандистовъ расширится, обсужденіе его можно будетъ перенести въ общественныя собранія. Такимъ образомъ, адресъ сыграетъ роль организующаго начала, которымъ должны воспользоваться видные представители общества, чтобы оформить и „дисциплинировать движеніе", и составлять для этого „комитеты, которые систематически руководствовали бы партіями".

Когда общественное мнѣніе будетъ достаточно подготовлено, „комитетъ" выберетъ моментъ для собиранія подписей и подачи адреса, чтобы „эту демонстрацію" можно было „исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимой силой, предъ которой робко преклонится правительство". „Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собой могущество, передъ которымъ опустятся штыки"... Авторы убѣждены въ успѣхѣ предпріятія, хотя и увѣрены, что впослѣдствіи правительство „будетъ стараться взять назадъ свои уступки".

Заявляя о временномъ прекращеніи своего изданія впредь до выясненія отношенія образованныхъ классовъ къ ихъ проекту, „великоруссцы" прибавляютъ: „Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ и съ нимъ будемъ принуждены говорить не такимъ языкомъ и не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ".

Самый адресъ, предложенный на обсужденіе общества, изображалъ безвыходное положеніе страны, которой грозитъ неминуемый кризисъ при дальнѣйшемъ существованіи бюрократическаго режима. „Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи,—заявляется въ адресѣ,—можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей рус-

ской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ".

Богатое содержаніе, сжатый слогъ и дѣловитый тонъ, отсутствіе обычной въ „листкахъ" бьющей на эффектъ фразеологіи, ясность мысли и безупречность формы—таковы внѣшнія достоинства этого замѣчательнаго литературнаго произведенія, въ авторахъ котораго чувствуются опытные литераторы. При всей своей сдержанности „великоруссцы" являются ярко выраженными демократами по основнымъ вопросамъ, стоявшимъ тогда на очереди. Предъявляя либераламъ требованіе добиваться для крестьянъ „по крайней мѣрѣ" тѣхъ земель, которыми они пользовались до освобожденія, они съ трудомъ, повидимому, сдерживаютъ свой порывъ обратиться къ болѣе широкой аудиторіи съ болѣе радикальной платформой. Предлагаемое ими рѣшеніе національнаго вопроса не оставляетъ сомнѣнія въ ихъ децентралистическихъ симпатіяхъ на этотъ счетъ, а ихъ взглядъ на форму правленія изобличаетъ явныхъ республиканцевъ. И вполнѣ вѣрные себѣ, они не видятъ возможности установить прочный, законный порядокъ въ странѣ, иначе, какъ только черезъ учредительное собраніе. Они не забываютъ также учесть широко распространенное въ то время мнѣніе, что лѣтомъ 1863 года должно было произойти широкое революціонное движеніе среди крестьянъ [1]), и въ листкахъ и въ адресѣ указываютъ на необходимость предупредить грядущій „переворотъ".

Тѣмъ болѣе характерна тактика этой группы. Вмѣсто того, чтобы высказаться до конца, безъ всякой утайки въ защиту тѣхъ интересовъ, представителями которыхъ „великоруссцы" себя считаютъ, и обратиться непосредственно къ народу, въ революціонность котораго они вѣрятъ, чтобы „организовать и дисциплинировать" его, они взываютъ къ дворянской оппозиціи. Въ этомъ сказалась безнадежно-утопическая вѣра въ словесное воздѣйствіе на такіе слои населенія, для которыхъ предлагаемая программа была совершенно непріемлема,—чисто идеалистическая надежда *просвѣтить*, „политически воспитать массу" помѣщиковъ, кровные интересы которыхъ находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ ихъ собственной соціально-политической платформой. Но крестьянская масса при всей своей видимой революціонности была невѣжественна и далека, а либеральная оппозиція при всей своей неорганизованности представляла единственную культурную общественную силу, которая и наложила опредѣленную печать на психологію „великорусской" группы.

[1]) До весны 1863 года крестьяне оставались на положеніи временно обязанныхъ.

Печатался „Великоруссъ“ въ типографіи Академіи Генеральнаго Штаба офицерами, которые состояли членами этой организаціи [1]). Составъ лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи перваго подпольнаго органа, до сихъ поръ не выясненъ. Г. Стахевичъ на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ разговоровъ съ Н. В. Чернышевскимъ, съ которымъ онъ долго жилъ вмѣстѣ въ Сибири, приходитъ къ заключенію, что Чернышевскій былъ авторомъ листковъ или, по крайней мѣрѣ, принималъ ближайшее участіе въ редактированіи ихъ [2]). Къ такому же мнѣнію приходитъ и г. Кульчицкій [3]), основываясь на близости къ Чернышевскому распространителя листковъ поручика Обручева, котораго Л. Ф. Пантелѣевъ [4]) называетъ „любимцемъ“ Николая Гавриловича. Догадку г. Стахевича склоненъ считать правдоподобной и А. А. Корниловъ [5]), находящій, что слогъ и содержаніе листковъ напоминаютъ „Письма безъ адреса“ Чернышевскаго. Онъ прибавляетъ съ своей стороны, что въ „комитетѣ“ этой организаціи долженъ былъ участвовать и Н. А. Серно-Соловьевичъ, и ссылается при этомъ на преемственную связь между „Великоруссомъ“ и „Землей и Волей“, вліятельнѣйшимъ членомъ котораго состоялъ, по указаніямъ Л. Ф. Пантелѣева, Н. Серно-Соловьевичъ. Нѣкоторое указаніе на то, что листки „Великорусса“ составлялись литераторами изъ „Современника“, можно найти въ помѣщенномъ въ № 107 „Колокола“ письмѣ изъ Россіи [6]), приписываемомъ М. Л. Михайлову, который также сотрудничалъ въ „Современникѣ“ и былъ близокъ къ Чернышевскому. Горячо привѣтствуя появленіе свободнаго органа, напечатаннаго „въ главномъ центрѣ тайныхъ и явныхъ полицій“, этотъ „Отвѣтъ Великоруссу“ свидѣтельствуетъ о разногласіяхъ, которыя уже тогда намѣчались въ радикальныхъ кругахъ, главнымъ образомъ, по тактическимъ вопросамъ. „Время надеждъ и ожиданій прошло“, пишетъ авторъ „Отвѣта“. „Послѣ уродливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса... наступила пора борьбы, непрерывной, безпощадной... „Великоруссъ“ сознаетъ неизбѣжность борьбы; онъ хочетъ подвинуть на нее „общество“. Но если онъ хочетъ... положительныхъ результатовъ... надо обращаться не къ „обществу“, а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо

---

[1]) С. Г. Сватиковъ. Общественное движ. въ Россіи (1700—1895), II ч., стр. 24, прим.

[2]) „Закаспійское Обозрѣніе“ 1905, № 143. Цитир. по указ. ст. Лемке.

[3]) Л. Кульчицкій. Исторія русск. революціон. движенія, т. I. стр. 256, 257.

[4]) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, стр. 235.

[5]) А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II, стр. 110, прим.

[6]) „Отвѣтъ Великоруссу“ „Колоколъ“, № 107, перепечатанъ у Б. Базилевскаго въ „Матеріалахъ“ для исторіи револ. движ. въ Р. въ 60-хъ гг., стр. 25—28.

отправиться отъ положительнаго начала: что жить далѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно, а лучше быть не можетъ... „Общество" никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, чего тому нужно. Общество — это помѣщики — чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ, общность преступленій... Въ его (общества) средѣ живое начало представляется незначительнымъ меньшинствомъ, ему враждебнымъ. Меньшинство по чувствамъ принадлежитъ народу, но на дѣлѣ не имѣетъ съ нимъ никакой связи. Въ этомъ все несчастіе. Добрыя желанія меньшинства безполезны при его безсиліи, и народу недостаетъ духа начинанія, иниціативы". Отсюда вытекаетъ ближайшая задача: „Надо, чтобы меньшинство соединилось съ народомъ, стояло въ его рядахъ"... А для этого всѣмъ искреннимъ сторонникамъ народнаго дѣла нужно объединиться въ тайный союзъ. Далѣе идетъ подробная разработка и защита плана такой подпольной организаціи. Итакъ, „тѣмъ, которые на всякую смѣлую рѣчь имѣютъ наготовѣ отвѣтъ: „У насъ не на что опереться", мы въ свою очередь отвѣтимъ: Наша опора тѣ несчетныя массы, и т. д." Отношеніе къ массамъ, какъ къ опорѣ, было, естественно, спорнымъ вопросомъ среди радикальной интеллигенціи того времени, и отсюда вытекали различія во взглядахъ на ближайшія тактическія задачи. Но для автора „письма" не было сомнѣнія въ томъ, что дѣйствовать нужно только черезъ народъ. „Надо писать",—убѣждаетъ онъ далѣе,— „писать много и понятно народу, заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ, войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами (?), ввозить заграничныя изданія, привлечь къ себѣ, какъ можно больше, военныхъ, извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія, завести торговыя и промышленныя заведенія и заготовить денежныя и всякія средства". Здѣсь уже намѣчается довольно широкій планъ организаціи, и, вѣроятно, нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи уже дѣлались, но конспиративная техника въ этотъ періодъ еще крайне примитивна во всѣхъ извѣстныхъ намъ революціонныхъ группахъ.

Выяснивши такимъ образомъ свои ближайшія задачи и форму ихъ проведенія въ жизнь, авторъ „отвѣта" даетъ любопытный отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи къ либерально-конституціонному движенію: „Къ чему стремиться союзу: къ конституціи или къ чему иному? За конституцію, стало бы, вѣроятно, все дворянство". И авторъ „письма", вопреки тактикѣ „великоруссцевъ", перегибаетъ палку въ другую сторону: „Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помо-

гать, ни мѣшать имъ *теперь*. Пусть они идутъ своей дорогой, мы своей". Правда, „конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собраній и свободу печати", но „не она цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собой, освобожденіе и свободный союзъ областей".

Народники изъ „Великорусса" въ погонѣ за либералами готовы поступиться своими республиканскими симпатіями и понести большія жертвы въ крестьянскомъ вопросѣ, между тѣмъ какъ авторъ „отвѣта" находится подъ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ „уродливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса", что изъ-за конечной цѣли, „послѣдняго слова", проявляетъ крайнее равнодушіе къ конституціи и совершенно игнорируетъ другіе оппозиціонно-настроенные слои общества.

По даннымъ III отдѣленія къ дѣлу о распространеніи „Великорусса" были привлечены отставной поручикъ Обручевъ, братъ его жены докторъ Боковъ и студенты Данненбергъ, Лобановъ и Сваричевскій. Прямыхъ уликъ противъ указанныхъ лицъ не оказалось. Противъ Обручева говорила надпись на конвертахъ, въ которыхъ разсылались листки: она была сдѣлана почеркомъ, который былъ похожъ на его собственный. Кромѣ того у него нашли письмо доктора Бокова съ печатью „I. A.", которая красовалась также на многихъ конвертахъ съ „нелегальщиной". Но Обручевъ скоро самъ „добровольно объяснился", какъ сообщалъ министру юстиціи графу Панину шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, и сознался въ томъ, что распространялъ листки „Великорусса", отказавшись вмѣстѣ съ тѣмъ выдать „соучастниковъ". Лобановъ и Данненбергъ читали только случайно, по ихъ словамъ, предъявленные имъ листки, а Сваричевскій, какъ онъ показалъ, получилъ, правда, въ качествѣ редактора студенческаго сборника 10 экземпляровъ „Великорусса", но они тутъ же въ редакціи были разобраны студентами. Впрочемъ, въ его бумагахъ было найдено нѣсколько писемъ, изъ которыхъ видно было, что онъ вообще причастенъ къ дѣлу распространенія нелегальной литературы.

Въ сенатѣ, куда было передано по волѣ государя это дѣло, съ тѣмъ, чтобы оно производилось „безъ очереди и сколь можно поспѣшнѣе", Обручевъ заявилъ, что онъ рѣшился быть откровеннымъ и покаяться по двумъ соображеніямъ: 1) „потому что дѣйствительно убѣдился въ преступности своихъ дѣйствій, 2) потому что покаяніемъ надѣялся облегчить свою участь"—онъ подалъ, вмѣстѣ съ своей запиской о своемъ участіи въ распространеніи, прошеніе на высочайшее имя о помилованіи—но назвать другихъ причастныхъ

дѣлу лицъ отказался. Другіе обвиняемые, которые всѣ, кромѣ Бокова, были заключены въ Петропавловскую крѣпость, повторили свои прежнія показанія.

Приговоръ сената былъ суровъ къ сознавшемуся и покаявшемуся поручику Обручеву, главнымъ образомъ, за то, что онъ „упорно скрываетъ сообщниковъ своего преступленія, а посему... долженъ быть лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на 5 лѣтъ и потомъ поселенъ въ Сибири навсегда". Срокъ каторжныхъ работъ былъ сокращенъ Александромъ II до 3 лѣтъ. Студентъ Данненбергъ приговоренъ къ исключенію изъ университета и высылкѣ подъ надзоръ городничаго въ уѣздный городъ отдаленнѣйшей губерніи. Дѣло о Сваричевскомъ перешло въ 1 отдѣленіе 6 департамента сената, гдѣ разбиралось дѣло о московской группѣ студентовъ, обвинявшихся въ печатаніи и распространеніи нелегальной литературы. Лобановъ и Боковъ были освобождены отъ наказанія.

Надъ Обручевымъ, который теперь состоитъ генералъ-маіоромъ по адмиралтейству, былъ публично совершенъ обрядъ гражданской казни, при чемъ по свидѣтельству Л. Ф. Пантелѣева, „толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головой за то, что смѣлъ идти противъ царя" [1]).

Въ іюлѣ того же 1861 года появилась прокламація „Къ молодому поколѣнію", написанная Н. В. Шелгуновымъ и напечатанная М. И. Михайловымъ въ типографіи Герцена въ Лондонѣ. Самъ Герценъ въ этомъ предпріятіи никакого участія не принималъ и даже неодобрительно отнесся къ прокламаціи [2]). Дѣло, повидимому, было задумано и выполнено исключительно этими двумя лицами, за которыми въ данномъ случаѣ никакой организаціи не стояло. И Шелгуновъ и Михайловъ были очень близки къ литературной группѣ „Современника", но въ листкахъ „Великорусса" участія не принимали. Это обстоятельство не могло имъ, конечно, помѣшать воспользоваться распространительнымъ аппаратомъ „Великорусса", у котораго, благодаря „Современнику" и торговымъ сношеніямъ Н. Серно-Соловьевича, должны были быть большія связи въ столицахъ и провинціи. И, дѣйствительно, прокламація была широко распространена, и даже въ глухой Вологдѣ, по словамъ г. Пантелѣева, она имѣлась въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

---

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ, изъ воспоминаній прошлаго, стр. 236.

[2]) Л. Ф. Пантелѣевъ. Нелишнее разъясненіе. Былое, 1906, II, стр. 290.

Въ литературномъ отношеніи прокламація „Къ молодому поколѣнію“ [1]) значительно уступаетъ листкамъ „Великорусса“; она крайне растянута, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень неясна и отрывочна. Но по содержанію она гораздо рѣзче и рѣшительнѣй листковъ и очень напоминаетъ приведенный нами въ выдержкахъ выше „Отвѣтъ Великоруссу“, помѣщенный въ герценовскомъ „Колоколѣ“.

Характерно въ обоихъ этихъ документахъ подчеркиваніе самобытнаго развитія Россіи по сравненію съ Западомъ. Общинное землевладѣніе и отсутствіе традицій, поддерживающихъ власть аристократіи въ Зап. Европѣ, таковы тѣ преимущества, которыя исключаютъ возможность повторенія неудачи 1848 года на русской почвѣ. Культурная отсталость Россіи является, такимъ образомъ, спасительнымъ моментомъ: „Ея (Европы) несчастія, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти... Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ... мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи...“

Впрочемъ, авторъ не остается равнодушнымъ и къ конституціоннымъ гарантіямъ. Приглашая всѣхъ друзей свободы объединиться и потребовать перемѣны существующихъ порядковъ, прокламація заявляетъ:

„Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть выборная и ограниченная.

„Мы хотимъ свободы, т.-е. уничтоженія всякой цензуры.

„Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ народѣ начала самоуправленія... Наша сельская община есть основная ячейка; собраніе такихъ ячеекъ есть Русь. Вездѣ должно проходить одно начало...

„Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинакими правами, чтобы привилегированныхъ сословій не существовало... чтобы назначенія на общественныя должности шли изъ выборнаго начала... Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ.

„Мы хотимъ... чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ.

„Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи—явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія.

„Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать... Мы хотимъ сохраненія общиннаго землевладѣнья съ пе-

---

[1]) См. М. Лемке. Политическіе процессы, стр. 36—55.

редѣлами черезъ большіе сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общиннаго владѣнія землей есть заблужденіе, пусть она кончится сама собой, умретъ вслѣдствіе собственной несостоятельности...

„Мы хотимъ, чтобы 9 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель Европейской Россіи (оброчныя статьи) были отданы дворовымъ людямъ, пущеннымъ манифестомъ 19 февраля по-міру".

Нельзя сказать, чтобы эта программа отличалась большой ясностью, полнотой и опредѣленностью исходнаго принципа. Довольно ярко выступаетъ только требованіе передачи всей земли народу на началахъ, повидимому, муниципализаціи. Всѣ эти требованія сопровождаются рѣзкой критикой экономическихъ и политическихъ отношеній, правительственныхъ учрежденій и дворянскаго сословія.

Очень много мѣста отведено аграрному вопросу, который предлагается рѣшить мирнымъ путемъ, выкупивъ частную земельную собственность за счетъ казны или всѣхъ сословій страны. Впрочемъ, если такой путь окажется невозможнымъ, то „мы зовемъ охотно революцію на помощь народу".

Не оставлена безъ вниманія и армія, которую рекомендуется преобразовать въ народное ополченіе, „губернскія дружины", съ сокращеніемъ срока службы до 3—5 лѣтъ. Такая реформа признается выгодной и въ интересахъ уменьшенія расходовъ на военныя нужды. Сокращеніе бюджета, впрочемъ, считается необходимымъ и по другимъ статьямъ, и въ этихъ цѣляхъ предлагается упростить правительственный механизмъ, сдѣлавъ его болѣе народнымъ.

Не забыты и осужденные по политическимъ дѣламъ, для которыхъ выставлено требованіе полной амнистіи.

И, наконецъ, „мы хотимъ совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ..."

На какіе же классы, сословія и слои населенія разсчитываетъ авторъ прокламаціи? Не на дворянство: „въ дворянство мы не вѣруемъ,—оно показало уже свое безсиліе, непониманіе своихъ выгодъ и неумѣніе пользоваться обстоятельствами. Лишенное крѣпостного права, оно не сумѣло во-время компенсировать эту потерю конституціонными гарантіями".

„Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій; затѣмъ всѣ угнетенные"... Въ послѣднюю категорію входятъ: „чиновники, эти несчастные фабричные канцелярій... войско... и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19 февраля 1861 года открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату".

Итакъ, всѣ надежды возлагаются на „народную партію", которая должна сорганизоваться изъ разночинной интеллигенціи и опереться на крестьянъ, городской пролетаріатъ и войско. Не нужно

сомнѣваться въ успѣхѣ: „насъ милліоны, а злодѣевъ сотни". Поэтому: „говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ... Составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло..."

Прокламація „Къ молодому поколѣнію" появилась почти одновременно съ первымъ листкомъ „Великорусса" и должна была произвести еще большее впечатлѣніе своимъ радикализмомъ, особенно въ средѣ молодежи, къ которой она и была обращена. Естественно, что и власти были ею крайне встревожены и приложили всяческія старанія, чтобы обнаружить „корни и нити". Это и было достигнуто, благодаря услугамъ предателя, роль котораго взялъ на себя корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, племянникъ извѣстнаго историка.

Въ качествѣ начинающаго и подающаго надежды молодого литератора В. Костомаровъ сумѣлъ встать въ пріятельскія отношенія къ М. И. Михайлову и черезъ его посредство познакомиться съ другими литераторами, въ томъ числѣ и съ Чернышевскимъ.

По пріѣздѣ изъ-за границы Михайловъ видѣлся съ Костомаровымъ и посвятилъ его въ свою тайну, прося содѣйствія по распространенію прокламаціи. Костомаровъ отказался, но разстались они попрежнему друзьями.

Вскорѣ послѣ этого Костомаровъ былъ арестованъ по дѣлу типографіи въ Москвѣ и фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго въ составленіи и распространеніи нелегальной литературы вмѣстѣ съ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго. Въ этомъ дѣлѣ сыгралъ, будто бы, роль доносчика братъ Костомарова.

1-го сентября у Михайлова былъ произведенъ обыскъ, который ни къ какимъ результатамъ не привелъ, такъ какъ прокламація, запрятанная въ печкѣ, не была найдена. Но послѣ второго обыска 14 сентября онъ былъ уже арестованъ, несмотря на то, что и на этотъ разъ ничего не нашли: въ рукахъ III отдѣленія было перехваченное, будто бы, письмо Костомарова къ молодому графу Ростовцеву съ просьбой предупредить „М. Мих." о необходимости уничтожить „М. П.", Костомаровъ между прочимъ, писалъ, что онъ ничего не скроетъ про московскихъ студентовъ, которые „не стоятъ того, чтобы ихъ беречь". Когда Михайлову дали прочесть это письмо и заявили, что по этому дѣлу привлечено много лицъ, въ томъ числѣ и Л. П. Шелгуновъ, онъ догадался о роли Костомарова и рѣшилъ взять на себя вину, чтобы выгородить своихъ друзей.

Дальнѣйшіе допросы и очныя ставки съ Костомаровымъ только усугубляли дѣло, и Михайловъ, стараясь всячески отвлечь вниманіе отъ своего друга Н. В. Шелгунова, долженъ былъ показать, что составлялъ прокламацію онъ вмѣстѣ съ Герценомъ въ Лон-

донѣ, привезъ ее оттуда въ Россію и самъ же распространялъ, что онъ переписывалъ и стилистически исправлялъ найденную якобы у Костомарова во время обыска рукопись прокламаціи „Къ солдатамъ“ (написанной въ дѣйствительности Шелгуновымъ) и отдалъ ее вмѣстѣ съ другой рукописной прокламаціей „Къ крестьянамъ“ Костомарову для прочтенія. Въ довершеніе всего слѣдователямъ изъ III отдѣленія удалось добиться отъ Михайлова, чтобы онъ написалъ прошеніе на высочайшее имя.

Съ такимъ обвинительнымъ матеріаломъ дѣло было передано въ сенатъ, при чемъ государь приказалъ министру юстиціи Замятнину сдѣлать распоряженіе о „самоскорѣйшемъ производствѣ сего дѣла, такъ какъ преступленіе Михайлова выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ преступленій“.

По приговору сената, утвержденнаго государственнымъ совѣтомъ, Михайловъ былъ осужденъ на $12^1/_2$ лѣтъ каторжныхъ работъ (срокъ этотъ былъ сокращенъ до 6 лѣтъ государемъ) и вѣчное поселеніе въ Сибири. Послѣ публичнаго объявленія приговора первый государственный преступникъ этого царствованія былъ отправленъ на мѣсто своего назначенія.

Характерна для тогдашнихъ настроеній та встрѣча, которая была оказана поэту-каторжнику населеніемъ и начальствующими лицами по пути его слѣдованія и на мѣстѣ отбыванія наказанія. Обыватели и чиновники всѣхъ ранговъ наперерывъ другъ передъ другомъ старались оказывать ему всякія услуги, облегчая его участь, окружая его удобствами и даже комфортомъ и всячески проявляя свое вниманіе и сочувствіе передовому общественному дѣятелю. Слѣдованіе въ ссылку превратилось для Михаила Илларіоновича въ тріумфальное шествіе, по поводу котораго было назначено строжайшее разслѣдованіе, и причастныя къ дѣлу лица понесли строгое наказаніе.

Печально кончилась эта эпопея и для самого Михайлова. Въ Нерчинскомъ округѣ, гдѣ онъ долженъ былъ отбывать каторжный срокъ, онъ, благодаря попустительству властей, попалъ въ вѣдѣніе своего родного брата и былъ совсѣмъ освобожденъ отъ работъ, за что начальникъ округа полковникъ Дейхманъ былъ вскорѣ разжалованъ въ рядовые.

Попытка супруговъ Шелгуновыхъ освободить своего друга и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать за границу не удалась. Шелгуновы были арестованы въ пути и привезены въ Петербургъ, а М. И. переведенъ въ другой пріискъ. Узнавъ о судьбѣ Дейхмана, М. И. принялъ ядъ и умеръ 3 августа 1865 года.

Въ апрѣлѣ 1862 года появилось воззваніе, носящее характеръ манифеста, отъ имени партіи—*Земской Думы*. Въ основныхъ сво-

ихъ требованіяхъ манифестъ солидаренъ съ программой „Великорусса". Серьезный, дѣловитый тонъ также напоминаетъ листки Великорусса, и можно предположить, что между этими организаціями была преемственная связь [1]), тѣмъ болѣе, что и „Великоруссцы" обѣщали въ случаѣ неудачи ихъ плана кампаніи съ адресомъ перейти къ болѣе рѣшительной тактикѣ. Въ виду интереснаго для исторіи революціоннаго движенія того времени фактическаго матеріала этого манифеста, мы приводимъ этотъ краткій документъ цѣликомъ:

ЗЕМСКАЯ ДУМА.

Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія—*Земская Дума*. Цѣль ея:

Полное освобожденіе крестьянъ со всей владѣемой ими землей и

Созваніе Земской Думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для возстановленія новаго „Уложенія" и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

На-дняхъ бывшее Общее Собраніе Думы изъ депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ *кружковъ* дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствій и выступить какъ организованная партія.

Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій мы назначаемъ день „тысячелѣтія" Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству—въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены—свои требованія въ такой формѣ, передъ которой оно должно будетъ уступить.

Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньшихъ жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы то ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбой и совѣтомъ идти заодно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединиться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ, полагающихся на свои силы" [2]).

Та же аграрная программа, то же требованіе учредительнаго собранія („Земской Думы") для установленія основныхъ законовъ (новаго „Уложенія"), что и въ листкахъ „Великорусса". Даже „мирная агитація" еще продолжается до дня „тысячелѣтія" Россіи. Поразительное сходство и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Но-

---

[1]) См. Л. Кульчицкій. Исторія русск. рев. движ., стр. 270—271.

[2]) См. Б. Базилевскій. Матеріалы по ист. рев. движ. въ Р. въ 60-хъ г.г., стр. 49—50.

вымъ фактомъ и притомъ очень серьезнаго значенія являются организація партіи на съѣздѣ депутатовъ отъ провинціальныхъ кружковъ и принятіе рѣшенія начать свою дѣятельность въ ближайшемъ будущемъ „въ такой формѣ, передъ которой оно (правительство) должно будетъ уступить". Манифестъ напечатанъ въ типографіи партіи, что лишній разъ подчеркиваетъ солидность предпріятія.

Но прежде чѣмъ перейти къ новой тактикѣ, члены партіи „Земской Думы", бывшіе „великоруссцы", сочли, повидимому, нужнымъ переименовать себя въ партію „Земли и Воли". Къ такому заключенію приводитъ насъ заявленіе, сдѣланное въ № 2 „Свободы", органа „Земли и Воли".

„Члены бывшаго комитета Великорусса", читаемъ мы тамъ, „прекратившіе свое изданіе на третьемъ номерѣ и соединившіеся съ обществомъ „З. и В." во имя одной общей цѣли, считаютъ долгомъ заявить, что листокъ, выпущенный подъ именемъ „Великорусса"—подлогъ, что легко замѣтить, какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію" [1]).

Намъ неизвѣстно, какими мотивами руководились „Великоруссцы", переименовывая свою организацію въ „Земскую Думу", а затѣмъ въ „Землю и Волю". Возможно, что при этомъ имѣлись въ виду конспиративныя соображенія или тактическіе виды. По крайней мѣрѣ, только послѣ возникновенія „З. и В." появляются прокламаціи, обращенныя къ крестьянамъ и солдатамъ и написанныя очень популярнымъ и доступнымъ для неподготовленнаго читателя слогомъ. Вступленіе въ организацію новыхъ группъ и отдѣльныхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей также могло повести къ перемѣнѣ названія партіи.

Объ обществѣ „Земля и Воля" у насъ имѣются болѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Со словъ г. Пантелѣева [2]) и Н. С. Русанова [3]) мы знаемъ, что членами общества состояли такіе видные представители общества, какъ братья Серно-Соловьевичи, извѣстный публицистъ и сельскій хозяинъ А. Н. Энгельгардтъ, будущій идейный вождь народничества П. Л. Лавровъ и др. Былъ причастенъ, несомнѣнно, къ этой организаціи и Н. Г. Чернышевскій, который, можетъ быть, изъ конспиративныхъ видовъ и держался вдали отъ текущихъ дѣлъ, но, во всякомъ случаѣ, имѣлъ огромное вліяніе на идейное направленіе общества и оказывалъ ему услуги въ литературной области. Центральный комитетъ партіи состоялъ, такимъ образомъ, въ этотъ начальный періодъ своего существованія изъ очень солидныхъ людей, пользовавшихся большой извѣстностью

---

[1]) Былое, 1906, 8, стр. 192.

[2]) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, стр. 265, 282, 324, 331.

[3]) Н. С. Русановъ. П. Л. Лавровъ, Былое, 1907, II, стр. 258.

и вліяніемъ. И только послѣ ареста Серно-Соловьевича и Чернышевскаго руководство дѣлами берутъ на себя молодыя силы, менѣе подготовленные, недавно привлеченные къ организаціи студенты и уцѣлѣвшіе послѣ арестовъ прежніе участники общества.

Основателемъ „Земли и Воли", ея душой и главнымъ дѣятелемъ въ первый ея періодъ былъ Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ. Широкообразованный, съ солидной подготовкой по экономическимъ вопросамъ, очень отзывчивый и живой, благородный, прямой и рѣдко энергичный, онъ пользовался уваженіемъ и любовью въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества. Его кипучая дѣятельность проявляется на различныхъ поприщахъ: онъ служитъ въ главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ подъ руководствомъ своего родственника Буткова, поддается общему увлеченію и подаетъ государю записку по крестьянскому вопросу, пишетъ статьи въ „Современникѣ", издаетъ въ Берлинѣ за своей подписью брошюру: „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса", которая по цензурнымъ условіямъ не могла быть напечатана въ Россіи; онъ устраиваетъ по совѣту своего друга А. А. Слѣпцова книжный складъ, который даетъ ему, какъ „купцу I-ой гильдіи", возможность поддерживать самыя широкія сношенія съ провинціей, основываетъ публичную библіотеку, шахматный клубъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ воскресныхъ школахъ, чтеніяхъ и, наконецъ, играетъ роль главнаго конспиратора въ Петербургѣ.

Его политическая эволюція очень характерна для того времени. Въ 1858 году онъ еще полонъ вѣры въ реформаторскую дѣятельность правительства и самъ увлекается работой на государственной службѣ. Убѣдившись въ реакціонныхъ стремленіяхъ гр. Орлова, Адлерберга, Панина и Муравьева (впослѣдствіи „Вѣшателя"), онъ со свойственной ему прямотой и смѣлостью рѣшаетъ довести до свѣдѣнія государя о козняхъ крѣпостниковъ. Не имѣя возможности обычнымъ путемъ добиться аудіенціи, онъ проникаетъ въ царскосельскій паркъ, въ которомъ государь гулялъ по утрамъ, и добивается, такимъ образомъ, принятія своей пространной и рѣзкой записки по крестьянскому вопросу. Вопреки опасеніямъ его родныхъ и друзей, что его дерзкій поступокъ повлечетъ за собой строгое наказаніе, Александръ II приказалъ Орлову призвать и поцѣловать его.

Лѣтомъ 1861 года появляется изданная въ Берлинѣ, его брошюра: „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса". При всемъ своемъ разочарованіи, вызванномъ началами уничтоженія крѣпостного права, онъ все еще, повидимому, сохраняетъ надежду, что можно смѣлымъ и искреннимъ словомъ повліять на правящія сферы, и предлагаетъ имъ свой проектъ реформъ, результатомъ которыхъ, по его мнѣнію, „было бы изумительное развитіе экономическаго и финансоваго благосостоянія" страны.

„Я публикую проектъ,—пишетъ онъ въ своемъ предисловіи,— потому, что крестьянскій вопросъ, нерѣшенный или, правильнѣе, искаженный положеніемъ 19 февраля, разрѣшимъ только двумя способами: или общей выкупной мѣрою, или топорами,—третьяго исхода нѣтъ, а нерѣшеннымъ вопросъ оставаться не можетъ; стало люди, не желающіе насилія, должны употреблять все, что только въ ихъ власти, для содѣйствія выкупу".

„Я публикую его (проектъ) подъ своимъ именемъ,—заявляетъ онъ далѣе,—потому что думаю, что пора намъ перестать бояться... потому что тотъ, кто хочетъ правды и справедливости, долженъ умѣть безбоязненно стоять за нихъ".

Выяснивъ полную несостоятельность положенія 19 февраля и указавъ на крестьянскіе безпорядки и на жестокое подавленіе ихъ, Серно-Соловьевичъ со своей стороны предлагаетъ для окончательнаго рѣшенія вопроса исходить изъ слѣдующихъ началъ:

„1. Признаніе земли народною собственностью, слѣдовательно права каждаго на надѣлъ, а потому надѣленіе угодьями батраковъ Западнаго края и дворовыхъ, по ихъ желанію, съ содѣйствіемъ правительства, государственными имуществами.

2. Предоставленіе мірскому устройству права развиваться безъ регламентаціи и чиновничьяго вмѣшательства.

3. Сокращеніе выкупныхъ нормъ сообразно съ справедливостью и

4. Уменьшеніе крестьянскихъ платежей и пополненіе этой убавки сборами съ другихъ сословій".

Сдѣлавъ цифровой подсчетъ стоимости практическаго проведенія своего проекта въ жизнь и доказавъ его пріемлемость даже при тогдашнемъ финансовомъ положеніи, онъ приходитъ къ заключенію, что „общая выкупная операція *необходима и возможна*; результаты ея неисчислимы. Это цѣлый финансовый и экономическій переворотъ, глубокій, коренной... это заря громаднаго финансоваго могущества Россіи. Если этихъ условій недостаточно, чтобы подвинуть къ окончательному рѣшенію крестьянскаго вопроса, если не хватитъ энергіи исправить очевидную ошибку, точно такъ же, какъ не хватило пониманія избѣгнуть ея—значитъ настоящій общественный бытъ окончательно сгнилъ на корнѣ, и людямъ достаточно смѣлымъ, чтобы сознать это, ничего не остается дѣлать, какъ собирать силы для созданія вмѣсто него новаго порядка"... [1]).

Несмотря на всю рѣзкость тона и откровенныя заявленія брошюры, департаментъ полиціи не рѣшился арестовать ея автора, этого „благороднѣйшаго, чистѣйшаго и честнѣйшаго человѣка", „послѣдняго маркиза Позу", какъ охарактеризовалъ его Герценъ.

---

[1]) М. Лемке. Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами. Былое, 1906, IX, стр. 179—180 и друг.

Серно-Соловьевичу была предоставлена такимъ образомъ возможность развернуть свою нелегальную дѣятельность. Нѣкоторый свѣтъ на его проявленія въ этой области и на его политическія убѣжденія проливаютъ письма и документы, взятые у него и у связанныхъ съ нимъ лицъ во время арестовъ, послѣдовавшихъ въ іюлѣ 1862 года.

По доносу провокатора, которому удалось втереться въ домъ Герцена, на границѣ былъ арестованъ нѣкій П. А. Ветошниковъ, который везъ съ собою письма отъ лондонской эмиграціи въ Россію, въ томъ числѣ и Ник. Серно-Соловьевичу, отъ Герцена, Кельсіева и Бакунина. 7 іюля былъ арестованъ Николай Александровичъ, а затѣмъ на основаніи данныхъ переписки было сдѣлано много другихъ обысковъ и арестовъ, и вскорѣ было создано дѣло, къ которому было привлечено болѣе пятидесяти лицъ, самаго разнообразнаго общественнаго положенія. „Здѣсь, — говоритъ М. Лемке по поводу состава обвиняемыхъ, — и ученые, и малограмотные, и вѣрующіе, и невѣрующіе, и раскольники съ сектантами, и офицеры, и статскіе, и дворяне, и крестьяне, и мѣщане, и купцы, и чиновники, и люди свободныхъ профессій, и шестидесятилѣтніе старцы, и несовершеннолѣтніе юнцы, и женщины, и мущины... Словомъ, здѣсь, худо ли, хорошо ли, представлено все русское общество“ [1]).

Изъ забранныхъ у Серно-Соловьевича документовъ обращаютъ на себя вниманіе черновикъ недоконченнаго письма къ государю, проектъ конституціи и статья „Мысли вслухъ“, которые, повидимому, предназначались для представленія Александру II. До самаго своего ареста, несмотря на всѣ пережитыя разочарованія и переходъ къ революціонному образу дѣйствій, „маркизъ Поза“ сохраняетъ, очевидно, надежду повліять на государя въ духѣ радикальнаго обновленія Россіи.

„Разложеніе государственной системы,—пишетъ онъ въ статьѣ „Мысли вслухъ“, —выраженіемъ которой служитъ въ политическомъ смыслѣ—крайняя централизація и пренебреженіе массами, въ экономическомъ—эксплоатація ихъ въ пользу власти и ея служителей—фактъ несомнѣнный для всякаго наблюдающаго за ходомъ событій“. Это разложеніе, по его мнѣнію, неизбѣжно, потому что система создана на началахъ, чуждыхъ народнымъ интересамъ и его традиціямъ. Единственный выходъ изъ такого положенія ввести преобразованія не только подъ девизомъ: „все для народа“, но и „черезъ народъ“.

Несмотря на нищету и невѣжество народа, онъ вѣритъ въ его творческія силы: „Народъ умный, бойкій, смышленый, трудя-

---

1) М. Лемке. Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ и т. д. Былое, 1906, кн. 9—12.

щійся до обремененія, живя въ странѣ, обладающей громадными естественными богатствами, имѣя поземельное устройство, дѣлающее невозможнымъ пролетаріатъ—доведенъ до положенія, граничащаго съ нищенствомъ".

Раздѣляя взглядъ „Современника" на общину, какъ спасеніе отъ пролетаріата, онъ вѣритъ въ область революціоннаго взрыва: „Народъ подчинялся этому порядку, не потому, чтобы *не могъ* создать лучшаго, а потому, что не чуялъ своей силы. Теперь онъ начинаетъ ее чуять. *Времена приближаются*... Они непремѣнно наступятъ и дадутъ просторъ великому *мірскому* началу развиваться во всѣхъ своихъ проявленіяхъ".

А чтобы „переходъ къ новому порядку" произошелъ безболѣзненно, лучшіе люди привилегированныхъ классовъ должны отказаться отъ своихъ привилегій и искренно встать на сторону народа: „народъ слишкомъ много страдалъ и слишкомъ практиченъ, чтобъ вѣрить словамъ: ему нужны дѣла, дѣла разумныя и сильныя".

Здѣсь передъ нами снова воскресаетъ тактика „Великорусса". Мы должны, однако, отмѣтить характерную особенность въ сужденіяхъ Серно-Соловьевича. Наряду съ рѣзкимъ выступленіемъ на защиту крестьянскихъ правъ на землю, онъ неизмѣнно подчеркиваетъ огромныя выгоды радикальнаго рѣшенія этого вопроса для вящшаго развитія торговли и промышленности и расцвѣта національныхъ финансовъ и этимъ какъ бы обнаруживаетъ связь между его взглядами и его положеніемъ, какъ купца I-й гильдіи. Бросается въ глаза также его умѣренная точка зрѣнія—по сравненію хотя бы съ листками „Великорусса"—на политическое преобразованіе Россіи.

Въ то время какъ „Великоруссъ" даже въ своемъ проектѣ адреса рекомендуетъ требовать созыва учредительнаго собранія и предоставленія ему права установить основные законы, Серно-Соловьевичъ предлагаетъ вниманію государя въ своемъ „Проектѣ Уложенія императора Александра II" готовую конституцію, которую народъ долженъ принять, какъ основной законъ имперіи, и которая изобличаетъ въ авторѣ тенденцію къ ограниченію политическихъ правъ неимущихъ классовъ. Такъ, выборы въ Національное Собраніе производятся по его проекту по куріямъ—отъ дворянъ, крестьянъ и городскихъ жителей, при этомъ сословность избирательной системы усугубляется двухстепенностью выборовъ, имущественнымъ цензомъ для активнаго избирательнаго права и образовательнымъ для пассивнаго. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что Національное Собраніе онъ надѣляетъ очень широкими полномочіями, требуя отвѣтственности министровъ передъ нимъ, и предоставляетъ окраинамъ право на представительныя учрежденія. Населенію обезпечиваются также широкія гражданскія права и независимыя, выборныя судебныя учрежденія. Изъ другихъ требованій

проекта слѣдуетъ отмѣтить право каждаго русскаго подданнаго на участокъ земли въ 4 десятины, всеобщая податная повинность „по мѣрѣ своихъ средствъ" и наемное войско изъ добровольцевъ.

При всемъ своемъ радикализмѣ и явно революціонномъ образѣ мыслей Николай Серно-Соловьевичъ отнюдь не страдаетъ „переслащеннымъ народолюбіемъ" и, представляя собой несомнѣнно крупную политическую величину, можетъ служить типичнымъ просвѣщеннымъ представителемъ интересовъ нарождающагося торгово-промышленнаго капитала.

Политическая невоспитанность однихъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу и предательская откровенность другихъ вскрыли передъ департаментомъ полиціи значительный уголъ картины той политической агитаціи, въ центрѣ которой стоялъ С.-Соловьевичъ, и освѣщаютъ намъ до нѣкоторой степени дѣятельность „Земли и Воли" въ первый періодъ ея существованія.

Шахматный клубъ, книжный магазинъ и публичная библіотека, въ которой служила конторщицей А. Н. Энгельгардтъ, жена публициста, служили очень удобными центрами, гдѣ люди, близкіе къ организаціи, могли собираться, обсуждать свои дѣла, получать нужныя свѣдѣнія и инструкціи. Это былъ, такимъ образомъ, революціонный штабъ, куда все стекалось, какъ изъ Россіи, такъ изъ-за границы, и откуда направлялись по разнымъ городамъ и весямъ люди и революціонная литература. Между петербургскимъ центромъ и Лондономъ поддерживаются живѣйшія сношенія по изданію и пересылкѣ литературы, устройства транспорта, присылкѣ корреспонденцій, пріисканію связей, организаціи кружковъ и объединенію ихъ между собой и съ центромъ. Обращено было вниманіе на связи среди сектантовъ и изданіе для нихъ спеціальной литературы. По найденнымъ у С.-Соловьевича рукописнымъ статьямъ можно предположить, что имѣлось въ виду изданіе органа, а по прокламаціямъ, фигурировавшимъ на процессѣ Н. Г. Чернышевскаго, слѣдуетъ заключить, что намѣчалась также задача пропаганды среди крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду временнаго прекращенія послѣ извѣстныхъ пожаровъ въ Петербургѣ „Современника" Герценъ предлагалъ перенести изданіе журнала за границу.

Но никакихъ революціонныхъ изданій за это время „Земля и Воля" не успѣла напечатать; все еще продолжалась подготовительная работа по созданію партіи, и аресты Серно-Соловьевича и Чернышевскаго, повлекшіе за собой уходъ изъ организаціи всѣхъ наиболѣе солидныхъ ея членовъ, нанесъ ей огромный и непоправимый уронъ.

Н. Г. Чернышевскій былъ арестованъ на основаніи одной только фразы въ письмѣ Герцена къ С.-Соловьевичу о готовности перваго издавать вмѣстѣ съ Ник. Гавр. „Современникъ" за границей.

Чтеніе приговора.

Но, благодаря рѣзкой конспиративности Чернышевскаго, никакого обвинительнаго матеріала противъ него ни у него, ни у кого-либо другого не было найдено. Тогда на сцену выступилъ Всеволодъ Костомаровъ, проявившій уже свои предательскія способности въ дѣлѣ Михайлова. Онъ воспользовался своимъ знакомствомъ съ Чернышевскимъ и своимъ сотрудничествомъ въ „Современникѣ" и помогъ III отдѣленію создать два явно поддѣльныхъ документа, приписанныхъ Николаю Гавриловичу и якобы изобличавшихъ его противоправительственную дѣятельность. Воспользовались также для этой цѣли показаніями лжесвидѣтеля—писца, служившаго у Всеволода Костомарова и подслушавшаго, будто бы, разговоръ Николая Гавриловича и Костомарова о прокламаціи къ крестьянамъ.

Никакихъ формальныхъ основаній не было для того, чтобы приписывать „Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ" Чернышевскому. Но М. Лемке [1]) склоненъ, тѣмъ не менѣе, думать, что Ник. Гавриловичъ былъ дѣйствительно авторомъ этой рукописи, которой еще не успѣли напечатать. По своей содержательности и прекрасному, популярному слогу, разсчитанному на читателя-крестьянина, эта брошюра очень выгодно выдѣляется изъ очень многихъ литературныхъ попытокъ такого рода и несомнѣнно изобличаетъ въ авторѣ поразительное умѣніе приноравливаться къ своей аудиторіи. А разсужденіе о преимуществахъ конституціоннаго и республиканскаго образа правленія какъ будто заимствовано изъ листковъ „Великорусса".

И, несмотря на отсутствіе уликъ, въ правящихъ сферахъ были убѣждены, что необходимо убрать Чернышевскаго, чтобы парализовать дѣятельность революціонныхъ организацій. Въ прикосновенности Николая Гавриловича къ подпольной агитаціи были, впрочемъ, увѣрены рѣшительно всѣ, начиная отъ литераторовъ радикальнаго лагеря до представителей самыхъ консервативныхъ круговъ. Отсюда неудивительно, что сенатъ подъ давленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ очень мало принималъ въ соображеніе сомнительный характеръ фактическаго матеріала и вынесъ суровый приговоръ обоимъ вождямъ революціонной партіи. Серно-Соловьевичъ былъ приговоренъ къ 12 годамъ каторжныхъ работъ, а Чернышевскій къ 14. Государемъ эти приговоры были смягчены: Николай Александровичъ получилъ вѣчное поселеніе, а Николаю Гавриловичу срокъ каторги былъ сокращенъ до 7 лѣтъ.

О дальнѣйшемъ существованіи „Земли и Воли" разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣевъ, который вмѣстѣ съ Николаемъ Утинымъ былъ привлеченъ къ организаціи весной

[1]) М. Лемке. Политическіе процессы, стр. 333—336.

1862 года студентомъ Рымаренко и другимъ „агентомъ" центральнаго комитета. Вскорѣ онъ получилъ командировку по дѣламъ партіи для объединенія сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ организацій. Въ виду своей неопытности и слабыхъ связей онъ очень мало успѣлъ во время этой поѣздки, а, вернувшись въ Петербургъ, не засталъ уже никого изъ старыхъ членовъ организаціи, кромѣ Утина: аресты однихъ изъяли, а другихъ запугали. Тогда имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ самимъ взяться за созданіе организаціи. Воспользовавшись сохранившимися связями и

Н. Г. Чернышевскій у позорнаго столба.

своимъ вліяніемъ среди студентовъ, они скоро привлекли новыхъ членовъ и очень цѣнный для нихъ кружокъ Судакевича и Островскаго, основали типографію и начали издательскую дѣятельность.

Ихъ вліяніе скоро упрочилось, особенно послѣ того, какъ имъ удалось выпустить свой органъ: стали раскрываться кошельки, да и число членовъ, повидимому, стало замѣтно возрастать, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи.

Но и теперь агитація „Земли и Воли" распространялась исключительно среди студентовъ и культурнаго общества. Хотя органи-

зація и сознавала необходимость работы среди народа, но подходящихъ для этой цѣли дѣятелей не находилось. И только отдѣльныя лица по своей собственной иниціативѣ вели пропаганду въ войскахъ и среди крестьянъ.

Поэтому и литература „Земли и Воли" разсчитана исключительно на интеллигентную публику и отличается тѣмъ умѣреннымъ тономъ, который былъ унаслѣдованъ отъ предыдущихъ организацій и диктовался въ значительной степени интересами „общества".

Первая прокламація „Къ образованнымъ классамъ" появилась вскорѣ послѣ пожаровъ, когда въ правительственныхъ сферахъ и даже въ обществѣ сталъ замѣтенъ рѣзкій поворотъ въ настроеніи и распространялись слухи, приписывающіе поджоги революціонерамъ, сторонникамъ листка „Молодой Россіи", о которой будетъ рѣчь ниже.

Указавъ на рѣзкій поворотъ къ реакціи въ политикѣ правительства, на цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ въ Россіи и Польшѣ, на закрытіе школъ, органовъ печати, на переполненныя тюрьмы, разстрѣлъ крестьянъ и объявленіе военнаго положенія во многихъ мѣстностяхъ Россіи, прокламація призываетъ общество опомниться и не вѣрить навѣтамъ продажной прессы на революціонеровъ. „Мы, ваши братья,—заявляютъ авторы листка,—не можемъ быть противъ васъ, но если вы будете на сторонѣ правительства, то народъ, грозное возстаніе котораго близится, будетъ противъ васъ и насъ—не имѣющихъ права и ни малѣйшаго желанія отстать отъ народа въ минуту роковой борьбы".

Этотъ первый опытъ литературнаго выступленія оказался неудачнымъ и успѣхомъ не пользовался. Болѣе выдержанный характеръ имѣлъ № 1-й „Свободы", который произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на публику. „Единственнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію", газета считаетъ деспотизмъ. Всѣ реформы, которыя предпринимаются правительствомъ, отливаются въ уродливыя формы: разрѣшеніе крестьянскаго вопроса ведетъ къ лишенію народа земли и избіенію крестьянъ; судебная реформа сохраняетъ административный произволъ подъ именемъ „предупредительныхъ мѣръ"; заботы о „благѣ народа" выражаются въ обремененіи бѣднѣйшихъ классовъ разорительными налогами, закрытіи воскресныхъ школъ и университетовъ, въ жестокой расправѣ съ прогрессивной печатью, смѣлыми поборниками свободы и поляками, беззаконныя преслѣдованія которыхъ неизбѣжно ведутъ къ столкновенію съ европейскими державами.

Всѣ классы русскаго общества заинтересованы въ пріобрѣтеніи человѣческихъ правъ, въ свободной жизни, которая совершенно неосуществима при самодержавіи. Исходъ отсюда одинъ—неуклонная борьба, къ которой и приглашаются всѣ, которымъ дороги

Разжалованіе Н. Г. Чернышевскаго.

интересы народа. Для этой цѣли и составилось общество „Земля и Воля", выразителемъ которой является „Русскій Центральный Народный Комитетъ".

Убѣжденные въ неизбѣжности революціи землевольцы ставятъ себѣ задачей „привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интерессовъ народа, и, значитъ, ихъ собственныхъ" съ тѣмъ, чтобы „предотвратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить то кровопролитіе, которое правительство вызоветъ своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ".

Всѣ истинные друзья народа должны встать въ ряды организаціи или содѣйствовать всѣми возможными для нихъ средствами достиженію выставленныхъ „Землей и Волей" цѣлей, т.-е. созыва *Народнаго Собранія* изъ выборныхъ представителей свободнаго народа для установленія новаго общественнаго строя и обезпеченія гарантій свободныхъ выборовъ.

Въ такомъ же духѣ составлена прокламація къ „Офицерамъ всѣхъ войскъ", въ которой оповѣщается, что организація не погибла (очевидно, послѣ арестовъ) и продолжаетъ свою прежнюю дѣятельность. Офицера приглашаются составлять кружки, примыкать къ обществу, готовить солдатъ, чтобы со всѣхъ окраинъ двинуться къ центру, „подымая народъ на созваніе безсословнаго Земскаго Собора". „Когда силы наши будутъ несомнѣнны, нашъ Совѣтъ оповѣститъ васъ. Тогда начинайте походъ".

Второй № „Свободы" вызванъ взрывомъ патріотическихъ манифестацій и цѣлымъ потокомъ вѣрноподданническихъ адресовъ по поводу ожидавшагося вмѣшательства европейскихъ державъ въ рѣшеніе польскаго вопроса. Высказываясь принципіально за свободу каждаго народа, а слѣдовательно и польскаго, за полную самостоятельность, „Свобода" изобличаетъ полицейскій характеръ этого вынужденнаго патріотизма и выясняетъ всю убыточность для русскихъ финансовъ порабощенія Польши и войны для подавленія освободительнаго движенія въ ней.

По поводу того же польскаго возстанія была напечатана прокламація: „Льется польская кровь, льется русская кровь, для кого же она льется?"

Во всѣхъ этихъ печатныхъ заявленіяхъ „Земли и Воли" политическая свобода является основнымъ требованіемъ, написаннымъ на ея знамени: народно-демократическія и федеративныя начала должны были быть положены въ основаніе преобразованной Россіи. Дополняющимъ эту программу пунктомъ была земля, которая должна была быть возвращена крестьянамъ въ размѣрѣ той площади, которая была въ ихъ пользованіи до манифеста 19 февраля.

Какъ видимъ — ничего новаго по сравненію съ программой „Великорусса". Тактика въ сущности также не измѣнилась. Мы здѣсь не находимъ никакихъ попытокъ встать во главѣ народнаго

движенія, организовать его или вызвать, хотя всегда дѣлаются ссылки на близость стихійнаго взрыва и на происходящія въ разныхъ углахъ крестьянскія волненія. Нѣтъ и литературы, которая указывала бы на работу въ этомъ направленіи.

Вольное слово землевольцевъ не залетало за предѣлы „общества", съ настроеніями котораго, повидимому, связаны были фактически, по крайней мѣрѣ, всѣ надежды этой революціонной организаціи. Изъ „общества" вербовались члены организаціи, на его средства она содержала типографію и печатала свои изданія, къ нему она взывала за содѣйствіемъ и сочувствіемъ и въ его же интересахъ развивала свою подпольную дѣятельность. Народъ чаще фигурируетъ въ качествѣ возможнаго стихійнаго бунтаря, котораго нужно предупредить организованнымъ движеніемъ культурнаго общества. Впрочемъ формы этого движенія нигдѣ ясно не намѣчены. Гораздо больше, чѣмъ къ крестьянскимъ массамъ, грядущимъ бунтомъ которыхъ землевольцы пользуются, какъ пугаломъ для воздѣйствія на образованные классы, проявлено довѣрія по отношенію къ войску, впрочемъ, опять-таки главнымъ образомъ, къ привилегированной его части—къ офицерству.

Въ первомъ листкѣ организаціи, носящемъ названіе „Земля и Воля", и въ журналѣ, издаваемомъ обществомъ „Земля и Воля" и дошедшемъ до насъ въ неполномъ видѣ [1]),—наряду съ оповѣщеніемъ о сліяніи разрозненныхъ революціонныхъ кружковъ, заявляется о существованіи военныхъ группъ, примыкающихъ къ „Землѣ и Волѣ", и солидарныхъ съ ней по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ. И, дѣйствительно, цѣлый рядъ процессовъ, въ которыхъ фигурируютъ въ качествѣ обвиняемыхъ офицера и рядовые солдаты, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ направленіи было обращено усиленное вниманіе партіи. Правда, связь этихъ военныхъ группъ съ руководящимъ центромъ была скорѣе номинальная, и онѣ пользовались, повидимому, неограниченной самостоятельностью, но сношенія, хотя бы и случайныя, все-таки существовали, и землевольческая литература часто фигурируетъ въ качествѣ обвинительнаго матеріала.

Удобной ареной для пропаганды въ войскѣ были воскресныя школы, которыя были учреждены при многихъ воинскихъ частяхъ. Тамъ преподавали не только офицеры, но и студенты и другія лица. Гоненіе противъ воскресныхъ школъ привело также къ закрытію всѣхъ просвѣтительныхъ учрежденій въ войскахъ. Но эти строгости не прекратили вліянія революціонныхъ элементовъ на армію. Длинная вереница привлеченныхъ за распространеніе въ полкахъ нелегальной литературы, устную пропаганду и возбужденіе солдатъ къ

---

[1]) Былое, 1907, I, стр. 151—153.

исповиновенію начальству свидѣтельствуетъ о широкой работѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводила къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи широко и смѣло задуманная организація Арнгольда, Сливицкаго и другихъ и единоличная пропаганда подполковника Красовскаго.

Група молодыхъ офицеровъ изъ расположенной въ Варшавѣ бригады сблизилась съ вождями польской революціи Сѣраковскимъ, Домбровскимъ и русскимъ же офицеромъ Потебней, который перешелъ на сторону повстанцевъ и въ 1863 году былъ убитъ въ сраженіи съ русскими войсками подъ Песчаной скалой. Подъ вліяніемъ своихъ польскихъ друзей русскіе офицеры, во главѣ которыхъ стояли Арнгольдъ, Сливицкій II и Каплинскій, пришли къ мысли о необходимости организовать военную силу для борьбы съ существующимъ строемъ Россіи. Для созданія ядра своей революціонной арміи они рѣшили воспользоваться свободной учебной командой стрѣлковой бригады. Составъ учебной команды возобновлялся каждый годъ, по окончаніи котораго солдаты расходились по своимъ ротамъ. Захватить въ свои руки эту команду значило подчинить своему вліянію всю бригаду. Завѣдовалъ учебной командой Арнгольдъ, а его помощниками состояли Сливицкій II и Каплинскій. Вмѣстѣ съ этимъ они при помощи другихъ членовъ своего кружка Фенина, Новицкаго, Кутузова и другихъ старались основывать организаціи и въ другихъ войсковыхъ частяхъ. Пропаганда дала поразительные результаты, такъ какъ солдаты оказались болѣе воспріимчивой средой, чѣмъ офицеры.

Въ виду своихъ быстрыхъ успѣховъ Арнгольдъ и Сливицкій II напечатали въ „Колоколѣ“ прокламацію къ офицерамъ русской арміи, призывая къ борьбѣ за измѣненіе политическаго и общественнаго строя. Заканчивалась прокламація словами: „Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся“.

Но въ виду постоянныхъ, тѣсныхъ сношеній между офицерами, строгую конспирацію трудно было установить, и о революціонной работѣ среди солдатъ знали многіе, которые въ ней никакого участія не принимали. Въ числѣ ихъ былъ и Сливицкій I, братъ Сливицкаго II, и въ своихъ личныхъ интересахъ предалъ брата и его товарищей. Командиръ стрѣлковаго баталіона, которому онъ заявилъ о своемъ намѣреніи донести по начальству о военномъ заговорѣ, умолялъ его сначала оставить свой планъ, а затѣмъ просилъ дать возможность своему брату и его друзьямъ бѣжать за границу. Но Сливицкій I остался непоколебимъ. По его доносу, въ награду за который онъ потребовалъ перевода въ гвардейскій царскосельскій стрѣлковый батальонъ и получилъ соотвѣтствующее обѣщаніе отъ помощника намѣстника генерала Рамзая, Арнгольдъ, Сливицкій II и Каплинскій были арестованы. Попытка

скрыться за границу со стороны другихъ не удалась, и они тоже были задержаны. Ночью объ арестѣ узнала учебная команда и съ оружіемъ въ рукахъ бросилась въ Александровскій цитадель, обезоружила стражу и освободила своихъ любимыхъ офицеровъ. Но поднята была тревога, и со всѣхъ сторонъ стали стягиваться войска. Во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія офицера уговорили команду удалиться, простились съ ней и остались подъ арестомъ. Молодой офицеръ Берлинскій, совершенно непричастный къ дѣлу, потребовалъ, чтобы и его арестовали, такъ какъ онъ солидаренъ съ арестованными. По приговору полевого суда были разстрѣляны Арнгольдъ, Сливицкій II и унтеръ-офицеръ Ростковскій. Каплинскій былъ приговоренъ къ шести годамъ каторжныхъ работъ. Ни отъ арестованныхъ солдатъ учебной команды, ни отъ унтеръ-офицера Щура, умершаго подъ розгами, никакихъ показаній добиться не могли.

Для характеристики тогдашнихъ настроеній въ арміи интересно отмѣтить, что у стрѣлявшихъ по офицерамъ солдатъ, выбранныхъ для экзекуціи изъ эстляндскаго полка, ходили руки, по словамъ очевидцевъ. Сливицкій послѣ двѣнадцати обычныхъ выстрѣловъ былъ живъ, и фельдфебель выстрѣломъ изъ пистолета въ ухо добилъ его. А офицеры царскосельскаго стрѣлковаго баталіона со своимъ командиромъ во главѣ отказались служить вмѣстѣ съ капитаномъ-предателемъ Сливицкимъ I. Ихъ примѣру послѣдовали, будто бы, и другія гвардейскія части [1]).

О дѣлѣ подполковника Красовскаго мы узнаемъ изъ „опредѣленія генералъ-аудиторіата", напечатаннаго въ № 162 „Колокола" [2]). Будучи прикомандированнымъ къ кіевскому кадетскому корпусу, онъ лѣтомъ 1862 года отправился въ м. Корсунь, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и, переодѣваясь въ крестьянскую одежду, велъ пропаганду среди мѣстныхъ крестьянъ. Объ этомъ узнали власти, и онъ былъ вытребованъ въ Кіевъ и подвергнутъ секретному полицейскому надзору.

Вскорѣ послѣ этого онъ узнаетъ, что стоящій лагеремъ близъ Кіева 4 резервный баталіонъ Житомірскаго пѣхотнаго полка назначенъ къ выступленію въ м. Богуславъ Каневскаго уѣзда для усмиренія крестьянъ. Переодѣвшись въ крестьянскую малороссійскую одежду, онъ разбросалъ передъ лагеремъ 10 экземпляровъ сочиненной и переписанной имъ самимъ прокламаціи, въ которой возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ неповиновенію, осуждалъ дѣйствія правительства, „внушалъ солдатамъ, что ихъ посылаютъ быть палачами того народа, къ которому они сами принадлежатъ и среди

---

[1]) М. Ю. Ашенбреннеръ. Воспоминанія, Былое, 1907, IV, стр. 17—20. Б. Базилевскій. Матеріалы по исторіи револ. дв. въ Р. въ 60 гг., стр. 29· Его же. Государств. преступл. въ Р. въ XIX в., т. I, стр. 114—115.

[2]) Б. Базилевскій. Матер. по ист. револ. дв. въ Р. въ 60 гг., стр. 29—32.

котораго находятся ихъ отцы и матери, братья и сестры, что имъ прикажутъ сѣчь и разстрѣливать ихъ начальники въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и разоряютъ несчастнаго мужика, и солдаты будутъ угождать тѣмъ людямъ, которыхъ сами терпѣть не могутъ; что не пойти одному, двумъ, тремъ—мудрено, а не пойти всѣмъ—очень легко,—со всѣхъ взыскать не посмѣютъ; что приказъ сѣчь и стрѣлять крестьянъ за то, что хотятъ земли и воли... есть приказъ окаянный, и его исполнять не слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ наказаніемъ Божіимъ, проклятіемъ отцовъ, матерей и всего народа"...

Онъ былъ замѣченъ и выданъ квартирмейстеромъ баталіона Карагадовымъ. На его квартирѣ было найдено много нелегальной литературы, которую онъ, по его словамъ, никому не давалъ, сохраняя ее для своего сына, когда онъ въ состояніи будетъ понимать, считая это священнѣйшею обязанностью отца и гражданина. Сознаваясь въ инкриминируемой ему дѣятельности, онъ заявляетъ вмѣстѣ съ этимъ, что никакихъ сообщниковъ у него не было. Послѣ объявленія ему приговора онъ представилъ посѣтившему его генералъ-маіору Левковичу записку отъ имени солдатъ 4 резервнаго баталіона Житомірскаго пѣхотнаго полка; въ ней выражалось сочувствіе ему, какъ честному и благородному страдальцу, и сообщали, что оставшіеся неразысканными 4 экземпляра его воззванія солдаты выучили наизусть и передали кому слѣдуетъ, что между ними еще мало такихъ, которые его понимаютъ, но скоро будетъ больше и, наконецъ, всѣ.

Красовскій былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни, которая замѣнена была ему государемъ двѣнадцатилѣтней каторгой.

Большое вліяніе оказывали въ это время на русскую военную среду офицеры-поляки, изъ которыхъ многіе покидали армію и примыкали къ повстанцамъ или оказывали имъ большія услуги своими связями и положеніемъ. Такъ, Жверждовскій воспользовался довѣріемъ командира корпуса барона Рамзая и вызвался самъ доставить въ дѣйствующую армію громадный транспортъ съ оружіемъ и боевыми припасами, деньгами и амуниціей подъ прикрытіемъ сильнаго отряда и сдалъ весь этотъ транспортъ вмѣстѣ съ отрядомъ въ литовскихъ лѣсахъ повстанцамъ, а самъ вскорѣ явился подъ именемъ Топора однимъ изъ главныхъ начальниковъ литовскаго революціоннаго отдѣла. Онъ спустя нѣкоторое время былъ взятъ въ плѣнъ при неудачной попыткѣ овладѣть городомъ Борисовымъ и повѣшенъ Муравьевымъ [1]).

При всей случайности эти попытки большею частью единоличной пропаганды и организаціи въ войскахъ создавали извѣстную

[1]) М. Ю. Ашенбреннеръ. Воспоминанія. Былое, 1907, IV, стр. 12.

Н. Г. Чернышевскій.

сферу вліянія, центромъ котораго была „Земля и Воля". Гораздо шире былъ кругъ лицъ, организаціонно связанныхъ съ „центральнымъ комитетомъ", въ средѣ разночинной интеллигенціи. Но политическое значеніе партіи было крайне невелико, и причиной этой слабости было отсутствіе связей въ народѣ. Когда делегатъ отъ польскаго центральнаго комитета, пріѣхавшій наканунѣ возстанія въ Петербургъ, обратился къ „Землѣ и Волѣ" съ просьбой о помощи, комитетъ долженъ былъ при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ дѣлу повстанцевъ заявить, что у него нѣтъ ни малѣйшихъ средствъ сдѣлать въ ихъ пользу хотя бы незначительную диверсію, такъ какъ партія находится еще въ подготовительномъ періодѣ собиранія и организаціи силъ, хотя и допускалась возможность отдѣльныхъ крестьянскихъ волненій, которыя могли бы отвлечь силы правительства. Вся помощь со стороны „Земли и Воли" выразилась въ томъ, что по просьбѣ польскаго представителя изъ генеральнаго штаба была добыта военно-топографическая карта Западнаго края и оказано содѣйствіе по устройству нѣсколькихъ побѣговъ [1]).

Но революціонное броженіе въ 1863 году сильно пошло на убыль, особенно послѣ того, какъ польское возстаніе начало клониться къ упадку, а реакціонныя настроенія все болѣе крѣпли. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей „Земли и Воли" Н. Утинъ долженъ былъ бѣжать за границу, а между тѣмъ притокъ новыхъ силъ къ организаціи совершался очень туго. Падало сочувствіе не только со стороны общества, но и въ средѣ молодежи, ряды которой къ тому же сильно порѣдѣли отъ арестовъ и высылокъ. При такомъ положеніи дѣла комитету ничего больше не оставалось какъ закрыть организацію до болѣе благопріятнаго времени. Одному изъ членовъ комитета поручено было объявить объ этомъ по провинціальнымъ секціямъ, и „Земля и Воля" перестала существовать [2]).

III.

Казанскій заговоръ.

Жители города Казани были крайне смущены, услыхавъ весной 1863 года, что у нихъ объявлено военное положеніе, и увидѣвъ, что изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ стягиваются войска, а заржавленныя пушки, скромно прятавшіяся до сихъ поръ подъ губернаторскимъ домомъ, приведены въ боевую готовность. Но казанцы не только не дождались иноземнаго нашествія, но и о внутреннихъ врагахъ услышали только тогда, когда ими были переполнены всѣ губернскіе казематы. Никакого „вооруженнаго возстанія въ г. Казани", какъ этотъ эпизодъ офиціально былъ названъ, не было, но

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, стр. 297—8 и 303.

[2]) Л. Ф. Пантелѣевъ, упом. соч., стр. 308—310.

было даже и попытки къ возстанію, „революцію только въ умѣ пущали", какъ характеризуетъ эту исторію одинъ изъ ея участниковъ И. Красноперовъ [1]) словами щедринскаго героя.

Казанскій заговоръ является ближайшимъ образомъ эпизодомъ изъ дѣятельности польскихъ повстанцевъ, которые на свой рискъ и страхъ рѣшили произвести диверсію въ восточной Россіи для отвлеченія правительственныхъ войскъ и сдѣлали попытку поднять для этой цѣли бунтъ среди поволжскихъ крестьянъ. Но къ дѣлу были привлечены и мѣстныя русскія революціонныя силы, кружокъ казанскихъ студентовъ и группа офицеровъ-поляковъ, состоявшихъ на русской службѣ.

Послѣ извѣстныхъ крестьянскихъ волненій въ с. Безднѣ, Казанской губерніи, тамъ была расположена рота солдатъ подъ командой штабсъ-капитана Иваницкаго и офицеровъ Мрочека и Станкевича. Особенно среди нихъ выдѣлялся Иваницкій, который привлекалъ къ себѣ молодежь своимъ недюжиннымъ умомъ и безграничной преданностью революціонному дѣлу. Крестьяне с. Бездны, которые въ 1862 году подверглись жестокому усмиренію, представляли благодарную почву для пропаганды, и офицера призывали ихъ къ отказу отъ податей и къ организаціи боевыхъ дружинъ. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ польскому возстанію, Иваницкій не отдѣлялъ польскаго освободительнаго движенія отъ русскаго и вполнѣ раздѣлялъ программу студенческаго революціоннаго кружка, организовавшагося въ Казани; предоставленіе всей земли въ пользованіе крестьянъ и созывъ земскаго собора отъ выборныхъ всей земли въ качествѣ учредительнаго собранія—таковы были основныя требованія этой программы. Члены студенческаго кружка, съ которымъ бездинскіе офицеры стояли въ тѣсныхъ отношеніяхъ въ свою очередь вели пропаганду въ деревнѣ, а одинъ изъ нихъ Иванъ Орловъ предпринялъ даже съ этой цѣлью продолжительную поѣздку по восточной Россіи и Сибири вплоть до Иркутска.

Въ это время агентъ польскаго повстанческаго комитета, сынъ польскаго эмигранта французскій подданный Іеронимъ Кеневичъ, задумалъ воспользоваться именемъ „Земли и Воли" безъ ея согласія и даже вопреки ея волѣ, чтобы поднять бунтъ среди поволжскихъ крестьянъ и отправилъ для этого на Волгу своихъ единомышленниковъ Маевскаго, Новицкаго, Ольхновича и Госцевича для разбрасыванія подложныхъ манифестовъ. Въ этихъ манифестахъ объявлялось о дарованіи всѣмъ безъ различія состояній полной свободы, о предоставленіи крестьянамъ земли въ неотъемлемое и потомственное владѣніе безъ всякой за нее платы, о распущеніи арміи и возвращеніи солдатъ на родину съ безвозмезднымъ надѣле-

---

[1]) И. Красноперовъ, въ 1863 году (отрывки изъ воспоминаній). Минувшіе годы. XIII, 1908.

ніемъ ихъ землею изъ казенныхъ дачъ, объ уничтоженіи подушныхъ податей и рекрутской повинности, о назначеніи по выбору народа уѣздныхъ и губернскихъ начальниковъ и призывѣ къ возстанію противъ властей, которыя осмѣлились бы противиться исполненію всего вышесказаннаго. Прокламаціи были распространены въ большомъ количествѣ, и въ Пензенской губерніи вызвали очень серьезные безпорядки, которые пришлось усмирять военной силой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ поручика Черняка Кеневичу удалось установить связи съ казанскими революціонерами, и Иваницкій предложилъ съ своей стороны слѣдующій планъ. Дождавшись прибытія въ Казань арестантской партіи поляковъ, мѣстная группа должна была освободить арестантовъ и съ ихъ помощью и молодежи, на содѣйствіе которой можно было разсчитывать, и человѣкъ ста, которыхъ ожидали изъ Москвы, вооружившись штуцерами, револьверами и кинжалами, завладѣть складами патроновъ, пороха и свинца, забрать цейхгаузъ съ оружіемъ, захватить два или три орудія около порохового завода, напасть на казармы, давъ предварительно солдатамъ опіумъ въ пищѣ, арестовать всѣхъ начальниковъ и забрать казначейство и деньги разныхъ вѣдомствъ. Затѣмъ, овладѣвъ пароходами на Волгѣ и Окѣ и возбудивъ народъ къ мятежу при помощи прокламацій, отправить партіи на Пермь, Вятку и Ижевскій заводъ; здѣсь забрать ружья и образовать народное ополченіе.

Объ этомъ фантастическомъ планѣ власти узнали раньше, чѣмъ сдѣланы были какія-либо попытки къ проведенію его въ жизнь. Тѣмъ не менѣе участники мнимаго возстанія понесли жестокую кару: поляки были разстрѣляны, а ихъ сообщники русскіе были приговорены на продолжительные сроки къ каторжнымъ работамъ и крѣпости [1]).

При всей своей сказочности казанскій заговоръ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о наличности революціонной организаціи, которая способна была на тѣ или иныя активныя выступленія. Мы очень мало освѣдомлены о революціонной работѣ въ шестидесятые годы въ другихъ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ, и казанское дѣло можетъ до извѣстной степени служить иллюстраціей для мѣстныхъ организацій и ихъ настроеній и того общаго броженія, которое переживалось тогда во всѣхъ углахъ Россіи.

---

[1]) В. Л. Бурцевъ, Былое, вып. II, стр. 138 — 141. Базилевскій, Госуд. прест. въ Р. въ 19 в., стр. 124. Его же, Казанскій заговоръ въ „Матеріалахъ по ист. рев. движ. въ Р. въ 60 гг.," стр. 134 — 147. И. Красноперовъ, упом. м., стр. 79—80.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кружки въ Москвѣ.

Уже въ концѣ 50-хъ годовъ существовалъ въ Москвѣ кружокъ лицъ, преслѣдовавшихъ, повидимому, цѣли самообразованія. Организація была основана казанскимъ студенческимъ землячествомъ въ Москвѣ подъ именемъ „Библіотеки казанскихъ студентовъ", главными руководителями которой были студентъ сначала казанскаго, потомъ московскаго университета Маковѣевъ и желѣзнодорожный служащій дворянинъ Юрій Мосоловъ [1]).

По примѣру казанцевъ устраивались, вѣроятно, и другіе земляческія организаціи подобнаго типа, которыя были связаны между собой и поддерживали сношенія съ такими же кружками въ другихъ городахъ.

Общій политическій подъемъ вызвалъ большое оживленіе среди этихъ группъ, и въ 1861 году правительствующему сенату пришлось уже имѣть дѣло съ широкой студенческой организаціей, занимавшейся изданіемъ и распространеніемъ нелегальной литературы [2]). Къ этому дѣлу было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ около 30 лицъ, главнымъ образомъ московскихъ студентовъ, во главѣ которыхъ стояли Петръ Григорьевичъ Заичневскій и Периклъ Аргиропуло. Въ качествѣ обвинительнаго матеріала, объединяющаго всю группу, фигурируютъ литографированныя изданія сочиненій Герцена и Огарева, Фейербаха, Леру, Прудона, Луи-Блана и др. и портреты декабристовъ, русскихъ эмигрантовъ, польскихъ эмиссаровъ и т. п. Упомянутыя изданія литографировались въ очень большомъ количествѣ и продавались, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ, куда они разсылались по почтѣ и черезъ спеціальныхъ агентовъ. Двое изъ обвиняемыхъ, бывшіе студенты Яковъ Сулинъ и Петръ Петровскій-Ильенко обзавелись въ октябрѣ 1860 года большимъ деревяннымъ печатнымъ станкомъ, на которомъ они напечатали 300 экземпляровъ книги Огарева: „Разборъ

[1]) „Дѣло Н. Андрущенко" перепечат. изъ №№ 208—315 „Колокола" въ „Матеріал. для истор. рев. дв. въ Р. въ 60-хъ гг.", подъ ред. Базилевскаго.

[2]) Истор. сборн. „О минувшемъ", 1909 г. ст. „Дѣло Заичневскаго" и А. М. „Воспоминанія о П. Г. Заичневскомъ".

книги барона Корфа". Изданіе было распредѣлено между знакомыми для продажи. Вскорѣ послѣ этого по иниціативѣ отставного корнета Всеволода Костомарова [1]) былъ пріобрѣтенъ чугунный станокъ и перевезенъ къ нему на квартиру. Здѣсь Костомаровъ вмѣстѣ съ Сулинымъ и студ. Сороко началъ печатаніе двухъ прокламацій, которыя были привезены Сороко изъ Петербурга отъ поэта Михайлова. Это были рукописи воззваній: „Къ барскимъ крестьянамъ" и „Къ солдатамъ", которыя фигурировали въ качествѣ обвинительнаго матеріала противъ Чернышевскаго. Убѣдившись въ преступности воззваній, Костомаровъ, будто бы, написалъ анонимное письмо на свое имя съ извѣщеніемъ объ ожидавшемся у нихъ обыскѣ. Станокъ въ виду этого стали перевозить на другую квартиру. Воспользовавшись суматохой во время разборки и укладыванія станка, Костомаровъ завладѣлъ рукописями и спряталъ ихъ у себя. Но ихъ, будто бы, укралъ у него его родной братъ Николай, который потребовалъ съ него денегъ за свое молчаніе, и такъ какъ онъ требованія брата исполнить не могъ, то послѣдній и донесъ на него. Съ этого момента и начинается, повидимому, приведеніе въ исполненіе его предательскаго плана.

Тѣмъ не менѣе типографія была сплавлена на другую квартиру и продана Аргиропуло, который и организовалъ печатаніе изданной имъ и его товарищами прокламаціи: „Молодая Россія".

Наиболѣе тяжелыя обвиненія падали на представителя этой группы П. Заичневскаго. Помимо большого количества литографированныхъ сочиненій у него были забраны во время обыска документы, изъ которыхъ видно было, что проѣздомъ черезъ Подольскъ онъ въ іюнѣ 1861 года произнесъ рѣчь передъ собравшимися крестьянами о манифестѣ 19 февраля, объ общинномъ землевладѣніи, критикуя дѣйствія властей и политическій строй Россіи и восхваляя вожака крестьянскихъ безпорядковъ въ с. Безднѣ Антона Петрова. Такую же рѣчь онъ произнесъ на деревенской свадьбѣ въ Орловской губерніи, гдѣ мужики его обнимали и наперерывъ другъ передъ другомъ стали звать къ себѣ и благодарили за его сочувствіе къ нимъ. Разъясняя крестьянамъ преимущества общиннаго начала въ экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ, онъ убѣждалъ ихъ въ безразсудности бунта невооруженной толпы и указывалъ, гдѣ и какъ можно запастись оружіемъ.

Далѣе ему инкриминировалась рѣчь въ польскомъ костелѣ по поводу варшавскихъ демонстрацій. Онъ увѣрялъ поляковъ, что ихъ враждебныя отношенія къ русскимъ неосновательны, такъ какъ русскій народъ также страдаетъ отъ произвола правительства, и лучшіе его представители сочувствуютъ освободительному движе-

---

[1]) Предавшаго Михайлова и Чернышевскаго.

нію въ Польшѣ и рады оказать ему посильную помощь. Поляки, поэтому, должны соединиться съ русскими революціонерами и идти вмѣстѣ противъ общаго врага.

Таковы были свѣдѣнія, которыя имѣлись у сената объ этомъ обществѣ и дѣятельности ея членовъ. Но Заичневскій и Аргиропуло основали еще кромѣ этого Центральный революціонный комитетъ, въ который входили кромѣ нихъ Гольцъ-Миллеръ, Ященко, Сороко и другія лица. Задачи, повидимому, преслѣдовались очень широкія: кромѣ организаціонныхъ цѣлей имѣлась въ виду и издательская дѣятельность и непосредственныя сношенія съ крестьянами, судя по первымъ опытамъ Заичневскаго. Душой организаціи и главнымъ ея двигателемъ былъ П. Г. Заичневскій, который, благодаря своему широкому образованію, блестящему ораторскому таланту, неукротимой энергіи и крайне повышенному революціонному настроенію, пользовался огромнымъ вліяніемъ и большой извѣстностью не только среди своихъ товарищей, но и въ широкихъ кругахъ московскаго общества. Госпожа А. М. въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ [1]) разсказываетъ, что камера Заичневскаго въ Тверскомъ участкѣ, гдѣ заключенные пользовались большой свободой, въ теченіе цѣлаго дня бывала переполнена посѣтителями; тутъ бывали и студенты и гимназисты, и мужчины, и женщины, и институтки, и старики, и даже разодѣтыя дамы со шлейфами, пріѣзжавшія въ каретахъ съ ливрейными лакеями — послушать Петра Григорьевича, какъ онѣ сами заявляли; сюда заявлялись важныя польки и сѣдые поляки, благосклонность которыхъ онъ снискалъ своей рѣчью въ костелѣ. Тутъ же въ камерѣ разбирались заграничные транспорты нелегальной литературы, читались корреспонденціи изъ деревни, дебатировались текущіе политическіе вопросы, намѣчавшіяся реформы и обсуждалась изданная Центральнымъ революціоннымъ комитетомъ „Молодая Россія“.

Эта прокламація вызвала огромный шумъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества и вооружила противъ ея авторовъ не только реакціонные круги и умѣренныхъ либераловъ,—но и радикалы изъ „Современника“ и лондонскіе эмигранты были крайне недовольны прямолинейностью предъявленныхъ ею требованій и необычайно рѣзкимъ, крикливымъ тономъ. На всемъ ея содержаніи, какъ нельзя ярче, сказалась пылкая, непримиримая, неспособная ни на какіе компромиссы натура революціонера-якобинца, какимъ былъ и остался на всю свою жизнь П. Г. Заичневскій.

Отмѣтивъ, что Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія, авторы прокламаціи даютъ оцѣнку общественныхъ элементовъ, раздѣляя общество на двѣ партіи: низы и верхи, —

---

[1]) Истор. сб. „О минувшемъ“, 1909, стр. 181—182.

„всѣми притѣсняемый и оскорбляемый“ и всячески угнетаемый народъ съ одной стороны, а съ другой—„небольшая кучка людей, довольныхъ и счастливыхъ“. Въ послѣднюю группу входятъ помѣщики, чиновники, купцы, „однимъ словомъ всѣ имущіе, всѣ, у кого есть собственность“ и притомъ очень сомнительнаго происхожденія, и, наконецъ, высшія правительственныя сферы. Всѣ эти элементы, которые неразрывно соединены между собой общей спайкой—собственностью, составляютъ императорскую партію. Все ся либеральничаніе не болѣе, какъ пустая игра въ конституцію, такъ какъ она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности, и потому она въ критическій моментъ встанетъ на сторону правительства и противъ народа.

„Антагонизмъ между этими двумя партіями не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ...“ Поэтому борьба, которая всегда кончалась пораженіемъ народа, возгорается при всякомъ удобномъ случаѣ: „Сегодня забитая, засѣченная, она (народная партія) завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ—за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землей. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровымъ—и противъ всей императорской партіи“.

Эти отношенія усугубляются устоями современнаго общества—религіей, семьей, „ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики“, узаконеніемъ „торговли, этого организованнаго воровства“, эксплоатаціей работника и рабскимъ положеніемъ женщины.

„Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія... одинъ: революція, революція кровавая и неумолимая, революція, которая должна радикально измѣнить всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества...“

„Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это—и все-таки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!“

Всѣ репрессіи со стороны правительства, ссылки, аресты, разстрѣлы, только усиливаютъ ненависть народа и приближаютъ моментъ расплаты.

„Больше же ссылокъ, больше казней! Раздражайте, усиливайте негодованіе... чѣмъ сильнѣе гнетъ теперь, тѣмъ безпощаднѣе будетъ месть!“

Неудивительно послѣ этого, что „Молодая Россія" вызвала бурю негодованія въ извѣстныхъ кругахъ, которые даже въ революціонныхъ листкахъ до сихъ поръ не встрѣчали такихъ кровавыхъ угрозъ, и что даже въ революціонномъ лагерѣ многіе считали ее продуктомъ горячечнаго бреда.

Считая настоящій моментъ наиболѣе благопріятнымъ для революціи, такъ какъ ей все способствуетъ: и волненіе Польши и Литвы, и финансовый кризисъ, и увеличеніе налоговъ, и окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса весною 1863 года, когда крестьяне убѣдятся, что они кругомъ обмануты, и предстоящая война, которая поведетъ къ неминуемому банкротству страны, авторы прокламаціи предвидятъ, тѣмъ не менѣе, возможность неудачи: крестьяне возстанутъ не сразу въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а отдѣльными деревнями, войско не успѣетъ пристать къ нимъ, революціонная партія не успѣетъ сговориться, и вмѣсто всенароднаго возстанія дѣло ограничится разрозненными мѣстными вспышками, которыя легко будутъ подавлены, и революція остановится на нѣсколько лѣтъ.

Во избѣжаніе этого центральный революціонный комитетъ рѣшилъ издавать журналъ, который и долженъ объединить силы революціи, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ существовавшіе органы не могли выполнить этой задачи: „Колоколъ" въ свое время принесъ громадную пользу Россіи, но теперь уже не можетъ быть выразителемъ революціонной партіи, а „Великоруссъ" можетъ удовлетворить только однихъ либераловъ своей вѣрой въ правительство и своими мирными адресами. Другія прокламаціи, выходившія въ послѣднее время въ такомъ изобиліи, страдаютъ крайней безпринципностью. Поэтому „Молодая Россія" и беретъ на себя задачу „выяснить главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество". Послѣдующіе номера должны будутъ подробнѣе развить положенія предлагаемой программы.

„Мы требуемъ,—перечисляютъ авторы „Молодой Россіи" пункты своей платформы,—измѣненія современнаго деспотическаго правительства въ республиканско-федеративный союзъ областей, причемъ вся власть должна перейти въ руки національнаго и областныхъ собраній"; вопросъ о величинѣ этихъ областей будетъ рѣшенъ самимъ народонаселеніемъ.

„Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которыхъ пользуются одинаковыми правами".

Всякій человѣкъ имѣетъ право на извѣстное количество земли, которую онъ, впрочемъ, можетъ отдать въ наемъ или подарить общинѣ. Земля поступаетъ только въ пользованіе на извѣстное время, по истеченіи котораго міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество общинниковъ послѣ ихъ смерти также становится достояніемъ міра.

„Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались самимъ народомъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ".

Кромѣ національнаго собранія въ столицѣ, въ главномъ городѣ каждой области созываются областныя собранія съ неограниченной компетенціей въ сферѣ своихъ мѣстныхъ дѣлъ.

„Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ; желаемъ, чтобы онъ падалъ всей своей тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого... вводится налогъ прогрессивный".

„Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества... общественныхъ лавокъ..." съ продажей товара по его дѣйствительной стоимости, общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ, полнаго освобожденія женщины и дарованія ей всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ.

Далье „Молодая Россія" требуетъ уничтоженія брака, семьи, монастырей, сокращенія срока службы въ войскѣ и увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья солдатамъ, замѣны существующей арміи національной гвардіей, полной независимости Польши и Литвы и доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшить по большинству голосовъ, желаютъ ли онѣ войти въ составъ федеративной республики русской.

Всѣ эти преобразованія могутъ быть проведены только революціоннымъ путемъ, и революціонная партія должна будетъ захватить для этой цѣли диктатуру въ свои руки „и не останавливаться ни передъ чѣмъ".

На какіе же элементы думаетъ опереться революціонный комитетъ?

„Мы надѣемся на народъ,—заявляетъ по этому поводу „Молодая Россія",—въ особенности на старообрядцевъ, но иниціатива будетъ принадлежать войску и молодежи". Больше же всего надеждъ возлагаютъ авторы прокламаціи на молодежь, которую они призываютъ къ организаціи кружковъ, тайныхъ обществъ и къ политической дѣятельности.

„Скоро, скоро"—обѣщаютъ въ заключеніе авторы „Мол Р.",—наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, красное знамя, на которомъ будетъ красоваться кличъ: „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!" [1]).

На бѣду появленіе „Молодой Россіи" совпало съ петербургскими пожарами, и стоустая молва связала поджоги съ именемъ центральнаго революціоннаго комитета. Даже Бакунинъ счелъ нужнымъ высказаться противъ рѣзкостей прокламаціи, а Чернышевскій [2]),

[1]) М. Лемке. Политическіе процессы, 1907, стр. 94—104.

[2]) Тамъ же, стр. 109.

будто бы, даже прислалъ въ Москву виднаго члена общества „Земли и Воли", А. А. Слѣпцова, чтобы уговорить комитетъ сгладить какъ-нибудь произведенное прокламаціей на общество впечатлѣніе. И г. Лемке склоненъ думать, что найденная у студента петербургскаго университета Баллода прокламація, озаглавленная: „Предостереженіе" и имѣвшая цѣлью разсѣять сплетни и связи между пожарами и „Молодой Россіей", явилась результатомъ вліянія на центральный комитетъ Николая Гавриловича.

Студентъ Баллодъ, пользовавшійся вліяніемъ въ средѣ учащейся молодежи, на свой рискъ и страхъ завелъ у себя типографскій станокъ, на которомъ была, между прочимъ, напечатана прокламація: „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти", повлекшая за собою обвиненіе по дѣлу Баллода Д. И. Писарева и осужденію его на 2 года 8 мѣсяцевъ къ заключенію въ крѣпость. Передъ слѣдственной комиссіей Баллодъ объяснилъ, что къ нему обратились члены центральнаго революціоннаго комитета, какъ они сами себя назвали на свиданіи съ нимъ въ саду, и среди другихъ предложеній революціоннаго характера просили напечатать вышеупомянутое „Предостереженіе".

Трудно сказать, кто здѣсь кого больше мистифицировалъ: тѣ ли лица, которыя хотѣли воспользоваться услугами „карманной типографіи" Баллода, или самъ Баллодъ членовъ слѣдственной комиссіи. Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, чтобы „Предостереженіе", написанное въ крайне умѣренномъ тонѣ и болѣе напоминающее произведенія, вышедшія изъ комитета „Земли и Воли", было написано авторами „Молодой Россіи". Такой компромиссъ трудно предположить, по крайней мѣрѣ, для такого непримиримаго революціонера, какъ П. Г. Заичневскій.

Послѣ смерти Аргиропуло и ссылки Заичневскаго [1]) ихъ кружокъ, повидимому, распался, и члены его примкнули къ другимъ организаціямъ. Нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ фигурируютъ въ дѣлѣ „Библіотеки казанскихъ студентовъ".

Кружокъ Мосолова, извѣстный подъ именемъ „Библіотеки казанскихъ студентовъ", не пользовался, повидимому, такой шумной извѣстностью, какъ „Центральный революціонный комитетъ" и не

[1]) Аргиропуло умеръ въ тюрьмѣ. Заичневскій былъ осужденъ на одинъ годъ каторжныхъ работъ и вѣчное поселеніе. Въ 1869 году онъ былъ возстановленъ въ правахъ, но вскорѣ снова былъ арестованъ за революціонную пропаганду и сосланъ на 5 лѣтъ въ сѣверн. губ. По окончаніи этого срока, его снова отправляютъ по другому дѣлу на 5 лѣтъ въ восточную Сибирь. Вернувшись оттуда въ 1896 году, онъ умеръ вскорѣ въ Смоленскѣ среди небольшого круга своихъ друзей, оставшись вѣрнымъ до конца своей бурной жизни своимъ якобинскимъ принципамъ. См. А. А. Корниловъ, упом. соч. стр. 148. прим.

претендовалъ на руководящую роль въ революціонномъ движеніи. Библіотека объединяла значительное число лицъ, но не всѣ были посвящены въ тайны организаціи, или, по крайней мѣрѣ, не всѣ въ одинаковой степени. Такая конспиративность со стороны руководителей организаціи и дала ей возможность просуществовать около 4—5 лѣтъ, до конца 1863 года, когда она была раскрыта, благодаря предательской откровенности одного изъ ея второстепенныхъ членовъ, землемѣра Ивана Андрущенко, который былъ арестованъ въ Черниговѣ съ большимъ количествомъ литературы и разсказалъ на допросѣ не только то, что касалось непосредственно его и всего, найденнаго при немъ, но и обо всемъ, что только когда-либо видѣлъ и слышалъ.

„Библіотека" поддерживала тѣсныя отношенія съ „Землей и Волей" и служила организаціоннымъ центромъ, черезъ который Москва и провинціальные города и получали землевольческую литературу. Организація не издавала своей литературы и не имѣла своей печати, но сохраняла тѣмъ не менѣе полную самостоятельность. Уѣзжавшіе въ провинцію члены снабжались адресами, шифромъ для переписки, литературой, легальной и нелегальной, и въ случаѣ надобности могли обращаться за инструкціями къ руководителямъ Мосолову и Шатилову. Особенно рекомендовалось распространять сочиненія по вопросамъ общественной жизни, какъ Милля, Прудона, Шлоссера и др., но въ то же время вести и собственную пропаганду, при чемъ руководящими началами должны были служить, насколько припоминалъ Андрущенко передъ слѣдственной комиссіей, слѣдующія програмныя требованія [1]): управленіе областное съ главнымъ сеймомъ въ Петербургѣ или Москвѣ; земля должна быть государственная и отдаваться на срокъ въ пользованіе, уничтоженіе частной собственности, женщина должна пользоваться одинаковыми правами съ мужчиной и др.

Кружокъ устраивалъ побѣги изъ мѣстъ заключенія, снабжалъ нелегальныхъ деньгами и паспортами и велъ сношенія съ Нижнимъ-Новгородомъ, гдѣ у учителя Копиченко былъ складъ литературы для поволжья, съ Черниговымъ, гдѣ существовала малороссійская организація съ націоналистической окраской, и съ другими городами и отдѣльными лицами въ провинціи. О дѣятельности кружка свидѣтельствуетъ длинный рядъ лицъ, привлеченныхъ по дѣлу Андрущенко, и количество найденной при его арестѣ литературы. При немъ оказались: листки „Льется польская кровь, льется русская кровь" и „Долго насъ помѣщики душили", 110 экземпляровъ брошюры „Что нужно народу", 5 экземпл. № 1 „Свободы", 30 экз. воззванія къ крестьянамъ, начинающагося словами: „Давно давили васъ, братцы",

[1]) Рукописный экземпляръ программы онъ проглотилъ во время обыска.

214 экз. „Колокола" за 1858—1861 гг., 31 экз. брош. „Подъ судъ", воззваніе „Къ молодому поколѣнію", номера „Великорусса", и нѣсколько книгъ, напечатанныхъ за границей. Все это было забрано только у одного Андрущенко, который, по его собственнымъ словамъ, большимъ довѣріемъ въ организаціи не пользовался.

Поведеніе руководителей кружка, особенно Юрія Мосолова, изобличаетъ въ нихъ людей, съ политической выдержкой и организаціоннымъ опытомъ и указываетъ на то, что „Библіотека казанскихъ студентовъ" должна была занимать довольно видное мѣсто въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ.

Трое изъ членовъ организаціи Юрій Мосоловъ, Николай Шатиловъ и Петръ Лебединскій были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе [1]).

Несмотря на разгромъ многолюдныхъ кружковъ Заичневскаго и Мосолова, революціонное движеніе въ Москвѣ не прекращается. Отчасти, вѣроятно, подъ вліяніемъ уцѣлѣвшихъ членовъ этихъ группъ въ 1863 году образуется новый кружокъ, который вначалѣ занимался распространеніемъ соціалистическихъ идей въ средѣ студенческой молодежи и подготовленіемъ ея къ политической дѣятельности. Но по мѣрѣ того, какъ росло число членовъ кружка, становятся шире и преслѣдуемыя имъ цѣли, и во главу угла ставится пропаганда въ народѣ. Этотъ процессъ внутренняго развитія и выработки формъ новой дѣятельности происходитъ очень медленно въ виду того, что отъ прежнихъ попытокъ въ этомъ направленіи никакихъ организаціонныхъ традицій не осталось. Къ тому же возникаютъ и принципіальныя разногласія во взглядахъ на ближайшія задачи: одни члены признаютъ только мирную пропаганду въ народѣ и медленное его подготовленіе къ соціалистическому перевороту при помощи кооперативныхъ организацій и широкаго распространенія просвѣщенія, другіе на первомъ мѣстѣ ставятъ политическую борьбу и наиболѣе успѣшной формой ея считаютъ террористическую дѣятельность.

Тѣмъ не менѣе въ 1865 году руководителямъ движенія удается сплотить прочное ядро общества, названнаго „Организаціей", и начать дѣятельно готовиться къ осуществленію своихъ плановъ.

Съ этой цѣлью нѣсколькими членами (Шагановымъ, Ермоловымъ и Мотковымъ) были составлены проекты устава, которые и обсуждались на собраніяхъ общества. Основныя черты намѣчавшейся организаціи сводились къ слѣдующему:

---

[1]) См. „Матеріалы для ист. рев. дв. и пр." подъ ред. Базилевскаго, стр. 81—133 и „Государств. прест. въ Р. въ 19 в.", подъ ред. Базилевскаго, т. I., стр. 137.

Въ Москвѣ учреждается центральная агентура изъ нѣсколькихъ членовъ, изъ которыхъ каждый беретъ на себя различныя обязанности: одинъ ведетъ сношенія съ поляками и другими обществами, другой набираетъ новыхъ членовъ, третій сносится съ провинціальными отдѣлами въ губернскихъ городахъ, завѣдуетъ библіотекой, разсылаетъ книги и т. д.

Уѣзжающіе въ провинцію члены устраиваютъ отдѣлы въ губернскихъ городахъ съ такими же функціями и обязанностями по отношенію къ сельскимъ агентамъ организаціи. Среди молодежи вербуются члены, которые должны становиться учителями въ деревнѣ, устраивать при школахъ ремесленныя заведенія сообразно съ потребностями мѣстности и пропагандировать среди крестьянъ идею ассоціацій.

Всѣ сельскіе члены данной мѣстности подчиняются губернской группѣ, которая въ свою очередь получаетъ всѣ инструкціи отъ „центральной агентуры".

Конечной цѣлью общества была соціальная революція съ національзаціей земли и фабрично-заводскихъ предпріятій, а средствами для этого должны были служить пропаганда соціалистическихъ идей среди народа, возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и властей, устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и другихъ ассоціацій, которыя должны были служить средствомъ къ сближенію съ народомъ и способомъ проведенія въ его среду соціалистическаго міровоззрѣнія, заведеніе въ провинціи библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ на коммунистическихъ началахъ.

Въ интересахъ болѣе широкой постановки дѣла отдѣлы организаціи предполагалось облечь законною формой съ разрѣшеніемъ правительства подъ видомъ обществъ „Взаимнаго вспомоществованія", „Переводчиковъ и переводчицъ", „Поощренія частнаго труда" и др.

Дѣятельность въ намѣченномъ направленіи должна была начаться весной 1866 года, когда многіе члены собирались отправиться въ разныя губерніи, но и теперь уже велись переговоры о пріобрѣтеніи ваточной фабрики въ Можайскомъ уѣздѣ и объ устройствѣ завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ для мальцевскихъ рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы организовать въ нихъ производство на кооперативныхъ началахъ. Одинъ изъ членовъ „Организаціи", Странденъ, дѣятельно готовился къ поѣздкѣ въ Сибирь для освобожденія Чернышевскаго, которому хотѣли предложить поселиться въ Москвѣ или за границей, издавать журналъ и быть идейнымъ руководителемъ движенія. Такія же приготовленія дѣлались для освобожденія Серно-Соловьевича во время его проѣзда въ Сибирь черезъ Москву. Другой членъ общества Ермоловъ пріобрѣлъ шрифтъ для тайной типографіи. Чтобы раздобыть денегъ, рѣшено было

экспропріировать купца Серебрякова и ограбить почту, а молодой членъ общества Ѳедосѣевъ собирался отравить своего отца, чтобы пожертвовать свое наслѣдство на нужды общаго дѣла. Впрочемъ, сторонниками крайнихъ средствъ были только члены небольшой группы такъ наз. Ипатовцевъ (по фамиліи Ипатова, хозяина дома, гдѣ они жили), среди которыхъ были Ишутинъ, главный представитель организаціи, и Каракозовъ, стрѣлявшій въ Александра II. Другія двѣ группы, вошедшія въ составъ общества, Малининцы и Саратовцы держались болѣе умѣренныхъ взглядовъ и даже старались противодѣйствовать гибельнымъ, по ихъ мнѣнію, для организаціи стремленіямъ Ипатовцевъ.

Въ концѣ 1865 года Ишутинъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ узналъ отъ литератора Худякова о существованіи Международнаго общества рабочихъ. Пріѣхавъ въ Москву, онъ сообщилъ свои крайне скудныя свѣдѣнія своимъ ближайшимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страндену и др. и разсказалъ, между прочимъ, что Европейскій революціонный комитетъ признаетъ нужнымъ въ интересахъ революціи убійство царствующихъ особъ и членовъ правительства. Эти способы борьбы нашли сочувствіе у небольшой группы лицъ, которыя обособились отъ другихъ членовъ „Организаціи“ въ отдѣльный кружокъ, получившій въ насмѣшку отъ его противниковъ названіе „Ада“. Особенно сильное впечатлѣніе произвели разсказы Ишутина на его болѣзненнаго двоюроднаго брата Каракозова, который выразилъ полное сочувствіе къ самымъ крайнимъ способамъ дѣятельности и тогда же задумалъ цареубійство. Великимъ постомъ онъ отправился для этой цѣли въ Петербургъ, но всполошившіеся по поводу его отъѣзда товарищи успѣли убѣдить его отказаться отъ своего плана, и онъ вернулся въ Москву. Но черезъ нѣсколько дней онъ снова уѣхалъ въ Петербургъ безъ вѣдома товарищей, и 4 апрѣля 1866 года раздался его выстрѣлъ.

Каракозовъ былъ арестованъ, а вскорѣ послѣ него были водворены въ Петропавловскую крѣпость и всѣ его товарищи. Дѣло „Организаціи“ разбиралось въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ. Каракозовъ былъ приговоренъ къ смертной казни, Ишутину—смертная казнь была замѣнена государемъ вѣчной каторгой, остальные были приговорены на разные сроки къ каторжнымъ работамъ.

Спасъ государя отъ руки Каракозова картузникъ крестьянинъ Осипъ Комисаровъ, который спокойно стоялъ въ толпѣ, когда Александръ Николаевичъ выходилъ изъ Лѣтняго сада, и почти инстинктивно, ничѣмъ не рискуя, ударилъ Каракозова по рукѣ въ ту минуту, когда тотъ направилъ пистолетъ въ императора. Было совершенно естественно, что Комисарова наградили званіемъ потомственнаго дворянина. Но въ крайнемъ противорѣчіи съ настроеніями

первой половины шестидесятыхъ годовъ было рабское лицемѣріе столбового дворянства и всего т. н. общества, проявленное во время шумныхъ и торжественныхъ празднествъ, которыми были ознаменованы ближайшія послѣ событія чуть ли не нѣсколько недѣль. Эти картинки настолько характерны для начала упадочнаго періода общественной жизни, что мы считаемъ нужнымъ привести выдержки изъ воспоминаній объ этомъ событіи очевидца [1]).

„... Слѣдующій день былъ началомъ продолжавшихся, если я не ошибаюсь, недѣли двѣ, празднествъ, собственно, обѣдовъ и ужиновъ, въ честь Комисарова. Пьянствовавшій наканунѣ картузникъ вдругъ попалъ въ отечественные герои...

— Вы слышали,—спрашивалъ въ нѣмецкомъ „Кладдерадайчѣ" Шульце своего неизмѣннаго собесѣдника Миллера,—вы слышали, что въ Петербургѣ въ русскаго царя стрѣляли?

— Да, слышалъ. А не знаете ли, кто стрѣлялъ?

— Дворянинъ.

— А спасъ кто?

— Крестьянинъ.

— Чѣмъ же его наградили за это?

— Сдѣлали дворяниномъ.

Петербургская высшая аристократія наперерывъ другъ передъ другомъ старалась пожать руку Осипа Комисарова, который принималъ эти рукопожатія и лобызанія съ великой робостью, съ комическимъ подобострастіемъ. Самые что ни на есть сановные генералы возили бѣднаго картузника чуть ли не въ золотыхъ каретахъ изъ дома въ домъ, изъ ресторана въ ресторанъ, упитывая такими яствами, которыя и во снѣ ему не могли присниться, вливая въ него цѣлыя бочки шампанскаго, одурманивая его привѣтственными рѣчами, въ которыхъ патріотическое краснорѣчіе всевозможныхъ ораторовъ являлось въ полномъ блескѣ и на которыя его заранѣе учили отвѣчать. Почти каждый разъ на эти торжества привозили и супругу новопоставленнато героя, которая, впрочемъ, скоро познала свое величіе и придала себѣ титулъ „жены спасителя". Аристократки изъ сливокъ высшаго общества тоже лобызали эту почтенную бабу и находили, что „elle a vraiment quelque chose de très distingué dans sa phisionomie", точно также какъ мужчины изъ того же круга серьезно утверждали, что Осипъ Ивановичъ, хотя и простой русскій человѣкъ, „a un air qui prouve la noblesse innée de son esprit et de ses sentiments"...

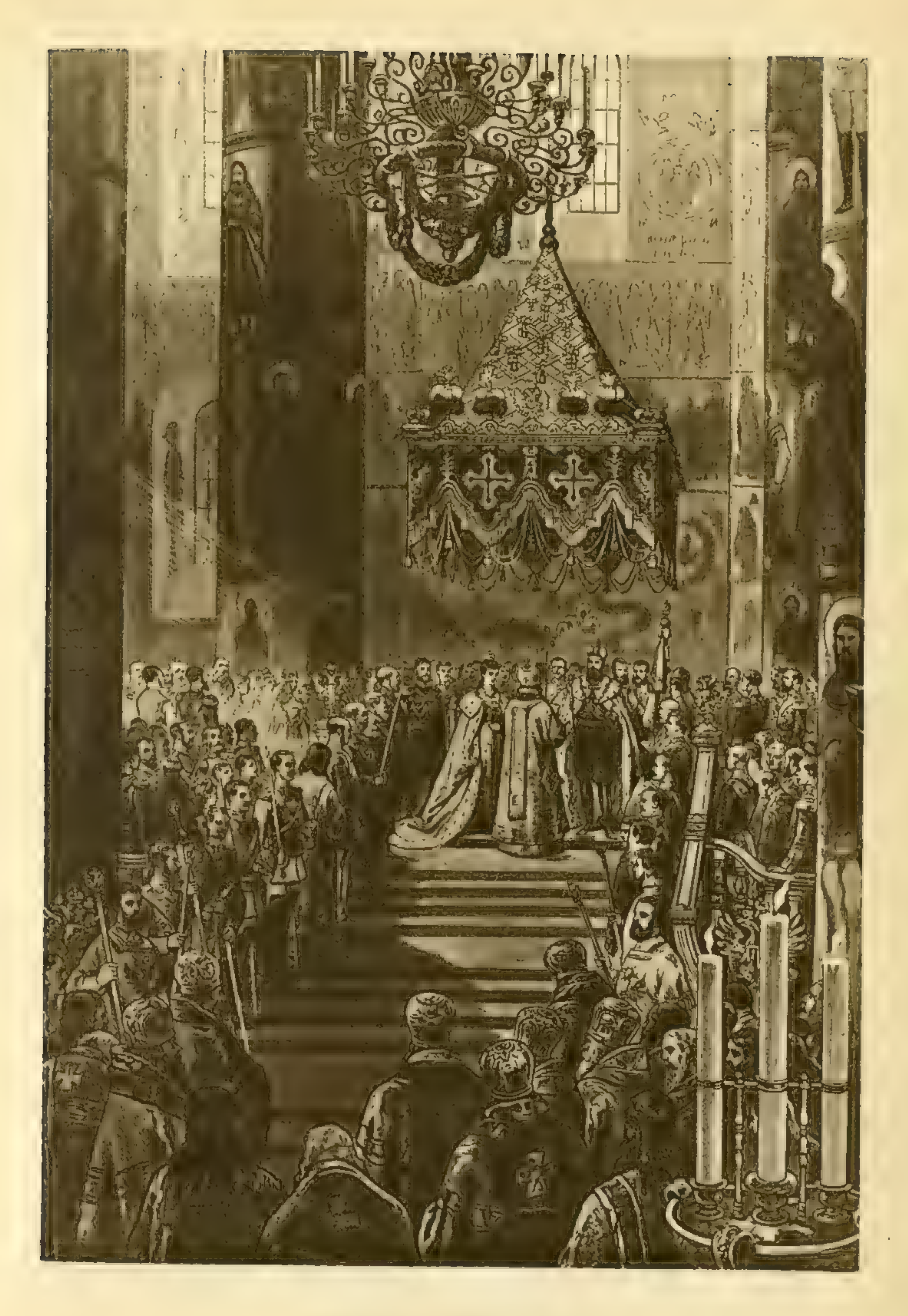
Автору воспоминаній пришлось быть на нѣсколькихъ изъ этихъ „гастрономически-ораторскихъ увеселеній". На одномъ изъ нихъ „заливался соловьемъ" какой-то штатскій генералъ, который

[1]) П. Вейнбергъ. 4-е апрѣля 1866 года. Былое, 1896, IV.

сравнивалъ поступокъ Комисарова съ героизмомъ Минина и „привѣтствовалъ русское дворянство, которое удостоилось высокой чести принятія въ свою среду такого достойнаго сочлена и „доблестная миссія котораго въ отечествѣ нашла себѣ подтвержденіе въ этомъ новомъ благословеніи, посланномъ ему съ высоты небесъ"... Слезы умиленія текли по щекамъ тайнаго совѣтника, когда онъ, окончивъ свою рѣчь, тискалъ въ объятіяхъ совершенно оторопѣвшаго героя, при неописанномъ ревѣ присутствовавшихъ... Всѣ полѣзли цѣловаться съ виновникомъ торжества: и я живо помню, какъ одинъ купецъ, упившійся совсѣмъ до положенія ризъ, не найдя возможнымъ пробиться сквозь лобызавшую толпу, принялъ въ свои мощныя объятія „жену спасителя" и душилъ ее такъ усердно, что она взмолилась объ отпускѣ ея души на покаяніе...

Когда пришла очередь говорить самому Комисарову, то онъ, конечно, запнулся на первыхъ же фразахъ, усердно подсказываемыхъ ему какими-то генералами, и, безнадежно махнувъ рукой опустился въ свое кресло. „Quelle simplicité et quelle grandeur dans cette éloquence de coeur!" шептали по поводу этой рѣчи дамы. Затѣмъ полились опять рѣчи, въ которыхъ Осипъ Ивановичъ сравнивался съ древне-греческими и древне-римскими героями, въ честь которыхъ воздвигались храмы. Когда авторъ воспоминаній вышелъ на улицу, то у подъѣзда стояла громадная толпа, всѣ ждали появленія великаго человѣка...

Коронація АЛЕКСАНДРА III.

Второй періодъ царствованія (1866—1881[1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правительство и общество послѣ 1866 года.

Освобожденіе крестьянъ, какъ мы видѣли, было совершено отнюдь не съ той смѣлостью и рѣшительностью, которыя отстаивались вначалѣ меньшинствомъ редакціонныхъ комиссій и самимъ императоромъ. Этотъ мирный переворотъ былъ совершенъ подъ давленіемъ тѣхъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, противъ которыхъ велась такая энергичная борьба либеральствовавшей бюрократіей. Раскрѣпощеніе крестьянъ сопровождалось ихъ фактическимъ закабаленіемъ тѣмъ же самымъ помѣщикамъ. Изъ бѣлыхъ рабовъ крестьяне превращены были въ полузависимыхъ батраковъ, прикрѣпленныхъ къ прежнимъ вотчинамъ при помощи такихъ надежныхъ путъ, какъ малоземелье, безлѣсье, отрѣзки, съ одной стороны, и всячески охраняемые міръ и община съ другой.

---

[1]) Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. А. А. Головачевъ. За десять лѣтъ реформъ. В. Ю. Скалонъ. Земскіе вопросы. С. А. Приклонскій. Очерки самоуправленія. Тугай-Барановскій. Фабрика. Б. Б. Весселовскій. Исторія земства за сорокъ лѣтъ. А. А. Головачевъ. Вопросы государств. хозяйства. Татищевъ. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе, 2 т. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II. Сватиковъ. Обществ. движ. въ Россіи (1700—1895). О. В. Аптекманъ. „Земля и Воля" 70-хъ годовъ. Вл. Дебагоріо-Мокріевичъ. Воспоминанія. П. Кропоткинъ. Записки революціонера. Н. Морозовъ. Воспоминанія. Степнякъ. Подпольная Россія. Тунъ. Исторія революц. движенія въ Россіи. Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. Его же. Послѣсловіе къ „Исторіи рев. движенія въ Р." Туна. Сватиковъ. Студ. движ. 1869 г. (Бакунинъ и Нечаевъ) въ Истор. Сборн. „Наша страна". Базилевскій. Государственныя преступленія въ Россіи, т. т. I, II и III. Бурцевъ. За 100 лѣтъ, 2 т. Его же. Былое, 2 вып. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Лавровъ. Народники - соціалисты. А. Ульяновскій. Женщины въ процессѣ 50-ти. Базилевскій. Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ. Его же. Литература „Народной Воли". Серебряковъ. Общество „Земля и Воля". Процессы 50-ти, 193-хъ, 16-ти, 1-го марта, 20-ти отдѣльными изданіями. Процессъ 17-ти въ „Быломъ" за 1906 г., кн. 10, 11, 12. Стрѣльник. проц. Былое, 1906, IV. Процессъ В. Фигнеръ, Был. 1906, 5. Проц. 12-ти. Был. 1907, 2. Процессъ Вѣры Засуличъ. Многочисленныя статьи и замѣтки въ журн. „Былое" за 1906 и 1907 г.г. и „Минувшіе годы" за 1908 г., особенно статья Лукашевича, Синегуба, Чудновскаго, Старика, Джабадари, Фроленко, Попова, Морозова, Любатовичъ, Виташевскаго, А. П. Корба, Тригони, С. Иванова, Тыркова, Ашенбреннеръ, Русакова и др.

Хозяйственныя отношенія крѣпостной эпохи были формально отмѣнены, но фактически они сохранялись въ значительной степени, и потребовались многіе годы, чтобы вмѣсто полуфеодальнаго уклада экономической жизни создались новыя болѣе или менѣе свободныя отношенія свободныхъ хозяйствъ.

На ряду съ такимъ медленнымъ проникновеніемъ свободныхъ началъ въ сельское хозяйство и фабрично-заводская дѣятельность испытываетъ въ этотъ періодъ большія затрудненія. Вмѣсто обычнаго послѣ рѣшительныхъ политическихъ переворотовъ подъема обрабатывающая промышленность шестидесятыхъ годовъ переживаетъ очень чувствительный кризисъ, съ большимъ трудомъ приспособляясь къ рѣзкимъ колебаніямъ политическаго курса и внося крайне слабыя измѣненія въ организацію труда.

Россія переживаетъ въ это время періодъ роста ростовщическаго капитала. Желѣзнодорожное строительство и связанныя съ нимъ банковыя операціи увлекаютъ не только частныя группы, но и общественныя организаціи, земства и города.

Крупные землевладѣльцы и финансисты, среди которыхъ фигурируютъ имена графовъ, князей и другихъ представителей столбового дворянства, не только, были хозяевами положенія въ сферѣ экономическихъ отношеній, но и накладывали печать своего вліянія на внутреннюю и внѣшнюю политику страны. Ближайшимъ образомъ тлетворное вліяніе этого широкаго хищническаго грюндерства сказалось на бюрократіи, которая была вовлечена въ общее теченіе и крайне развращена. „Взяточничество, личные денежные разсчеты, обходы законныхъ путей и пр. дошли въ Петербургѣ до крайнихъ предѣловъ", характеризуетъ въ своихъ „Запискахъ" А. И. Кошелевъ высшія столичныя сферы. „Всего можно достигнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ въ справедливѣйшемъ, въ законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства властей предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, и затѣмъ деспотически распоряжающіяся своими возлюбленными. У иныхъ сановниковъ имѣются секретари или довѣренныя лица, исполняющіе обязанности любовницъ и дѣлящіе деньги со своими довѣрителями. Безнравственность, безсовѣстность и безсмысліе высшей администраціи превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. Надо пожить въ Петербургѣ и имѣть тамъ значительныя дѣла, чтобы извѣдать всю глубину и ширь безпутства центральной нашей администраціи".

Къ этому нужно прибавить, что и во главѣ всей бюрократической машины стояли люди, въ большинствѣ своемъ бездарные, расточительные и ярые реакціонеры. Не удивительно, поэтому, что и реформы этого періода были пропитаны духомъ новаго времени. Такъ охранительные принципы нашли свое выраженіе въ новомъ городовомъ положеніи (1870) съ его трехклассной и цензовой избиратель-

ной системой, отдавшей преобладаніе въ городскомъ хозяйствѣ благонадежной въ политическомъ отношеніи денежной аристократіи.

Больше всего этотъ новый курсъ сказался на искаженіи прежнихъ реформъ и на народномъ образованіи. Подрывается значеніе судебныхъ уставовъ особымъ циркуляромъ министра юстиціи, рекомендующимъ чинамъ судебнаго вѣдомства являться къ губернаторамъ по ихъ требованію и вообще оказывать имъ должное уваженіе, какъ представителямъ высшей власти, лишеніемъ судебныхъ слѣдователей ихъ несмѣняемости, слѣдовательно, и независимости при помощи уловки того же министерства, назначавшаго вмѣсто дѣйствительныхъ судебныхъ слѣдователей только исправляющихъ должность, которыхъ можно было смѣнять по произволу.

Еще съ большими результатами идетъ гоненіе на земство. Земства были стѣснены въ матеріальныхъ средствахъ съ самаго начала своего существованія. Правительство предоставило имъ только одинъ губернскій земскій сборъ, оставивъ за собой самый крупный государственный, а закономъ 21 ноября 1866 года ограничило право земствъ облагать торгово-промышленныя предпріятія очень узкими нормами. Это стѣснительныя мѣры скоро привели къ столкновенію между представителемъ власти и петербургскимъ земствомъ, а затѣмъ и къ закрытію всѣхъ земскихъ учрежденій въ губерніи. Съ той же охранительной тенденціей были даны огромныя дискреціонныя права предсѣдателямъ земскихъ и другихъ общественныхъ собраній, и вмѣстѣ съ тѣмъ установлена большая ихъ отвѣтственность за все происходящее на собраніяхъ. Запрещено было земскимъ, дворянскимъ и другимъ общественнымъ учрежденіямъ печатать свои отчеты безъ предварительнаго разрѣшенія губернскихъ властей.

Въ томъ же реакціонномъ духѣ преслѣдуется и печать, на которую всякія распоряженія, ограниченія и усмотрѣнія сыплются, какъ изъ рога изобилія.

Наибольшей славы въ преслѣдованіи всякой свободной мысли достигло министерство народнаго просвѣщенія, проявившее большую изобрѣтательность, чтобы поставить непреодолимыя преграды къ распространенію образованія. Принимаются мѣры къ сокращенію числа учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и вводится т.-н. классическая система въ среднихъ на такихъ началахъ, которыя превращали просвѣтительныя учрежденія въ дисциплинарные батальоны для выработки примѣрныхъ чиновниковъ и обывателей при помощи всяческой муштры и соотвѣтствующаго подбора воспитателей. Учрежденіе инспекціи для народныхъ училищъ, обрусительная политика на окраинахъ и гоненіе на только-что возникшее женское образованіе дополняли эту обскурантную систему гр. Толстого.

Реакція все болѣе и болѣе укрѣплялась и накладывала свою тяжелую руку на всѣ области общественной жизни. Глохнутъ недавно еще громкіе голоса дворянской оппозиціи. Одни приняли

участіе въ грюндерской вакханаліи, продавъ свое политическое первородство за неограниченную эксплоатацію народныхъ силъ и богатствъ, другіе ушли въ свои медвѣжьи углы и все болѣе разоряясь съ каждымъ годомъ въ непривычной экономической обстановкѣ въ свою очередь готовы были искать спасенія въ ретроградной политикѣ и бюрократическомъ кулакѣ. Широкія общенаціональныя задачи снимаются съ очереди, и политическая жизнь замираетъ на цѣлое десятилѣтіе вплоть до второй половины семидесятыхъ годовъ. Затихаетъ жизнь и въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ многіе передовые элементы изъ славянофильскаго лагеря думали найти поприще для своей дѣятельности. Безпрестанныя репрессіи и губернаторскій надзоръ и здѣсь создаютъ ту удушливую атмосферу, отъ которой у лучшихъ людей опускаются руки и въ которой уживаются только люди, находящіе выходъ для своей энергіи въ спекулятивныхъ предпріятіяхъ.

Крѣпостное право было отмѣнено цѣною крайняго усиленія центральной власти и бюрократическаго режима, который въ свою очередь превратился въ тормазъ для развитія освобожденныхъ соціальныхъ силъ. Утверждая свое господство въ согласіи съ объединительными тенденціями хозяйственной жизни страны, бюрократія въ своихъ собственныхъ интересахъ вступаетъ въ борьбу съ передовыми элементами страны, которые наиболѣе полное осуществленіе этихъ объединительныхъ стремленій видятъ въ созданіи общенаціональнаго законодательнаго учрежденія. Основнымъ политическимъ факторомъ, вызвавшимъ эту борьбу, было широкое крестьянское движеніе. Послѣ 1863 года это движеніе прекращается, крестьянскія массы, видимо, примиряются съ условіями ихъ освобожденія, а ихъ недовольство и соціально-политическіе идеалы находятъ свое выраженіе въ многочисленныхъ политическихъ и религіозныхъ сектахъ. Указанная выше борьба между бюрократіей и обществомъ рѣшается такимъ образомъ въ пользу первой, тѣмъ болѣе что постоянный антагонизмъ между интересами либерально-дворянской оппозиціи и народа мѣшаютъ этой оппозиціи опереться въ борьбѣ на народныя массы, а собственныя силы слишкомъ слабы, чтобы одержать побѣду. Пораженіе ведетъ къ расколу и разброду въ дворянскихъ и земскихъ организаціяхъ. Правые элементы идутъ на компромиссъ съ бюрократіей, среди лѣвыхъ впослѣдствіи формируются представители земской оппозиціи, которая только въ концѣ семидесятыхъ годовъ громко заявитъ о своемъ существованіи. А пока на политическомъ горизонтѣ воцаряется та мерзость запустѣнія, которая столь характерна для моментовъ общественнаго упадка и разложенія. Только полицейскіе окрики нарушаютъ время отъ времени тишину. Но этотъ мертвый покой прерывается, наконецъ, новой силой, появляющейся на политической сценѣ. Этой силой была революціонная разночинная интеллигенція.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нарожденіе народничества.

Одинокій выстрѣлъ экзальтированнаго юноши Каракозова, за которымъ стоитъ небольшая группа сочувствующей ему молодежи въ организаціи „Адъ“, раздается среди всеобщаго политическаго затишья. Ошеломленное вначалѣ общество усердно помогаетъ полиціи отыскивать „корни и нити“ и рьяно аплодируетъ жестокимъ репрессіямъ, которыя сыплются въ изобиліи не только на причастныхъ къ дѣлу, но и на совершенно неповинныхъ людей. Среди демократическихъ слоевъ интеллигенціи каракозовское дѣло не вызываетъ уже ни подражанія, ни активнаго сочувствія. Политическое броженіе окончательно затихаетъ къ этому времени, революціонное настроеніе падаетъ во всей странѣ отъ низовъ до верховъ общества, и среди разночинной интеллигенціи и учащейся молодежи одерживаютъ верхъ мирныя, культуртрегерскія теченія.

Несомнѣнно, что подготовленіе и введеніе реформъ, вызвавшія большой спросъ на интеллигентныя силы, земскія учрежденія и многочисленныя промышленныя предпріятія привлекли значительное число интеллигенціи къ практической жизни, въ тѣ мелкія ячейки, на которыя разбилась общенаціональная политическая жизнь. Реакція не только выражала общее состояніе, но и усугубляла своими репрессіями такое положеніе вещей.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ объективныхъ причинъ обусловливалъ упадокъ революціоннаго настроенія и дѣятельности нелегальныхъ организацій. Нужно еще прибавить, что въ самой тактикѣ этихъ организацій, разсчитанной въ большинствѣ случаевъ на конституціонныя настроенія въ дворянско-оппозиціонной средѣ, лежала внутренняя причина прекращенія движенія. При всемъ своемъ народолюбіи подпольные демократы связывали всѣ свои чаянія съ тѣми или иными выступленіями культурнаго общества. За рѣдкими исключеніями подпольная литература этого періода видитъ въ легальной оппозиціи единственнаго вершителя новыхъ судебъ Россіи, а въ мятежномъ народѣ только пугало для воздѣйствія на либераловъ и правительство. Но промчался періодъ „прогресса сломя и очертя голову“, либеральное дворянство сошло съ политической сцены и не только не оправдало надеждъ народнической интеллигенціи, но своимъ паденіемъ неминуемо должно было дезор-

ганизовать и деморализовать своего политическаго союзника. Тѣмъ болѣе, что революціонныя организаціи, которыя мнили себя защитниками простого народа передъ лицомъ другихъ классовъ населенія, были совершенно оторваны отъ массъ и дѣлали только слабыя попытки непосредственнаго воздѣйствія на нихъ.

Мы видѣли раньше, что уже процессъ каракозовцевъ обнаружилъ этотъ упадокъ революціоннаго настроенія въ радикальной средѣ. Большинство участниковъ „Организаціи" тяготѣетъ не къ политикѣ, а къ мирнымъ предпріятіямъ, ко всевозможнымъ ассоціаціямъ и артелямъ, навѣяннымъ идеями европейскихъ соціалистовъ-утопистовъ, романомъ: „Что дѣлать", Чернышевскаго и еще болѣе, повидимому, непосредственными нуждами и интересами. Быстрый ростъ числа учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ и ихъ матеріальная необезпеченность должны были создать очень благопріятную почву для всякихъ артельныхъ начинаній, кассъ взаимопомощи и другихъ подобныхъ организацій, которыя стремились при помощи общихъ усилій помочь нуждѣ своихъ членовъ. Отсюда и всякаго рода ассоціаціи переводчиковъ и переводчицъ, переплетчиковъ и переплетчицъ и т. п. Наряду съ этимъ преслѣдовались также цѣли самообразованія, создавались библіотеки, кружки для покупки книгъ, для совмѣстнаго чтенія и разсылки литературы по другимъ городамъ и въ провинцію. А постоянное тяготѣніе разночинца къ народу побуждаетъ его перенести эти принципы въ рабочую среду. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ школъ, читаленъ и другими просвѣтительными начинаніями предпринимается устройство мастерскихъ и даже проектируется покупка фабрикъ и заводовъ для организаціи производства на началахъ ассоціаціи. Именно такими тенденціями и были проникнуты мирно настроеные члены „Организаціи".

Правительственный терроръ послѣ каракозовскаго выстрѣла произвелъ большой разгромъ среди этой культурнической интеллигенціи, и на нѣсколько лѣтъ, приблизительно до 1868—1869 г., замираетъ всякая жизнь. Современники отмѣчаютъ крайній упадокъ умственныхъ интересовъ среди молодежи. Студенческіе кружки лишены серьезнаго, общественнаго характера, это большею частью шахматисты, билльярдисты и участники всякихъ попоекъ и дебошей. Весь радикализмъ этой молодежи проявляется во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ полиціи и военныхъ [1]).

Но этотъ застойный періодъ скоро прекращается, и уже зима 1868 г. отмѣчается оживленіемъ въ студенческой средѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мирныхъ лѣтъ накопились силы, энергія, тогда какъ нужды студенчества за это время росли. А общій антикультурный режимъ, въ силу котораго образовывался искусственный

---

[1]) См. В. Дебагорій-Мокріевичъ. „Воспоминанія", стр. 32 и. д.

избытокъ интеллигентныхъ силъ, создавалъ изъ разночинцевъ безпокойный общественный элементъ. Къ этому же времени начинаютъ рѣзко обнаруживаться новыя теченія въ хозяйственной жизни освобожденныхъ крестьянъ, сказывается уже разлагающее вліяніе на деревню всѣхъ недостатковъ аграрной реформы и находитъ свое яркое выраженіе въ самарскомъ голодѣ (1869 года), который вслѣдствіе халатности и нераспорядительности властей принимаетъ размѣры крупнаго народнаго бѣдствія. Между тѣмъ, усиливающіяся репрессіи со стороны министерства народнаго просвѣщенія по отношенію къ студентамъ вызываютъ броженіе, которое заканчивается шумными безпорядками, носившими довольно яркій политическій характеръ и въ свою очередь оказавшими большое вліяніе на распространеніе народническаго движенія по всей странѣ.

Всѣ эти обстоятельства въ большой степени содѣйствуютъ пробужденію и оживленію общественной жизни въ студенческой средѣ. Въ это время и стали складываться небольшіе кружки и организаціи, которые послѣ нѣсколькихъ лѣтъ внутренняго прорастанія разольются по всей Россіи и сдѣлаются центромъ всеобщаго вниманія. Но прежде чѣмъ эти кружки успѣли окрѣпнуть и объединиться въ силу своего внутренняго роста, благодаря усиліямъ одного выдающагося организатора Нечаева, въ короткое сравнительно время складывается широкая организація, по своимъ задачамъ и методамъ борьбы рѣзко отличающаяся отъ послѣдующаго мирнаго періода движенія и служащая какъ бы далекимъ отголоскомъ бурнаго періода первой половины десятилѣтія.

Въ виду огромнаго агитаціоннаго значенія нечаевскаго дѣла для тогдашней молодежи и исключительнаго интереса, который представляютъ личность самого Нечаева и его политическія убѣжденія для пониманія революціоннаго движенія конца 70-хъ годовъ, мы остановимся на немъ подробнѣе.

Въ концѣ 1868 года мы застаемъ Сергѣя Геннадіевича Нечаева въ Петербургѣ учителемъ приходскаго училища, вольнослушателемъ университета и членомъ радикальнаго студенческаго кружка саморазвитія, въ которомъ принимаютъ участіе Ралли, Аметистовъ, Коринфскій, братья Покровскіе и др. [1]). Больше всего увлекаетъ участниковъ кружка чтеніе книги Буонаротти о заговорѣ Бабефа. Сильное впечатлѣніе производятъ на двадцатитрехлѣтняго Нечаева Карлейль съ его идеализаціей героевъ и ихъ роли въ исторіи, демагогъ Анри Рошфоръ съ его ярко-красной тогда *Lanterne*, заговоръ декабристовъ и особенно „Адъ“ кара-

---

[1]) О Нечаевѣ см. Ралли. С. Г. Нечаевъ, Д—ъ, Арестъ С. Г. Нечаевы въ Цюрихѣ и С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевск. равелинѣ въ 1873—1883 гг. Былое, 1906, VII, ст. Сватикова о студ. движеніи 1869 г. въ истр. сборн. „Наша Страна“ и Базилевскаго, Государств. преступл. въ Россіи въ 19 в., т. I.

козовцевъ. Не безъ вліянія осталась брошюра Гегеля съ разоблаченіями о дѣятельности Іоасафата Огрызко и польскаго „Ржонда народоваго“ временъ 1761—63 гг.

Въ головѣ Нечаева начинаютъ уже складываться грандіозные планы, его пылкому воображенію рисуются широкія организаціи съ многочисленными развѣтвленіями по всей Россіи, его боевая и необычайно энергичная натура намѣчаетъ уже способы конкретнаго осуществленія этихъ фантастическихъ замысловъ. Въ это время возникаютъ студенческія волненія, сначала въ медико-хирургической академіи, а затѣмъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для Нечаева наступаетъ моментъ дѣйствовать. Вмѣстѣ съ Петромъ Ткачевымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи эмигрантомъ-якобинцемъ, Ралли и другими онъ образуетъ спеціальный кружокъ съ цѣлью воздѣйствія на движеніе извнѣ, съ тѣмъ, чтобы расширить его на всѣ высшія учебныя заведенія въ Петербургѣ и другихъ университетскихъ городахъ и придать ему революціонный характеръ, раздвинувъ академическія требованія свободы сходокъ и кассъ взаимопомощи до широкаго общаго протеста противъ экономическаго и политическаго гнета. Но имъ такъ и не удается овладѣть движеніемъ, которое продолжаетъ идти своимъ путемъ.

Вотъ тогда Нечаевъ впервые примѣняетъ свой методъ дѣйствій для пріобрѣтенія вліянія на людей. Несмотря на всю свою кипучую дѣятельность, зажигательныя рѣчи, грандіозные планы и желѣзную волю, этотъ „худенькій, маленькій, нервный, вѣчно кусающій свои изъѣденные до крови ногти молодой человѣкъ съ горящими глазами, съ рѣзкими жестами“, какъ характеризуетъ его внѣшность Ралли, терпитъ неудачу и развертываетъ другія свои способности, которыя характеризуетъ М. Бакунинъ въ письмѣ къ Таландье. Сожалѣя о томъ, что письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ своему другу оттолкнуть Нечаева, опоздало, и считая это за „истинное несчастье“, Бакунинъ такъ отзывается о немъ: „Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда нужно служить тому, что онъ называетъ *дѣломъ*, то для него не существуетъ колебаній; онъ не останавливается тогда ни передъ чѣмъ и бываетъ столь же безжалостнымъ къ себѣ, какъ и къ другимъ... Нечаевъ — не мошенникъ, это неправда! Это фанатикъ преданный, но фанатикъ опасный... способъ дѣйствія его отвратительный... Онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять за основу политику Макіавели и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: для тѣла — насиліе, для души одна ложь... Вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ—сила, потому что это огромная энергія...“ [1]). И далѣе: „Солидарность существуетъ только между

[1]) Сватиковъ, упом. ст., стр. 226.

десяткомъ лицъ, которыя образуютъ Sanctum Sanctorum общества. Все остальное служитъ слѣпымъ орудіемъ и какъ бы матеріей для пользованія въ рукахъ этого десятка людей, дѣйствительно солидарныхъ. Дозволительно и даже простительно ихъ *обманывать*, *компрометировать*, обкрадывать и по нуждѣ *даже губить*; это мясо для заговоровъ... Прежде всего онъ начинаетъ вамъ разсказывать кучу лжи, чтобы увеличить вашу симпатію и довѣріе къ нему но этимъ не удовольствуется. Симпатіи людей, умѣренно теплыхъ, которые имѣютъ человѣческіе интересы, какъ любовь, дружба, семья, общественныя отношенія, эти симпатіи въ его глазахъ не представляютъ достаточной основы,—и во имя дѣла онъ долженъ завладѣть вашей личностью безъ вашего вѣдома. Для этого онъ будетъ за вами шпіонить и постарается овладѣть всѣми вашими секретами и для этого въ вашемъ отсутствіи, оставшись одинъ въ комнатѣ, онъ откроетъ всѣ ваши ящики, прочитаетъ всю вашу корреспонденцію, украдетъ и спрячетъ письма, компрометирующія хозяина, чтобы имѣть документъ противъ него... Если вы его представите вашему пріятелю, первою его заботой станетъ посѣять между ваши несогласіе, дрязги, интриги, словомъ, поссорить васъ. Если вашъ пріятель имѣетъ жену, дочь, онъ постарается ее соблазнить, чтобы вырвать ее изъ предѣловъ офиціальной морали и чтобы бросить ее въ вынужденный протестъ противъ общества. Всякая личная связь, всякая дружба считаются имъ зломъ, которое онъ обязанъ разрушить, потому что все это составляетъ силу, которая, находясь внѣ секретной организаціи, уменьшаетъ единую силу этой послѣдней... Онъ обманулъ довѣріе всѣхъ насъ, онъ покралъ всѣ наши письма, онъ страшно скомпрометировалъ насъ, словомъ велъ себя, какъ плутъ“ [1]).

Таковъ и былъ Нечаевъ въ дѣйствительности. Потерпѣвъ неудачу, онъ рѣшаетъ поднять свой престижъ при помощи мистификаціи. Онъ распускаетъ слухъ о томъ, что его могутъ арестовать, и дѣйствительно исчезаетъ. Среди товарищей поднимается тревога, начинаются хлопоты передъ университетскимъ начальствомъ о заступничествѣ. Черезъ день тревога усиливается, такъ какъ Вѣра Засуличъ, тогда еще юный подростокъ, получаетъ по почтѣ за подписью „студентъ“ записку съ просьбой передать по адресу приложенный грязный клочекъ бумаги, на которомъ краснымъ карандашемъ уже рукой Нечаева написано: „Меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопочите обо мнѣ! Дастъ Богъ—свидимся“.

Но всѣ поиски его сестры и друзей оказываются тщетными. Самъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ заявилъ, что Нечаева нѣтъ въ

1) В. П. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, стр. 277—8.

III отдѣленіи, то же подтвердилъ и комендантъ Петропавловской крѣпости. Въ это время начинаютъ носиться слухи, что Нечаевъ бѣжалъ изъ крѣпости во время допроса черезъ уборную въ генеральской шинели. Создаются цѣлыя легенды, его имя окружаютъ ореоломъ мученичества и геройства. Но вотъ онъ въ февралѣ появляется въ Москвѣ и съ паспортомъ своего товарища Орлова, которому разсказываетъ о томъ, что бѣжалъ изъ крѣпости, отправляется за-границу. Въ началѣ марта онъ снова появляется въ Москвѣ, гдѣ разсказываетъ о новыхъ своихъ приключеніяхъ: онъ будто бы былъ арестованъ въ Одессѣ, но опять бѣжалъ, 50 верстъ прошелъ пѣшкомъ, убѣгая отъ преслѣдованія, ѣхалъ съ чумаками и, наконецъ, добрался до Москвы. Только теперь онъ окончательно уѣзжаетъ за границу съ паспортомъ другого товарища Николаева. Такъ онъ подготовляетъ почву для своей будущей дѣятельности послѣ пріѣзда изъ-за границы въ качествѣ эмиссара отъ русской эмиграціи.

Пріѣхавъ за границу, онъ прилагаетъ вначалѣ всѣ свои усилія, чтобы очаровать русскихъ эмигрантовъ и воспользоваться ихъ денежными связями и моральнымъ вліяніемъ. Герценъ съ самаго начала отнесся къ нему недовѣрчиво и отказался отъ непосредственныхъ сношеній съ нимъ. Но Бакунинъ, а подъ его вліяніемъ и Огаревъ были въ восторгѣ отъ него въ первое время и восхищались его необычайной энергіей и беззавѣтной преданностью революціонному дѣлу. Когда же Нечаевъ убѣдился, что взялъ у своихъ заграничныхъ друзей все, что только можно было, онъ рѣзко порвалъ съ ними и вызвалъ даже со стороны Бакунина тотъ отзывъ, который мы привели выше изъ письма послѣдняго къ Таландье.

Нечаевъ и за границей поддерживаетъ живѣйшія сношенія съ Россіей, старается путемъ прокламацій вліять на студенческое движеніе и дѣятельно готовится къ предстоящей революціонной работѣ на родинѣ, намѣчая планъ кампаніи и подготовляя литературу.

3 сентября 1869 года Нечаевъ пріѣхалъ изъ Женевы въ Москву и, пользуясь своими старыми связями, приступилъ къ организаціи „Общества народной расправы“ или „Общество топора“. Члены вербуются имъ главнымъ образомъ изъ среды студентовъ Петровской земледѣльческой академіи, отчасти университета и вообще разночинной интеллигенціи. Основавъ сѣть кружковъ въ Москвѣ, Нечаевъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и здѣсь также быстро привлекаетъ на свою сторону нѣсколько кружковъ и отдѣльныхъ лицъ.

Въ рядѣ прокламацій, напечатанныхъ, повидимому, въ Лондонѣ и привезенныхъ въ Россію, Нечаевъ выясняетъ свои организаціонные принципы и соціально-политическіе взгляды. При помощи этихъ прокламацій онъ и думалъ создать въ короткій срокъ, именно къ лѣту 1870 года, многочисленные кадры революціоне-

ровъ изъ учащейся молодежи по преимуществу и поставить ихъ во главѣ народнаго возстанія, въ близости котораго онъ самъ былъ глубоко убѣжденъ и такъ искусно умѣлъ убѣждать другихъ.

Вотъ какъ формулируетъ Нечаевъ цѣли основаннаго имъ общества [1]). „У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастія народа, т.-е. чернорабочаго люда. Но убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію".

Эта грядущая революція, по представленію Нечаева, отнюдь не ограничится политическими перемѣнами въ классическомъ европейскомъ стилѣ,—ея задачей будетъ „уничтожить въ корнѣ всякую государственность и истребить всѣ государственныя традиціи порядка и класса Россіи".

„Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую бы то ни было организацію сверху. Будущая организація безъ сомнѣнія выработается изъ народнаго движенія и жизни"...

Выяснивъ такимъ образомъ свое „отношеніе къ народу", Нечаевъ намѣчаетъ также и тѣ народные элементы, на которые товарищество думаетъ въ первую голову опереться. Оказывается, что имѣется въ виду вѣчно протестующій „не на словахъ а на дѣлѣ" противъ всѣхъ государственныхъ учрежденій дикій разбойничій міръ, „этотъ единственный революціонеръ въ Россіи".

„Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача", заканчиваетъ Нечаевъ формулировку намѣченной обществомъ задачи.

Не менѣе выразительны основныя черты тактики по отношенію къ обществу. „Отношенія революціонера къ обществу", рекомендуя революціонеру ненависть и безжалостную жестокость ко всему культурному міру, обязываютъ его проникать повсюду отъ купеческой лавки до Зимняго дворца, во всѣ классы, во всѣ сословія. „Все это поганое общество" дѣлится на шесть категорій, изъ которыхъ первыя три подлежатъ истребленію въ порядкѣ, наиболѣе выгодномъ для интересовъ революціоннаго дѣла. При этомъ однимъ временно даруется жизнь, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ихъ средствами и связями, а другимъ для того, чтобы они сами своей жизнью и поступками революціонизировали народъ.

„Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. Съ ними можно

---

[1]) Базилевскій, Госуд. прест. въ Р. въ 19 в., т. I, стр. 185.

конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скопрометировать ихъ до-нельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ бы невозможенъ, и ихъ руками мутить государство.

Пятая категорія—доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздноглаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практичныя головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ". Именно такъ Нечаевъ и третировалъ стариковъ-эмигрантовъ.

Въ шестую категорію попадаютъ женщины, изъ которыхъ „совсѣмъ наши" представляютъ „драгоцѣннѣйшія сокровища, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно", а другія распредѣляются по тѣмъ же категоріямъ, что и мужчины, но не выше третьей.

Та же точка зрѣнія проникаетъ отношенія революціонера къ самому себѣ и къ товарищамъ.

„Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено... революціей". Поэтому весь міръ оцѣнивается имъ только подъ этимъ единственнымъ угломъ зрѣнія—торжества революціи и безпощаднаго разрушенія всего существующаго. Для него нѣтъ ни радостей, ни печалей, ни законовъ, ни приличій, ни нравственности, ни науки, ни чувствъ родства, дружбы, любви, благодарности, ни даже чести. Не можетъ быть мѣста ни романтизму, ни чувствительности, ни восторженности, ни увлеченія. Всѣ его проявленія обусловливаются исключительно успѣхомъ революціи. Отвергая мірскую науку и предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ, революціонеръ обязанъ въ интересахъ дѣла изучать „и механику, и физику, и химію, пожалуй медицину", но „денно и нощно" изучаетъ онъ „живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя"...

„Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера", заговариваетъ нѣжнымъ тономъ Нечаевъ, „можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ". Впрочемъ, нѣжности скоро прерываются: „Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи".

На себя и на своихъ товарищей, которые работаютъ подъ его руководствомъ, революціонеръ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, и тратить ее экономно, извлекая при этомъ наибольшую выгоду. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, то при рѣшеніи вопроса о его спасеніи нужно прежде всего

отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ чувствъ и соображаться только пользой революціоннаго дѣла.

Мистификація всякаго рода занимала очень видное мѣсто у Нечаева какъ въ агитаціонныхъ видахъ, такъ и въ организаціонномъ дѣлѣ. Такъ напр., въ одной прокламаціи отъ мнимаго „брюссельскаго дворянскаго комитета" крѣпостническое дворянство призывается къ борьбѣ съ династіей во имя дворянской конституціи, при чемъ указывается на Муравьева-Вѣшателя, какъ на доблестнаго вождя дворянства [1]). Еще болѣе характеризуетъ Нечаева его проектъ, предложенный имъ впослѣдствіи Исполнительному Комитету Народной Воли. Онъ совѣтовалъ выпустить въ мѣстностяхъ, гдѣ сильна вѣра въ Царя, подложный манифестъ, который возвращалъ бы крестьянъ помѣщикамъ, увеличивалъ бы срокъ военной службы и т. д. Въ то же время священникамъ долженъ былъ разсылаться также подложный „секретный указъ" святѣйшаго синода, гдѣ рекомендовалось молиться объ исцѣленіи монарха въ виду его душевной болѣзни, при чемъ имѣлось въ виду, что служители церкви больше всего позаботятся о томъ, чтобы шире разгласить тайну. Затѣмъ слѣдовало распространить манифесты отъ якобы тайнаго „Великаго Земскаго Собора всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи", во-первыхъ, къ крестьянамъ, во-вторыхъ, къ православному русскому воинству, гвардейскимъ, гренадерскимъ и армейскимъ полкамъ, конницѣ и артиллеріи, гарнизоннымъ войскамъ и мѣстнымъ командамъ". Въ крестьянскомъ манифестѣ сообщалось о печальной новости и о рѣшеніи Собора произвести передѣлъ земли и освободить солдатъ отъ службы. Въ виду этого предписывалось „по полученіи сего манифеста, не медля ни мало, во всѣхъ селеніяхъ собирать мірскіе сходы и приступать къ справедливому передѣлу всей земли... прежде всего отрѣшить отъ должности всѣхъ прежнихъ волостныхъ старшинъ и писарей, а на мѣсто ихъ для распоряженія дѣлами выбирать добросовѣстныхъ людей и т. д. Всѣхъ помѣщиковъ... которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять въ мірскіе сходы, а міръ долженъ творить съ ними строгую и короткую расправу... Всѣхъ исправниковъ, становыхъ и т. д. хватать, гдѣ кого пришлось и немедленно предавать смерти"... Въ концѣ манифеста помѣчено, что составленъ онъ „на Великомъ Земскомъ Соборѣ по совѣту и приговору излюбленныхъ русскихъ людей, мірскихъ выборныхъ отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ" и предписывается всѣмъ развозить манифестъ и исполнять. Подписано „быть по сему".

---

[1]) Сватиковъ, С. Г., упом. ст., стр. 232.

„Манифестъ къ войскамъ“ призываетъ ихъ къ военному бунту. Всѣ эти планы тщательно обдуманы до мельчайшихъ подробностей.

Само собой разумѣется, что Исп. Ком. оставлялъ эти планы безъ всякихъ послѣдствій. Даже „Чигиринское дѣло“ кажется невинной фантазіей въ сравненіи съ этой чудовищной химерической затѣей. Но такъ глубока была вѣра Нечаева въ близость революціоннаго взрыва и такъ велико умѣнье подчинять людей своей волѣ, что онъ не видѣлъ ничего чрезмѣрнаго въ своихъ замыслахъ [1]).

Организаціонная система Нечаева построена, конечно, на началахъ крайняго централизма съ необходимой примѣсью все той же мистификаціи. Во главѣ общества стоитъ Комитетъ народной расправы, чисто мифическое учрежденіе, невидимое и неуловимое и разсылающее во всѣ организаціонныя ячейки свои распоряженія на спеціальныхъ бланкахъ съ печатью „Комитета народной расправы 19-го февраля 1870 года“ и съ изображеніемъ топора въ срединѣ. Самое приказаніе формулировалось обыкновенно въ такой формѣ: „Предлагается такому-то сдѣлать то-то“. Впрочемъ, и этотъ комитетъ въ свою очередь подчинялся центральному комитету Международнаго общества рабочихъ, куда и нужно было въ конечномъ отчетѣ отправлять всѣ отчеты о дѣятельности русской секціи. Единственнымъ членомъ этого комитета былъ конечно самъ Нечаевъ. Далѣе, спускаясь по организаціонной лѣстницѣ, мы встрѣчаемъ: 1) сѣть, 2) отдѣленіе и 3) кружки первой, второй, третьей и т. д. степеней. Въ каждой организаціонной ячейкѣ не болѣе и не менѣе пяти человѣкъ. Составляется каждая низшая группа членомъ высшей путемъ подбора (кооптаціи) изъ среды своихъ знакомыхъ подходящихъ для этого людей. Въ интересахъ конспираціи каждая ячейка знаетъ только то, что подлежитъ ея непосредственному вѣдѣнію, все остальное покрыто тайной и еще чаще баснословнымъ вымысломъ для поднятія престижа всего дѣла въ глазахъ членовъ организаціи, особенно молодыхъ.

На собраніяхъ кружковъ присутствовалъ обыкновенно или членъ Отдѣленія, или спеціальный уполномоченный Комитета, приносившій съ собою для удостовѣренія своей личности комитетскій бланкъ, который всѣ присутствующіе разсматривали и тутъ же сжигали. Обо всемъ, что дѣлалось на собраніяхъ, велись протоколы, на основаніи которыхъ составлялись отчеты о дѣятельности для отсылки во Всемірный комитетъ. Запись велась при помощи шифра, который изобрѣтался организаторомъ для своего кружка и сообщался въ высшую инстанцію.

---

[1]) Былое. 1906, VII, ст. С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевск. равелинѣ въ 1873—1883 гг., стр. 158—9.

Штабъ-квартирой для Нечаева служилъ книжный магазинъ Черкесова, гдѣ служащіе магазина Успенскій и Феликсъ Волховскій (извѣстный впослѣдствіи дѣятель-народникъ) были его ближайшими сотрудниками. Въ виду намѣчавшейся дѣятельности въ народѣ, стали пріобрѣтать паспорта, паспортные бланки и книжки, подыскивать квартиры, притоны и пр.

Отличительной чертой организаторской дѣятельности Нечаева является то, что онъ не подготовляетъ путемъ пропаганды членовъ для своего общества, а при помощи агитаціи отбираетъ готовыя силы, закрѣпляя ихъ всевозможными способами, достаточно уже описанными, за своей организаціей. Этотъ методъ онъ и рекомендуетъ своимъ сотрудникамъ.

Уже въ началѣ сентября Нечаеву удалось составить кружокъ, въ который входили Успенскій, купеческій сынъ Павелъ Прокопенко, слушатели Петровской академіи Рипманъ, Долговъ и Ивановъ. Эти въ свою очередь очень скоро сгруппировали вокругъ себя новыхъ приверженцевъ. Но дѣло безъ внутренней борьбы не обошлось, такъ какъ большинство стояло за мирную пропаганду въ народѣ. И только все та же желѣзная воля Нечаева заставила подчиниться ему и принять его программу. Тѣмъ не менѣе Ивановъ проявилъ большую строптивость и грозилъ даже уйти изъ организаціи и въ свою очередь начать создавать новое общество. Въ виду царившихъ среди молодежи настроеній такая угроза могла не на шутку напугать Нечаева и онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ него. 21 ноября Николаевъ завлекъ Иванова въ гротъ парка близъ пруда якобы для того, чтобы показать ему тайную типографію. Тамъ ихъ ожидали уже Нечаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ. Вначалѣ произошла общая свалка, которой и хотѣлъ воспользоваться догадавшійся въ чемъ дѣло Ивановъ. Но въ этотъ моментъ его свалили съ ногъ, а Нечаевъ, выхвативъ у Николаева заранѣе приготовленный пистолетъ, застрѣлилъ его. На шею и ноги были привязаны камни, и трупъ стащили затѣмъ къ пруду и бросили въ прорубь.

Это убійство и студенческіе безпорядки скоро навели полицію на слѣдъ этой организаціи, и начались аресты. Нечаеву удалось бѣжать за границу, такъ что суду пришлось имѣть дѣло съ организаціей безъ ея руководителя. Всего было привлечено 84 обвиняемыхъ, изъ которыхъ участники убійства Успенскій, Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ, нѣсколько человѣкъ—къ вѣчному поселенію, многіе къ тюремному заключенію, остальные были оправданы. Дѣло разбиралось въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и произвело огромное впечатлѣніе на учащуюся молодежь. Всѣ съ презрѣніемъ и негодованіемъ говорили о Нечаевѣ, но

искренія и чистосердечныя признанія его обманутыхъ послѣдователей вызвали всеобщія симпатіи.

Престижъ Нечаева въ Россіи палъ, а за границей его ждала враждебная атмосфера, имъ же самимъ созданная еще въ прошлую поѣздку. Но онъ не падаетъ духомъ и съ прежней энергіей подыскиваетъ себѣ соратниковъ. Въ Цюрихѣ судьба свела его съ полякомъ-эмигрантомъ Стемпковскимъ, который былъ секретаремъ марксистской секціи Интернаціонала и въ то же время состоялъ на русской службѣ въ качествѣ агента тайной полиціи. По указанію Стемпковскаго Нечаевъ былъ арестованъ и выданъ Россіи въ концѣ 1872 года въ качествѣ убійцы Иванова. Въ качествѣ уголовнаго преступника его и судили въ Московскомъ Окружномъ Судѣ, несмотря на всѣ его протесты противъ такой грубой несправедливости къ нему, такъ какъ его же товарищей по дѣлу судили, какъ политическихъ преступниковъ. 8 января 1873 года онъ былъ присужденъ къ двадцатилѣтней каторгѣ, но его предпочли замуровать въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ и умеръ 9 мая 1883 года, проживъ болѣе десяти лѣтъ при совершенно невѣроятныхъ условіяхъ, въ неустанной борьбѣ со своими тюремщиками. Эта тюремная жизнь его до того необычайна, что представляется какой-то фантастической сказкой.

Первые годы онъ долженъ былъ сидѣть рядомъ съ сумасшедшимъ гвардейскимъ офицеромъ Шевичемъ, который былъ посаженъ въ равелинъ изъ-за столкновенія съ какимъ-то высокопоставленнымъ лицомъ, и выслушивать „въ безсонныя ночи дикіе вопли, бѣшеный и яростный вой, безсмысленный хохотъ". Но онъ пользовался, по крайней мѣрѣ, книгами и письменными принадлежностями.

На третій годъ его пребыванія въ равелинѣ къ нему пріѣхалъ однажды шефъ жандармовъ Потаповъ и подъ угрозой тѣлесныхъ наказаній потребовалъ свѣдѣній о революціонной партіи. Въ отвѣтъ на эту угрозу Нечаевъ далъ Потапову пощечину въ присутствіи коменданта, офицеровъ, жандармовъ и рядовыхъ, и по лицу генерала потекла кровь изъ носу и изо рта. Нечаева страшно избили, а вскорѣ за дерзкое прошеніе на Высочайшее имя ему одѣли на руки и на ноги кандалы и тяжелою цѣпью приковали его къ стѣнѣ. Цѣлыхъ два года онъ провалялся на полу въ такомъ состояніи, выслушивая вопли сумасшедшаго.

Но эти мучительные годы прошли, про него стали забывать въ виду новыхъ событій и сняли цѣпи. Далѣе Нечаевъ добился права получать книги и письменныя принадлежности и голодовкой заставилъ даже выписать для него новыя книги. И вотъ, оправившись, онъ начинаетъ вліять на своихъ тюремщиковъ, конечно, при помощи мистификацій. Изучивъ всѣхъ своихъ сторожей и узнавъ ихъ тайны, онъ играетъ на слабыхъ струнахъ, поражаетъ

своей освѣдомленностью и кромѣ того цѣлымъ рядомъ намековъ даетъ понять, что онъ изъ партіи наслѣдника и, какъ важная персона, привлекаетъ столько вниманія. Покушеніе Соловьева поднимаетъ его фонды. Между тѣмъ онъ умѣетъ во-время шепнуть, что всѣ уже въ крѣпости на его сторонѣ и дѣло только за собесѣдникомъ, въ дѣйствительности первымъ. Въ положеніи послѣдняго уже не страшно было согласиться исполнять порученія.

Въ ноябрѣ 1880 года былъ посаженъ въ равелинъ С. Ширяевъ, который очень понравился Нечаеву. И вотъ однажды Нечаевъ, посвящая его въ тайну своей „организаціи", сообщаетъ ему такой планъ. Перекрестными вопросами распропагандированныхъ имъ служителей онъ изучилъ крѣпость со всѣмъ составомъ гарнизона. Надѣясь черезъ извѣстное время склонить на свою сторону достаточную часть крѣпостного гарнизона, онъ задумалъ овладѣть крѣпостью въ тотъ день, когда вся царская фамилія присутствуетъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Ширяевъ не могъ одобрить такого плана, но помогъ устроить сношенія съ Исполнительнымъ комитетомъ.

Эти сношенія были такъ хорошо организованы, что, по увѣренію лица, близко стоявшаго тогда къ И. К., Желябовъ *видѣлъ* даже Нечаева и лично говорилъ съ нимъ [1]). Между равелиномъ и И. К. велись переговоры объ освобожденіи узниковъ, и никакихъ особыхъ препятствій не предвидѣлось, и Нечаевъ сталъ дѣятельно подготовлять осуществленіе этого плана. Но дѣло освобожденія сталкивалось съ готовившимся покушеніемъ, дерзки смѣлый побѣгъ долженъ былъ навести панику на правительство и заставить его принять необычайныя мѣры предосторожности. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, за какое дѣло взяться въ первую голову, и оба высказались за отсрочку своего освобожденія. Интересно отмѣтить, что, отказываясь отъ свободы, Нечаевъ имѣлъ деликатность въ своихъ письмахъ сохранить самый веселый тонъ и усиленно доказывать, что дѣло заключенныхъ ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя, какъ человѣкъ практичный, онъ долженъ былъ прекрасно понимать, что дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ.

Послѣ 1-го марта отношенія къ заключеннымъ рѣзко измѣнились къ худшему. Для Нечаева послѣдующее его пребываніе въ равелинѣ обратилось въ сплошную пытку, противъ которой не могли устоять ни его богатырское здоровье, не исключительная выносливость.

Добавимъ въ заключеніе, что въ началѣ 1882 года сношенія Нечаева съ волей были обнаружены и произведены массовые аресты среди солдатъ Алексѣевскаго равелина. Смотритель равелина под-

---

[1]) С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевск. равел. въ 1873—1883 гг., Былое, 1906, VII, стр. 157, примѣч.

полковникъ Филимоновъ и его помощникъ поручикъ Андреевъ были по приговору военнаго суда сосланы на 2 года въ Архангельскую губернію, а унтеръ-офицеры отданы на разные сроки въ дисциплинарные батальоны.

Движеніе, организованное Нечаевымъ, оказалось крайне поверхностнымъ. Оно не захватило широкихъ слоевъ студенчества и даже вооружило противъ себя наиболѣе зрѣлые элементы, среди которыхъ шла медленная, но серьезная работа надъ самоусовершенствованіемъ. Тѣмъ не менѣе самый фактъ появленія этой организаціи и еще болѣе судъ надъ нечаевцами оказали огромное вліяніе на молодежь.

Прежде всего недовольные революціоннымъ методомъ Нечаева должны были сами сплотиться, чтобы дать достаточно сильный отпоръ нежелательной агитаціи. Это обстоятельство и послужило ближайшимъ мотивомъ для объединенія единомышленниковъ въ кружокъ чайковцевъ подъ руководствомъ Чайковскаго и Натансона. Быстрѣе формировались собственные взгляды не только на конечныя цѣли, но и на ближайшія задачи, методъ борьбы, организаціонную тактику и пр. Больше всего вызывалъ недовольство макіавелизмъ Нечаева и его генеральство по отношенію къ товарищамъ, и въ теченіе всего періода хожденія въ народъ всякая попытка къ созданію строго централизованной организаціи встрѣчала самую энергичную отповѣдь въ виду печальнаго примѣра „Общества Народной расправы".

Иначе дѣйствовали искренния и смѣлыя заявленія нечаевцевъ на судѣ. Всѣ современники отмѣчаютъ въ своихъ воспоминаніяхъ огромное впечатлѣніе, которое они производили на молодежь. Многіе только по официальнымъ отчетамъ впервые и знакомились съ тѣми вопросами, которые вскорѣ должны были заполнить всю ихъ жизнь. И не только въ столицѣ, но и въ провинціи отчеты о дѣлѣ усердно читались, будили мысль и чувство и звали къ выполненію того долга передъ народомъ, о которомъ можно было въ лучшемъ случаѣ до сихъ поръ прочесть только въ хорошей книгѣ. Теперь же передъ взорами молодежи проходилъ рядъ самоотверженныхъ людей, которые не отступали ни передъ какими жертвами для того, чтобы осуществить свои убѣжденія, и эта нравственная сила внушала симпатіи и звала на подвигъ.

Такимъ образомъ нечаевское дѣло было крупнымъ фактомъ въ общей обстановкѣ, среди которой формировались кадры народниковъ. Совершенно такое же вліяніе на молодые умы должно было оказать такое крупное міровое событіе, какъ борьба и пораженіе Парижской Коммуны. Здѣсь на защиту близкихъ русской разночинной интеллигенціи идеаловъ выступали уже не одиночки, а народныя массы, которыя практически пытались осуществить тѣ

формы общественной жизни, о которыхъ до сихъ поръ могли существовать только самыя фантастическія представленія.

Въ томъ же направленіи, наконецъ, должна была вліять и вся русская дѣйствительность. Заканчивалось десятилѣтіе послѣ крестьянской реформы, и жизнь давала уже ясный учетъ всей половинчатости и односторонности рѣшенія вопроса. Неуклонное разореніе деревни становилось очевиднымъ фактомъ, который находилъ всестороннее освѣщеніе въ литературѣ. Между тѣмъ при всей медленности темпа экономическаго развитія начинало сказываться тормозящее дѣйствіе феодальныхъ пережитковъ. А упорная правительственная реакція, подъ покровительствомъ которой благоденствовали крупные дѣльцы и финансисты, все болѣе начинала вызывать враждебное отношеніе къ себѣ среди культурныхъ элементовъ общества, которые не принимали участія въ спекулятивныхъ предпріятіяхъ и всячески страдали отъ жестокаго режима.

Чуткимъ и смѣлымъ выразителемъ общаго недовольства обездоленной и обойденной такъ или иначе части населенія явилась учащаяся молодежь, которая и въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ видахъ болѣе широкаго примѣненія своего труда, болѣе яркаго проявленія своей умственной и моральной энергіи должна была стремиться къ уничтоженію всякихъ преградъ,—политическихъ и экономическихъ—стоявшихъ на этомъ пути. Задолго до широкаго политическаго возбужденія въ средѣ земско-дворянской оппозиціи, которую подвинули впослѣдствіи на протестъ противъ злоупотребленій власти уже явный упадокъ хозяйственной жизни и предварительное выступленіе революціонныхъ организацій, за десять лѣтъ до этого момента передовая разночинная интеллигенція, главнымъ образомъ студенческая молодежь, становится чуткимъ общественнымъ органомъ, совѣстью и волей общества и находитъ въ своемъ коллективномъ существованіи необходимую силу и средства для осуществленія своего предназначенія.

Эти новыя явленія жизни находятъ свое отраженіе въ повременной литературѣ. Два журнала, „Вѣстникъ Европы“ и „Отечественныя Записки“ играютъ руководящую роль для передовой части общества, первый защищаетъ интересы либерализма, второй стоитъ на сторонѣ демократіи, живо откликаясь на всѣ явленія внутренней жизни и поддерживая постоянный интересъ къ важнымъ событіямъ въ Зап. Европѣ. Цѣлый рядъ талантливыхъ литераторовъ берутъ на себя обязанность продолжать дѣло великихъ шестидесятниковъ—Чернышевскаго, Добролюбова и др., хранить и развивать ихъ завѣты и служить идейнымъ объединяющимъ центромъ, какимъ въ свое время былъ „Современникъ“. Некрасовъ, Наумовъ, Успенскій и Златовратскій въ области художественнаго творчества возсоздавали всю экономическую и духовную жизнь народа и ста-

вили ее въ фокусъ всеобщаго вниманія. Яркая картина пореформеннаго общества, выходившая изъ-подъ кисти Щедрина, дополняла и оттѣняла работу беллетристовъ-народниковъ. Все русское общество въ живыхъ образахъ выступало передъ читателемъ на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" все подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія—соціальныхъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ и блескомъ выступалъ внутренній обозрѣватель журнала Елисѣевъ, который въ томъ же направленіи подвергаетъ самому внимательному разбору самыя разнообразныя проявленія жизни, всѣ вопросы, связанные съ поземельными и правовыми отношеніями въ деревнѣ. „Я помню хорошо", разсказываетъ О. В. Аптекманъ, „какъ, въ свободные часы между лекціями, мы, студенты, захвативъ съ собой новую книжку журнала, *прежде всего* обыкновенно набрасывались на „Внутреннія дѣла" журнала и прочитывали ихъ при глубокомъ вниманіи вслухъ". И это вниманіе къ публицисту журнала сохранилось надолго.

Это народническое направленіе органа находило блестящую формулировку въ соціологической концепціи Н. К. Михайловскаго. Выступивъ рѣзкимъ и талантливымъ противникомъ біологическаго принципа въ соціологіи, онъ давалъ свою формулу прогресса, которая въ полномъ согласіи съ народническимъ міросозерцаніемъ идеализировала въ сущности народные принципы общежитія и совпадала съ соціалистическими идеалами Чернышевскаго и Добролюбова. Личность, всестороннее ея развитіе, становится верховнымъ критеріемъ прогресса. Всякія тенденціи, задерживающія это развитіе, не только вредны, но и безнравственны. Эта точка зрѣнія субъективной соціологіи становится доминирующей въ журналѣ, благодаря блестящему таланту Михайловскаго, всякое изслѣдованіе жизни совершается подъ его вліяніемъ, именно подъ такимъ угломъ зрѣнія.

Одновременно съ „Отечественными Записками" появляется журналъ „Недѣля" подъ редакціей супруговъ Конради, и уже въ 1868 году въ немъ печатаются знаменитыя „Историческія письма" Миртова, написанныя участникомъ „Земли и Воли" шестидесятыхъ годовъ П. Л. Лавровымъ. „Письма" Миртова пользовались исключительнымъ успѣхомъ въ средѣ молодежи, несмотря на тяжелый слогъ и абстрактность своего содержанія. Лавровъ училъ о долгѣ образованныхъ классовъ народу какъ разъ въ такой моментъ, когда эта мысль носилась въ воздухѣ, когда нуженъ былъ лозунгъ, чтобы объединить и оформить фактическое стремленіе революціонно-настроенной интеллигенціи пойти на служеніе народу. Миртовъ первый далъ формулу идеала, во имя котораго критически мыслящія личности должны были перерабатывать культуру, творить прогрессъ; „развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ

истины и справедливости"—такова была цѣль, во имя которой должна была соотвѣтственно быть измѣнена соціальная обстановка. „Историческія письма" были не только настольной книгой молодежи 70-хъ годовъ", вспоминаетъ О. В. Аптекманъ,—„нѣтъ! это была книга *жизни*, *революціонное* Евангеліе, *философія* революціи".

Въ то же время за-границей появляется журналъ „Народное Дѣло", издаваемый подъ вліяніемъ Бакунина Н. Ив. Жуковскимъ. Въ полномъ согласіи съ ученіемъ Лаврова о всестороннемъ развитіи личности журналъ смѣло намѣчаетъ уже и тѣ соціальныя условія, при которыхъ этотъ идеалъ можетъ быть осуществленъ, и развиваетъ широкую анархическую программу. Освобожденіе народа считается осуществимымъ только послѣ полнаго разрушенія государства и упраздненія всякихъ властей, когда земля станетъ достояніемъ общинъ землевладѣльцевъ, а фабрики, заводы и другія орудія производства поступятъ въ собственность рабочихъ ассоціацій, когда вмѣстѣ съ полнымъ уравненіемъ въ правахъ мужчинъ и женщинъ будутъ уничтожены бракъ и семья и введено общественное воспитаніе дѣтей. Бунтарство, какъ система установленія новаго порядка, было объявлено Бакунинымъ позднѣе, вначалѣ же анархизмъ уживался съ очень мирными формами пропаганды.

Подъ такимъ идейнымъ вліяніемъ вырабатывалось міросозерцаніе молодежи.

Мы отмѣтили раньше возникновеніе кружковъ саморазвитія во многихъ даже захолустныхъ углахъ Россіи. Изгнанные изъ университетовъ студенты во время безпорядковъ 1869 года разъѣхались по провинціи, и вопреки напугиваніямъ благонамѣренныхъ и богобоязненныхъ родителей и мѣрамъ властей предержащихъ мѣстная учащаяся молодежь изъ среднеучебныхъ заведеній, гимназисты, гимназистки, семинаристы, сельскіе учителя и другіе разночинцы встрѣчали изгнанниковъ съ распростертыми объятіями, съ восторгомъ шли въ организуемые ими кружки и становились проводниками общаго движенія.

Выработка критически мыслящей личности такова основная цѣль кружковъ, хотя бы имѣвшихъ и спеціальное назначеніе. Матеріальная сторона отступаетъ въ этотъ періодъ на задній планъ, на первое мѣсто выдвигаются интеллектуальныя и нравственныя задачи. Кассы взаимопомощи, кухмистерскія, библіотеки превращаются въ учрежденія по преимуществу идейнаго общенія. Устраиваются собранія, на которыхъ читаются рефераты по намѣченному плану, привлекаются новые члены и другіе кружки, сзываются сходки депутатовъ отъ кружковъ съ одинаковыми цѣлями, выработка міросозерцанія становится коллективнымъ дѣломъ.

Первые практическіе шаги состояли главнымъ образомъ въ распространеніи по провинціальнымъ городамъ серьезныхъ книгъ, пре-

имущественно изданій Полякова, какъ сочиненія Добролюбова, Писарева, Флеровскаго („Положеніе рабочаго класса“, „Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати“), Щапова, Берне, Миртова, Луи Блана и др. Эту работу съ большимъ успѣхомъ исполнялъ кружокъ чайковцевъ, обладавшій большими средствами, крупными интеллигентными силами и обширными связями въ другихъ городахъ. Наряду съ этимъ начинали привлекать къ кружкованію и другіе элементы общества, какъ, напр., приказчиковъ въ Харьковѣ, которымъ читались лекціи общеобразовательнаго характера. Огромное вниманіе обращается на пріобщеніе женщинъ къ движенію. Студенты проникаютъ также со своей просвѣтительной дѣятельностью въ воскресныя школы.

Наряду съ этимъ устраиваются земледѣльческія фермы въ Херсонской губ., въ окрестностяхъ Харькова. Самостоятельный трудъ студентовъ-фермеровъ, которые въ базарные дни появлялись въ городѣ въ національныхъ костюмахъ и развозили молочные продукты по домамъ, производитъ сильное впечатлѣніе на молодежь. Начинаются исканія конкретныхъ формъ для воплощенія идеи сельскохозяйственной коммуны, и возникаетъ „американизмъ“, тяготѣніе къ Америкѣ, гдѣ при свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ легко было осуществить свои мечты. Это теченіе сильнѣе было на югѣ, и кое-гдѣ были сдѣланы попытки къ переселенію и къ основанію коммунъ, которыя вскорѣ умерли естественной смертью, какъ и другіе многочисленные соціальные опыты подобнаго рода на этой территоріи.

Въ виду огромнаго значенія, которое придавалось освобожденію личности отъ всякихъ путъ, лишавшихъ ее возможности служить народу, много энергіи тратили на уничтоженіе семейнаго гнета, особенно сильно тяготившаго молодыхъ дѣвушекъ. Самыя сложныя комбинаціи пускаются въ оборотъ для того, чтобы вырвать молодую женщину изъ-подъ опеки деспота отца или сердобольной матери. Одинъ изъ видныхъ чайковцевъ Синегубъ даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ очень живо и интересно написанную исторію такого освобожденія. Насколько высоко ставилась задача спасенія личности, можно видѣть изъ того, что Синегубъ, сильно увлекшійся пропагандой среди рабочихъ, бросаетъ на долгіе мѣсяцы свою работу для неизвѣстной ему дѣвушки и отправляется въ далекое путешествіе изъ Петербурга въ Вятскую губернію, гдѣ послѣ долгихъ мытарствъ, прекрасно разыгранной комедіи въ любовь и всевозможныхъ другихъ хитростей, ему удается, наконецъ, склонить на свою сторону родителей и вступить въ фиктивный бракъ со своей мнимой возлюбленной, которую онъ увозитъ въ концѣ концовъ въ столицу и водворяетъ въ студенческой коммунѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ обманъ кончается ко всеобщему благополучію, такъ какъ освободитель успѣваетъ во время этой эпопеи основательно

влюбиться въ свою фиктивную красавицу-жену и послѣ продолжительной совмѣстной съ ней работы въ качествѣ народныхъ учителей выслушиваетъ отъ нея, наконецъ, признаніе въ любви къ нему.

Впослѣдствіи, во время революціонной работы эти фиктивные браки пріобрѣтаютъ кромѣ того и чисто практическое значеніе въ видахъ конспираціи и увеличенія денежныхъ средствъ путемъ полученія наслѣдства или приданаго.

Между тѣмъ число кружковъ все росло, коллективная жизнь становилась все интенсивнѣй, все чаще устраивались сходки, на которыхъ чисто теоретическіе дебаты смѣняются уже болѣе конкретными спорами и обсужденіями практическихъ вопросовъ. Накопившаяся энергія рвется наружу и ищетъ приложенія своего въ жизни. И вотъ наряду съ работой надъ самими собой и пропагандой среди интеллигенціи начинается пропаганда среди рабочихъ.

Уже въ концѣ 1871 года кружокъ чайковцевъ заводитъ связи среди рабочихъ. Первыми, вступившими въ непосредственное общеніе съ рабочими изъ этого кружка были Сердюковъ, Синегубъ, Чарушинъ, Леонидъ Поповъ и Стаховскій. Вскорѣ дѣятельное участіе въ этой работѣ приняли лучшія силы центральной группы Кропоткинъ, Кравчинскій, Перовская и другіе. Начавъ съ преподаванія грамоты, пропагандисты скоро должны были подъ вліяніемъ самихъ же рабочихъ переходить на революціонныя темы. Пропаганда пользовалась огромнымъ успѣхомъ среди рабочихъ, „движеніе охватывало ихъ", вспоминаетъ Кропоткинъ, „подобно пожару. Часто приходилось охлаждать рвеніе нашихъ новыхъ друзей, иначе они приводили бы къ намъ сотни людей заразъ, и старыхъ, и малыхъ". По разсказамъ Синегуба, народъ валомъ валилъ къ пропагандистамъ, въ которыхъ ощущался большой недостатокъ. Они переходили отъ одной артели къ другой, отъ ткачей къ плотникамъ, каменщикамъ или приглашая рабочихъ на спеціальныя конспиративныя квартиры, на которыхъ жили интеллигенты. Особеннымъ успѣхомъ пользовались Синегубъ, Кравчинскій и Кропоткинъ, который къ тому времени побывалъ за границей и читалъ рабочимъ лекціи по исторіи западно-европейскаго рабочаго движенія. Естественно, что фабричные рабочіе, какъ менѣе культурные и сохранившіе большую связь съ деревней, чѣмъ заводскіе, пользовались большими симпатіями пропагандистовъ, которые смотрѣли на свою работу въ городѣ, какъ на подготовительную для деревни. Среди городскихъ рабочихъ происходило первое знакомство интеллигентовъ съ народомъ и формировались кадры пропагандистовъ изъ среды самого народа.

Такую же картину, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, представляютъ кружки и въ другихъ университетскихъ центрахъ и въ городахъ, съ которыми поддерживаются связи изъ столицы.

Вездѣ сложившіяся группы усваиваютъ народническую окраску. Пріобщеніе къ народническимъ идеаламъ влечетъ за собой соотвѣтствующую внѣшнюю обстановку, отказъ отъ всѣхъ преимуществъ своего прежняго привилегированнаго положенія и всяческое опрощеніе. Многіе считаютъ возможной работу на пользу народа въ качествѣ сельскихъ учителей, фельдшеровъ, врачей, но большинство предпочитаетъ по профессіи своей уподобиться народу и изъ всѣхъ занятій отдаетъ предпочтеніе черной работѣ или въ крайнемъ случаѣ мастерству. Наиболѣе полное сближеніе съ народомъ съ цѣлью мирной пропаганды — такова была цѣль движенія вплоть до 1873 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хожденіе въ народъ. Революціонная пропаганда.

Дальнѣйшее развитіе кружкового движенія и вовлеченіе все новыхъ массъ учащейся молодежи въ общее броженіе содѣйствовали революціонизированію настроенія и подготовляли моментъ выступленія на путь широкой практической дѣятельности. Въ этомъ направленіи вліяло съ одной стороны общеніе болѣе передовыхъ группъ съ рабочими, а съ другой сношенія съ русскими эмигрантами за границей.

Связи съ эмиграціей у русской революціонной молодежи не прекращались, а оживленіе начала 70-хъ годовъ вызвало нѣчто въ родѣ паломничества русскихъ революціонеровъ къ ветеранамъ-эмигрантамъ, тѣмъ болѣе что помимо чисто теоретическаго интереса преслѣдовались и практическія цѣли, такъ какъ за границей устраивалось печатаніе нелегальной литературы для Россіи. Кромѣ того въ Цюрихѣ, гдѣ жилъ въ то время эмигрировавшій изъ Россіи Лавровъ, было нѣсколько сотъ русскихъ студентовъ, главнымъ образомъ молодыхъ дѣвушекъ, не имѣвшихъ возможности получить высшаго образованія на родинѣ. Но не чистая наука интересовала тогда молодежь, центромъ вниманія для нея сдѣлались Лавровъ и Бакунинъ, которые вели энергичную пропаганду, призывая своихъ молодыхъ русскихъ друзей къ служенію народу.

Въ основныхъ чертахъ между обоими представителями тогдашней революціонной мысли не было различій. Оба считали цѣлью движенія соціальную революцію, которая дастъ возможность „развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную...“, какъ гласила опубликованная въ № 1 журн. „Впередъ“ программа Лаврова. Этотъ идеалъ тѣмъ легче осуществить, что онъ живетъ въ сознаніи народа, убѣжденнаго въ принадлежности всей земли людямъ труда, отстаивающаго право общины на пользованіе ею передъ отдѣльными лицами и защищающагося при помощи общиннаго самоуправленія противъ гнета государства, какъ доказывалъ

Бакунинъ. „Вопросъ политическій для насъ подчиненъ соціальному и въ особенности экономическому. Государства такъ, какъ они существуютъ, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю...“ Въ этомъ оба анархиста солидарны. Но путь къ подготовленію революціи ихъ раздѣляетъ. Бакунинъ признаетъ „путь боевой, бунтовской“, которымъ пользовались Стенька Разинъ и Пугачевъ. Въ виду отчаяннаго положенія народа, „ничего не стоитъ“ вызвать „частныя вспышки“, которымъ тѣмъ не менѣе слѣдуетъ предпочесть „всенародное возстаніе“. Питая глубокую вѣру въ близость соціальной революціи, Бакунинъ намѣчаетъ ближайшую задачу революціонеровъ, рекомендуя „разбить замкнутость между отдѣльными общинами и провести между ними „живой токъ революціонной мысли, воли и дѣла“, собрать несокрушимую силу народа, связать и организовать села, волости, области „по одному общему плану съ единой цѣлью всенароднаго освобожденія“. Всякая предварительная работа въ народѣ, чисто культурная или революціонно-пропагандистская, рѣшительно отвергается имъ, какъ непроизводительная трата революціонныхъ силъ, такъ какъ „никакими руководствами и уясненіями сверху и вообще никакими теоріями, выдуманными наканунѣ революціи“, нельзя предопредѣлить жизнь послѣ переворота. Что касается роли молодежи, то „надо“, по мнѣнію Бакунина, „чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ“.

Иначе смотритъ на дѣло въ этомъ вопросѣ Лавровъ. Выставляя на первое мѣсто требованіе, чтобы „перестройка русскаго общества была совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа“, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ярый противникъ политическихъ переворотовъ и всевозможныхъ заговоровъ, всякой „новой насильственной власти“. „Тотъ, кто желаетъ блага народу“, заявляетъ онъ, „долженъ стремиться не къ тому, чтобы стать властью при пособіи удачной революціи и вести за собой народъ къ цѣли, ясной лишь для предводителей, но къ тому, чтобы вызвать въ народѣ сознательную постановку цѣлей, сознательное стремленіе къ этимъ цѣлямъ и сдѣлаться не болѣе какъ исполнителемъ этихъ общественныхъ стремленій, когда настанетъ минута общественнаго переворота“. Естественно, что для того, чтобы довести до такого уровня сознанія народныя массы, пропагандисты сами должны запастись солидными знаніями. „Кто воображаетъ“, говоритъ Лавровъ, „что можетъ рѣшить угадываніемъ или инстинктомъ трудныя и сложныя задачи, которыя представляетъ установка новаго обществен-

наго строя, тотъ приготовляетъ себѣ неминуемое пораженіе въ минуту, когда задача станетъ передъ нами со всей своей практической неизбѣжностью... Если же онъ проповѣдуетъ систематически вражду къ строгой и основательной подготовкѣ въ области мысли, то онъ готовится вести своихъ товарищей и союзниковъ на гибель въ битвѣ съ лучше подготовленными врагами, онъ готовится вести народъ къ революціи безъ будущности, мгновенный успѣхъ которой неизбѣжно вызоветъ подавленіе, потому что у народной партіи не будетъ доставать знанія —единственнаго орудія возможной побѣды.

Не менѣе горячо Лавровъ предостерегаетъ молодежь отъ всякихъ попытокъ искусственно вызывать народныя возстанія, такъ какъ революція можетъ явиться только, какъ результатъ историческаго развитія, а случайныя потрясенія тяжелѣе всего отзываются именно на широкихъ массахъ.

Свое доктринерство Лавровъ болѣе всего обнаруживаетъ въ своемъ любопытномъ вычисленіи роста революціонныхъ силъ на протяженіи опредѣленнаго числа лѣтъ при 100 „убѣжденныхъ личностяхъ", начинающихъ дѣло пропаганды среди некультурныхъ массъ. На основаніи этихъ исчисленій, подробно и вполнѣ серьезнымъ тономъ разработанныхъ при помощи статистическихъ таблицъ, конечно, исключительно гипотетическаго характера, Лавровъ приходитъ къ выводу, что по истеченіи 6 лѣтъ можно будетъ, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, имѣть революціонную армію изъ 10,000 человѣкъ, которые усвоили простыя начала: „отрицанія монопольной собственности, обязательности всеобщаго труда для всеобщаго развитія и обязательности всеобщей солидарности рабочихъ-соціалистовъ въ ихъ свободной группировкѣ..." Размѣщенные по всей странѣ и окруженные несравненно большимъ числомъ лицъ, сочувствующихъ и готовыхъ пойти за ними, эти 10,000 революціонеровъ представляютъ собой, по его мнѣнію, такую почтенную армію, которая „въ опредѣленную минуту можетъ дѣйствительно совершить историческое дѣло".

Если на бунтарской теоріи Бакунина отразилась его глубокая вѣра въ революціонныя настроенія народа и въ его готовность подняться по первому зову революціонеровъ, то на не менѣе абстрактномъ ученіи Лаврова лежитъ печать чисто кабинетной учености, крайне мало общаго имѣющей съ жизнью и непосредственнымъ опытомъ. Совершенно понятно, поэтому, что послѣдователи этихъ ученій, апріорно построенныхъ вдали отъ арены ихъ практическаго примѣненія, должны были довести до крайностей ихъ основныя положенія въ зависимости отъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и мѣстныхъ условій.

Цюрихская русская колонія превратилась въ арену ожесточенной борьбы двухъ направленій—лавристовъ и бакунистовъ, кото-

рые очень скоро перенесли свои принципіальныя разногласія въ Россію, въ болѣе или менѣе мирно настроенные до сихъ поръ студенческіе кружки. Этому содѣйствовало въ значительной степени распоряженіе правительства, воспретившаго русскимъ студентамъ слушаніе лекцій при цюрихскомъ университетѣ. Въ ряды русской молодежи вливалась новая революціонная струя отъ людей, воспитавшихся непосредственно у первоисточника, имѣвшихъ полную возможность познакомиться съ европейскимъ соціалистическимъ движеніемъ и съ корифеями русской революціонной мысли.

При всей страстности, съ которой отстаивалось молодежью право личности на самоопредѣленіе и низвергались всякіе авторитеты, прямой призывъ: „въ народъ!"—обращенный со стороны общепризнанныхъ мыслителей и революціонеровъ Лаврова и Бакунина, упалъ, какъ искра, на горючій матеріалъ и поднялъ революціонное настроеніе на такой уровень, что массовое движеніе съ указаннымъ лозунгомъ становилось неизбѣжнымъ.

Необычайное зрѣлище представляетъ собой въ этотъ моментъ эта учащаяся молодежь, совершенно изолированная отъ соннаго и ничего не подозрѣвающаго общества и оторванная отъ народа, за который она готова пожертвовать карьерой, всѣми радостями молодости и самой жизнью. Въ этой средѣ кипитъ, какъ въ котлѣ. Офиціальная наука заброшена. Бакунинъ или Лавровъ—таковъ вопросъ, который поставленъ на очередь, и лучшая часть студенчества тратитъ все свое время на выясненіе революціонной программы.

Зима 1873—1874 годовъ была самымъ бурнымъ моментомъ подготовительнаго періода. Шла ожесточенная борьба между представителями двухъ направленій. Сходки превратились въ ежедневные митинги, на которыхъ не только выяснялись разногласія, но и велась вмѣстѣ съ тѣмъ пропаганда среди незатронутыхъ еще элементовъ.

Прежде всего были побѣждены чистые народники, которые послѣ самой разносторонней работы надъ самоусовершенствованіемъ, послѣ отказа отъ всѣхъ благъ культуры и пріобщенія себя къ жизни простого народа въ видѣ рабочаго или фермера ничего не могли предложить молодежи, которая отъ словъ рвалась къ живому дѣлу. Анархизмъ сдѣлался господствующимъ ученіемъ.

Но и революціонеровъ по названію раздѣлялъ живой рядъ вопросовъ, то или другое рѣшеніе которыхъ отбрасывало однихъ на правое крыло лавристовъ, другихъ на лѣвое крыло бакунистовъ. Болѣе мирно и сдержанно настроенные элементы находили надежное прикрытіе за строгими требованіями, предъявляемыми къ пропагандисту программой Лаврова, и часто дальше этой выучки не шли. Наоборотъ, пылкія натуры не только были сторонниками бакунинскаго бунтарства и немедленнаго вступленія на путь активной борьбы независимо отъ предварительной подготовки, но доходили до

того, что обученіе наукамъ считали преступленіемъ передъ народомъ, а въ практической дѣятельности считали возможнымъ пользоваться малѣйшимъ поводомъ, для того, чтобы звать народъ къ бунту. Между крайними полюсами были и умѣренные, особенно среди тѣхъ, у которыхъ было достаточно революціонной энергіи и нѣкоторый опытъ, вынесенный изъ пропаганды среди рабочихъ. Такое положеніе заняли въ этой идейной борьбѣ различныхъ теченій члены наиболѣе солиднаго революціоннаго кружка чайковцевъ, за которыми и шла главная масса студенчества, но все-таки наиболѣе широкимъ успѣхомъ пользовались крайніе лѣвые—бакунисты.

Съ приближеніемъ весны 1874 года тактическіе споры прекращаются, всѣ сомнѣнія кажутся выясненными, обсуждаются исключительно практическіе вопросы. Главный вопросъ уже рѣшенъ, весна 1874 г. назначена для отправленія въ народъ, и публика усердно готовится въ дорогу, намѣчая мѣста для поселенія и этапы для организаціи мѣстныхъ группъ и для летучей пропаганды въ народѣ. Устраиваются мастерскія, гдѣ будущіе пропагандисты спѣшно обучаются разнымъ ремесламъ уже не ради спасенія своей интеллигентской души, а въ чисто конспиративныхъ видахъ или для пріобрѣтенія средствъ къ жизни. Въ мастерскихъ помѣщаются также коммуны съ крайне непостоянными составомъ обитателей. Тутъ молодые студенты съ сосредоточеннымъ видомъ прилаживаютъ къ ботфортамъ двойныя подметки, за которыя прячется паспортъ и деньги, а рядомъ молодыя дѣвушки съ восторженными лицами шьютъ своимъ товарищамъ въ дорогу сорочки, шаровары, кисеты. Слышатся лаконическіе вопросы и отвѣты:—„Куда ѣдете, въ какую сторону?"—„На Волгу, на Донъ, на Уралъ" и т. п.

Каковы же были наличныя силы этой революціонной арміи, напоминавшей наканунѣ своего выступленія вольныя казацкія дружины былыхъ временъ передъ походомъ противъ польскихъ пановъ или турецкаго султана?

Раньше нѣсколько разъ уже упоминался кружокъ чайковцевъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ средѣ молодежи. Здѣсь собрались наиболѣе талантливые представители революціонной интеллигенціи, игравшіе очень видную роль въ теченіе всей революціонной эпохи 70—80 годовъ. Самымъ убѣжденнымъ анархистомъ среди нихъ былъ Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ, обаянію котораго поддался весь кружокъ. Нѣкоторые члены выдѣлились и основали свои собственныя группы. Такимъ образомъ образовались кружки Лермонтова, Ковалика, Каблица. Этотъ послѣдній кружокъ въ насмѣшку былъ прозванъ „вспышкопускателями" за то, что нѣкоторые его члены довели до крайности значеніе мелкихъ крестьянскихъ бунтовъ. Далѣе шли болѣе мелкія группы, организовавшіяся по землячествамъ подъ вліяніемъ пропаганды бо-

лѣе старыхъ кружковъ. Таковы были кружки Саратовскій, Самарскій, Пермскій, Полтавскій и т. д.

Въ Москвѣ также существовали революціонные кружки, группировавшіеся вокругъ университета и Петровской Академіи. Здѣсь выдвинулись своей активностью по организаціи молодежи и въ послѣдовавшей вскорѣ работѣ среди народа братья Аркадскіе, Николай Алексѣевичъ Саблинъ, застрѣлившійся въ мартѣ 1881 года, Николай Александровичъ Морозовъ, извѣстный шлиссельбуржецъ, уже тогда отмѣченный печатью таланта, Аносовъ, Михаилъ Федоровичъ Фроленко, принимавшій большое участіе въ организаціи движенія въ другихъ городахъ и мн. др.

Важнымъ центромъ движенія былъ также Кіевъ. Здѣсь съ начала 70-хъ годовъ существовалъ кружокъ, поддерживавшій сношенія съ Петербургомъ и Одессой и находившійся подъ идейнымъ вліяніемъ чайковцевъ. Члены его, Рашевскій, братья Левенталь, Аксельродъ и другіе, вели широкую пропаганду среди молодежи и отчасти среди рабочихъ. Съ возникновеніемъ новаго теченія вліяніе переходитъ къ кружку Вл. Дебагорія-Мокріевича, который побывалъ у Бакунина и получилъ отъ него благословеніе на постановку революціоннаго дѣла въ Россіи. Прежніе народники все больше проникаются анархистскими идеями и усваиваютъ тактику бакунизма. Многіе видные впослѣдствіи революціонеры, какъ Стефановичъ, Дейчъ, Малинка, Дробязгинъ, Чубаровъ (послѣдніе три были казнены потомъ), Засуличъ, Бохановскій и другіе, побывали въ этомъ кружкѣ, которому удалось избѣжать ареста во время общаго погрома 1874 года и дотянуть до начала террора.

Когда движеніе окончательно опредѣлилось, въ Кіевъ стали пріѣзжать многіе революціонеры, которые почему-либо тяготѣли къ югу. Такъ, сюда переселился почти весь кружокъ Каблица, а изъ одиночекъ появилась Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, предпринимавшая изъ Кіева свои пропагандистскія экскурсіи въ сопровожденіи Стефановича, котораго крестьяне принимали за ея сына. Бывалъ здѣсь также и Коваликъ, который въ началѣ 70-хъ годовъ вмѣстѣ съ Брешковской пытался работать въ земствѣ въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, гдѣ даже былъ избранъ мировымъ судьею; но онъ не былъ утвержденъ и со всей своей энергіей предался революціонной дѣятельности. Удобнымъ пунктомъ для всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Кіевъ была т. н. „Коммуна", основанная сестрой Брешковской Ольгой Константиновной, по мужу, Ивановой. Составъ коммуны часто мѣнялся,—многіе пріѣзжали и уѣзжали, или переселялись на другія квартиры, чтобы въ трудную минуту снова воспользоваться гостепріимствомъ коммунаровъ. Всѣ средства пребывавшихъ въ коммунѣ въ данное время лицъ становились общимъ достояніемъ, и всякій имѣвшій знако-

маго въ ней могъ претендовать на равную долю. Новыхъ товарищей, не располагавшихъ средствами, не только содержали, но и снаряжали въ путь на пропаганду, снабдивъ паспортомъ, деньгами и связями. Въ виду отсутствія какой-либо организаціи и возможности принять какія-либо мѣры предосторожности, въ коммуну легко могли проникнуть и ненадежные элементы. Такими оказались Гориновичъ, облитый впослѣдствіи Дейчемъ сѣрной кислотой за предательство, и нѣкій Ларіоновъ, который своими низменными наклонностями заставлялъ своихъ товарищей перешептываться на его счетъ и далъ въ руки прокуратуры матеріалъ для обвиненія всей коммуны въ безнравственности. Тѣмъ не менѣе кіевская коммуна сыграла крупную роль въ качествѣ революціонной штабъ-квартиры для цѣлаго раіона.

Въ Одессѣ броженіемъ были охвачены широкіе круги интеллигенціи, но въ ея средѣ долго царилъ разбродъ. Здѣсь имѣла успѣхъ пропаганда вегетаріанства, которую велъ какой-то докторъ французъ. Существовало увлеченіе сектантствомъ, представителемъ котораго являлся Ковальскій, отвергавшій вначалѣ всякіе другіе революціонные пути дѣятельности. Революціонный кружокъ, лидеромъ котораго былъ Волховской, привлекавшійся еще по дѣлу нечаевцевъ, также отличался умѣренностью и конспиративностью и долго держался вдали отъ анархическаго движенія. Новая волна не измѣнила его физіономіи и только усилила дѣятельность среди рабочихъ. Въ числѣ его членовъ были, между прочимъ, знаменитый впослѣдствіи вождь „Народной Воли" Желябовъ, Лангансъ, Франжоли, Макаревичъ, Костюринъ и др. Несмотря, однако, на всю свою конспиративность и дисциплину, кружокъ не могъ оградить себя отъ бурнаго натиска поднявшихся волнъ революціоннаго движенія; нѣкоторые его члены поддались общему теченію, и кое-какія свѣдѣнія попали въ руки слѣдственной власти. Въ общемъ провалѣ погибъ и кружокъ Волховского.

Въ Харьковѣ сильное вначалѣ народническое движеніе заглохло ко времени общаго подъема, и только съ пріѣздомъ туда неутомимаго Ковалика быстро организовался кружокъ, во главѣ котораго сталъ Говоруха-Отрокъ, скоро затѣмъ перешедшій въ реакціонный лагерь. Нѣкоторые члены кружка приняли участіе въ лѣтней пропагандѣ, переѣзжали въ другіе раіоны, но самостоятельнаго крупнаго значенія въ движеніи не имѣли.

Изъ другихъ мѣстныхъ кружковъ наиболѣе видную роль игралъ Самарскій, Саратовскій и Оренбургскій, въ которомъ работалъ извѣстный Муравскій или „отецъ Митрофанъ", пользовавшійся огромнымъ уваженіемъ своихъ таварищей по процессу 193.

Долго держался особнякомъ кружокъ т. н. Сенъ-Жебунистовъ, или братьевъ Жебуневыхъ, которые отказывались вступать на

революціонный путь, но въ концѣ концовъ усвоили общую программу.

Помимо указанныхъ выше кружковъ работали одиночки, игравшія болѣе или менѣе видную роль въ движеніи.

Большой популярностью пользовался Порфирій Ивановичъ Войнаральскій. Еще въ 1861 году онъ 17-тилѣтнимъ юношей былъ высланъ за студенческіе безпорядки на сѣверъ и поддерживалъ послѣ отношенія съ каракозовцами. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ возвращается на родину въ Пензенскую губернію, гдѣ былъ избранъ мировымъ судьей, но не утвержденъ, какъ и Коваликъ, Сенатомъ. Отдавшись всей своей душой революціонному дѣлу, Войнаральскій появляется во многихъ мѣстахъ и устанавливаетъ близкія отношенія съ московскими кружками, съ чайковцами, организуетъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ группы въ Пензѣ и Тамбовѣ и близко сходится съ самарцами и саратовцами. Всѣ свои деньги (около 40 тысячъ рублей) онъ отдалъ на революцію.

Будучи по складу своего ума практикомъ, Войнаральскій проявляетъ въ организаціонномъ дѣлѣ недюжинныя способности и необычайную энергію. Въ средѣ интеллигенціи онъ устраиваетъ мастерскія, типографіи, агентуры, въ народѣ—лавочки, постоялые дворы и разные притоны для пропагандистовъ. Сѣтью такихъ пунктовъ онъ хотѣлъ покрыть все поволжье, куда и перенесъ центръ своей дѣятельности.

Такимъ же особнякомъ стоявшимъ революціонеромъ былъ Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ. Онъ также перебывалъ во многихъ городахъ, принимая участіе въ организаціи интеллигенціи, но съ большей энергіей отдавался работѣ среди народа, гдѣ пользовался большимъ успѣхомъ. Обладая огромной физической силой, бывшій артиллеристь легко находилъ себѣ подходящее занятіе. Онъ то бурлачитъ по Волгѣ, то работаетъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ въ качествѣ пильщика и затѣмъ снова появляется въ средѣ молодежи, гдѣ онъ умѣетъ оставаться первымъ среди равныхъ. О его удачныхъ побѣгахъ изъ-подъ многократныхъ арестовъ создались цѣлыя легенды, которыя сдѣлали его однимъ изъ самыхъ популярныхъ революціонеровъ среди интеллигенціи.

Особое мѣсто въ движеніи занималъ также Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, который основалъ въ Москвѣ нелегальную типографію, доставлявшую огромное количество литературы для всей революціонной партіи. Типографія служила такимъ образомъ объединяющимъ центромъ для всѣхъ разбросанныхъ по всей Россіи и разъединенныхъ кружковъ и лицъ, работавшихъ на свой рискъ и страхъ.

Если принять во вниманіе, что всего по Большому процессу было арестовано нѣсколько тысячъ человѣкъ, и что многимъ удалось ускользнуть отъ ареста, то придется признать, что револю-

А. И. Герценъ. Работы ГЕ.

ціонная армія, двинувшаяся весной 1874 года въ народъ, представляла собой внушительную силу. Среди общей массы выдѣлялось много выдающихся людей съ самыми разнообразными способностями, но основу арміи составляли середняки, вся сила которыхъ состояла въ ихъ духовной мощи, въ ихъ экстазѣ, въ необычайномъ революціонномъ настроеніи.

Массовое движеніе въ народъ началось весной 1874 года, но еще раньше дѣлались отдѣльныя попытки въ этомъ направленіи. Такія экскурсіи предпринимались нѣкоторыми чайковцами, Кравчинскимъ, Клеменсомъ, Рогачевымъ и другими лицами. Наиболѣе солидное въ этомъ смыслѣ предпріятіе представляла организація Долгушина, привлекавшагося уже разъ по дѣлу нечаевцевъ.

Кружокъ долгушинцевъ, основанный въ Петербургѣ по примѣру другихъ аналогичныхъ кружковъ въ началѣ 70-хъ годовъ, переселяется весною 1873 года въ Москву, гдѣ Долгушинъ пріобрѣтаетъ въ дер. Сареево Звенигородскаго уѣзда 5 десятинъ земли и выстраиваетъ себѣ дачу. На этой дачѣ была поставлена типографія, и были напечатаны общими силами кружка три прокламаціи: „Русскому народу“, въ которой на доступномъ для массы языкѣ было обрисовано безотрадное положеніе крестьянъ, и народъ призывался къ возстанію за всеобщій передѣлъ земли и за управленіе, составленное изъ выборныхъ всей земли; „Какъ должно жить по закону природы и правды“, излагавшая основы соціалистическаго ученія и демократическаго строя государства, и „Къ интеллигентнымъ людямъ“ съ призывомъ идти въ народъ для пропаганды идеи вооруженнаго возстанія. Когда прокламаціи были напечатаны, то станокъ былъ уничтоженъ, и члены кружка крестьянинъ Ананій Васильевъ и дворяне Панинъ и Плотниковъ отправились по деревнямъ Московской, Калужской и Смоленской губерній, гдѣ распространяли свои революціонныя изданія и вели устную пропаганду. На этой „преступной“ дѣятельности они и были всѣ арестованы.

Долгушинская попытка не вызвала массоваго движенія, но дала извѣстный опытъ для слѣдующаго года. Кромѣ того, процессъ долгушинцевъ, происходившій лѣтомъ 1874 года, производилъ большое впечатлѣніе на молодежь, не успѣвшую еще примкнуть къ движенію.

Долгушинцы были первымъ весеннимъ ручьемъ, и только черезъ годъ послѣ нихъ зашумѣли другіе кружки, словно горные потоки, сбѣгающіе со всѣхъ сторонъ въ долину. Боязнь всякаго централизма и генеральства, крайнее свободолюбіе и независимость, столь характерныя для интеллигента этого періода, почти исключали всякую возможность организаціи движенія. Федералистскіе принципы построенія будущаго общества съ трудомъ мирились въ головѣ молодого анархиста съ подчиненіемъ строгой дисцип-

линѣ. Наконецъ, самая среда, въ которой намѣчена была пропаганда, русское деревенское населеніе, всѣмъ укладомъ своего соціальнаго бытія стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи ко всякимъ серьезнымъ попыткамъ централистической организаціи. Тѣмъ не менѣе въ этомъ почти стихійномъ движеніи были въ наличности элементы, свидѣтельствовавшіе о проникающемъ его единствѣ.

При всей многочисленности и разношерстности кружковъ всякій членъ революціонной группы могъ разсчитывать на помощь товарищей даже другого толка. Движеніе въ цѣломъ сознавалось всѣми, какъ общее дѣло, и только съ точки зрѣнія этого единства могли быть отвергнуты всѣми, какъ вредныя для интересовъ цѣльнаго движенія, тактическія задачи—цареубійство и конституція.

Наряду съ такимъ идейнымъ родствомъ были также зачатки общей технической организаціи. Лидеры кружковъ должны были, конечно, считаться съ антипатіей молодежи къ дисциплинѣ, тѣмъ не менѣе имъ удалось создать извѣстную связь между отдѣльными и независимыми группами т. н. представительствомъ. Каждый изъ болѣе значительныхъ кружковъ выбиралъ изъ своей среды товарища, которому поручалось поддерживать сношенія между разъѣхавшимися членами, завѣдывать денежными, литературными и другими дѣлами кружка и представительствовать отъ его имени передъ другими подобными же организаціями. Мелкіе кружки поручали представительство своихъ интересовъ главнымъ кружкамъ. Учреждена была также общая касса, составлявшаяся изъ взносовъ кружковъ въ размѣрѣ 10% ихъ собственныхъ доходовъ. Помощь должна была оказываться всѣмъ безъ различія направленій, не исключая одиночекъ, не входившихъ въ союзъ. Изъ другихъ учрежденій общаго характера можно указать на работавшіе за границей вольные типографскіе станки, на вышеупомянутую типографію Мышкина и на организацію транспортовъ литературы. Почти всѣ главные кружки имѣли собственные „пути“ на границѣ, но привезенная литература становилась общимъ достояніемъ. Огромное значеніе для дальнѣйшаго существованія возникающей революціонной партіи долженъ былъ имѣть съѣздъ, который былъ предрѣшенъ еще наканунѣ отправленія въ народъ. Цѣлью съѣзда намѣчались обмѣнъ впечатлѣніями и выработка по возможности общаго плана дальнѣйшей революціонной дѣятельности.

Волны движенія широко разлились по всей Россіи. Молодежь двинулась въ путь кружками, небольшими группами въ два—три человѣка и въ одиночку. Многіе ѣхали на родину, въ губернскіе города, гдѣ предполагалось основать новыя организаціи, другіе объѣзжали революціонные центры съ агитаціонными цѣлями, большинство направилось на югъ и на Волгу, гдѣ должны были, по предположеніямъ революціонеровъ, сохраниться преданія о казацкой

вольности, о великихъ бунтахъ Разина и Пугачева и о крупныхъ волненіяхъ эпохи освобожденія крестьянъ.

Любопытное зрѣлище представляли эти юноши съ интеллигентными лицами и горящими глазами въ новенькихъ полушубкахъ, картузахъ и ботфортахъ, напоминая своимъ внѣшнимъ видомъ бутафорскихъ крестьянъ, чернорабочихъ и мастеровыхъ. Огромное большинство этой молодежи понятія не имѣло о тѣхъ народныхъ массахъ, объ идейномъ завоеваніи которыхъ оно такъ гордо мечтало. Впрочемъ, многіе и отправились въ виду этого въ дорогу со скромной цѣлью изучить сначала этого крестьянина, котораго слѣдовало совратить въ анархію.

Пропаганда велась двоякимъ способомъ. Наиболѣе распространенной была летучая пропаганда, при помощи которой стремились внести революціонное броженіе въ возможно болѣе широкіе слои населенія. Пропагандистъ переходилъ изъ села въ село, изъ одного уѣзда въ другой, пользуясь всякой удобной встрѣчей, чтобы, начавъ съ какого-нибудь мелкаго случая проявленія эксплоатаціи или гнета, развить передъ слушателемъ всю свою анархистскую программу.

Осѣдлые пропагандисты вели свое дѣло очень осторожно, заводя знакомство по выбору и подготовляя такимъ образомъ кружки болѣе сознательныхъ крестьянъ и рабочихъ. Этимъ способомъ пропагандировали обыкновенно люди съ опредѣленной профессіей— учителя, фельдшера и другіе. Но большинство изъ осѣдлыхъ не имѣло опредѣленныхъ занятій, тѣмъ не менѣе они заводили прочныя поселенія, которыя часто служили удобнымъ пристанищемъ для летучекъ, и снабжали ихъ также свѣдѣніями объ интересныхъ для нихъ пунктахъ и отдѣльныхъ лицахъ.

Трудно было бы предположить, чтобы работа даже такой многочисленной революціонной арміи дала бы за такой короткій промежутокъ времени, въ теченіе котораго пропаганда велась, болѣе или менѣе ощутительные результаты. Сколько-нибудь точныя организаціи были созданы только среди городскихъ рабочихъ, въ деревнѣ же въ лучшемъ случаѣ вырабатывались пропагандой сознательные одиночки, которые и сами принимали затѣмъ участіе въ движеніи. Успѣхъ пропаганды выражался въ томъ, что пришлецовъ слушали, очень часто съ большимъ вниманіемъ, интересомъ и сочувствіемъ, брали у нихъ революціонныя брошюры, изъ которыхъ особенной популярностью пользовались „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и „Хитрая механика“, и часто обѣщали свое содѣйствіе обычнымъ заявленіемъ: „Начинайте, мы поддержимъ“. Бывали, конечно, и случаи выдачи властямъ, но, по общему отзыву участниковъ, ихъ было очень мало, и причиной всегда являлась грубая неосторожность самихъ пропагандистовъ.

Аресты начались еще въ 1873 году, когда захвачены были чай-

ковцы Синегубъ, Тихоміровъ, Стаховскій и др., но не дали матеріала для раскрытія всего хода движенія. Началомъ настоящаго всероссійскаго погрома послужилъ арестъ обитателей саратовской сапожной мастерской, гдѣ были найдены складъ литературы изъ типографіи Мышкина, наборъ паспортовъ, печатей, адресовъ и шифровъ. Показанія свидѣтелей и нѣкоторыхъ обвиняемыхъ дополняли и безъ того обильный матеріалъ, служившій средствомъ для дальнѣйшихъ розысковъ и арестовъ. Уцѣлѣвшіе революціонеры пытались возстановить разстроенную сѣть, что имъ на нѣкоторое время и удавалось сдѣлать, но къ осени большинство пропагандистовъ перваго періода (1873—1874 г.) были переловлены вмѣстѣ со своими родственниками и знакомыми.

Пропаганда офиціально была констатирована въ 37 губерніяхъ. Всѣхъ арестованныхъ за ихъ многочисленностью привлечь къ дѣлу оказалось неудобнымъ. Большинство было или освобождено, или выслано административнымъ порядкомъ. Изъ 197 человѣкъ, привлеченныхъ къ суду, четверо умерло, остальные фигурировали въ т. н. „Большомъ процессѣ“ или „Процессѣ 193-хъ“.

Несмотря на огромныя потери, которыя понесло революціонное движеніе во время перваго большого погрома, силы были скоро возстановлены, и за первой волной послѣдовала вторая. На сѣверѣ и на югѣ разсѣянные арестами и полицейскими преслѣдованіями пропагандисты снова объединяются и своими связями даютъ возможность сорганизоваться и начать свою дѣятельность новымъ революціоннымъ группамъ.

Осенью же 1874 года закладывается организація изъ лицъ, которыя привлекались по т. н. „процессу 50-ти“. Основаніе ей положили кружокъ цюрихскихъ студентокъ, извѣстныхъ въ русской колоніи подъ именемъ „фричей“, и группа грузинъ (Джабадари, Циціановъ, Чикоидзе, Гамлеридзе и полугрузинъ Здановичъ), у которыхъ были личныя связи съ остатками чайковцевъ и другихъ старыхъ пропагандистовъ.

Кружокъ „фричей“ или „женщинъ-московокъ“ образовался въ Цюрихѣ изъ группы молодыхъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ за границу искать свѣта и знаній, доступа къ которымъ онѣ были лишены на родинѣ, и пріобщиться къ общему идейному движенію, широко разлившемуся тогда по всей Европѣ. Вокругъ Бардиной, извѣстной своей рѣчью на судѣ, „тетушки“, какъ ее звали подруги, группировались двѣ сестры Фигнеръ, Вѣра и Лидія, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каминская, Топоркова, Хоржевская и др., наиболѣе развитыя и энергичныя изъ русскихъ курсистокъ, воспользовавшіяся всѣми преимуществами своего пре-

быванія въ свободной странѣ, чтобы самымъ серьезнымъ образомъ подготовиться къ своей будущей дѣятельности въ народѣ.

„Кажется я не неглижировала своимъ образованіемъ“,—писала впослѣдствіи по поводу этой предварительной работы надъ своимъ саморазвитіемъ В. Н. Фигнеръ; „въ Цюрихѣ была даже членомъ особаго ферейна изъ однѣхъ женщинъ, русскихъ студентокъ, цѣлью которыхъ было тоже научиться логически говорить—потому мужчины и не допускались, какъ конкуренты, которые своимъ краснорѣчіемъ и вѣками накопленной логикой мысли могли препятствовать нашимъ упражненіямъ. И мы упражнялись, увѣряю, добросовѣстно: читали рефераты о самоубійствѣ и о Стенькѣ Разинѣ, о Кабэ и Сенъ-Симонѣ; спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса, и распустили ферейнъ, только дойдя до вопроса о томъ, должно ли при соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества...“

„Мнѣ было чрезвычайно пріятно,—разсказываетъ про этотъ кружокъ въ своихъ воспоминаніяхъ участникъ процесса 50-ти И. С. Джабадари,—встрѣчаться съ этими дѣвушками, которыя только на видъ казались очень юными, въ дѣйствительности же онѣ были самыми развитыми, самыми подготовленными для революціонной дѣятельности, какихъ я только встрѣчалъ не только среди женской, но и мужской молодежи... Помимо общей начитанности онѣ прекрасно знали всю западно-европейскую и русскую революціонную литературу, что рѣдко встрѣчалось даже среди петербургской молодежи... Онѣ изучали исторію всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ революціонныхъ движеній, прекрасно знали французскихъ соціалистовъ, а также Герцена, Бакунина, Лассаля, Маркса... Я не говорю уже о томъ, что онѣ присутствовали на международныхъ конгрессахъ Интернаціонала, происходившихъ въ Швейцаріи—въ Сентъ-Имьё и Женевѣ“...

Живя въ Цюрихѣ, онѣ, конечно, могли пользоваться руководствомъ Лаврова и другихъ русскихъ эмигрантовъ для своего саморазвитія. А то обстоятельство, что всѣ онѣ работали въ качествѣ наборщицъ въ типографіи издававшагося Лавровымъ журнала „Впередъ“, до извѣстной степени предопредѣляло характеръ ихъ будущей дѣятельности.

Мы подробно остановились на характеристикѣ этого кружка, чтобы показать, что наличность женскаго элемента въ описываемомъ революціонномъ движеніи отнюдь не была случайнымъ явленіемъ, что женщины-революціонерки не только благодаря своимъ исключительнымъ характерамъ, но и по выдающимся умственнымъ способностямъ должны были занять одинаковое мѣсто съ мужчинами.

Еще за границей участники будущей организаціи столковались въ общихъ чертахъ о характерѣ своей дѣятельности. Опытъ 1874 г.

не прошелъ для нихъ даромъ. Пропаганда врассыпную, одиночками или небольшими группами, рѣшительно отвергается ими. Сохраняя старыя предубѣжденія противъ централизаціи и генеральства, они считаютъ необходимымъ выступить организованной силой и работать по опредѣленному плану.

Уже пропагандисты 73—74 гг. придавали большое значеніе распропагандированнымъ рабочимъ, которые своей близостью къ народу могли бы и интеллигентнымъ членамъ кружка дать связи въ крестьянской средѣ и обезпечить такимъ образомъ ихъ работоспособность. Члены новой группы ставятъ во главу углу основаніе народной организаціи, въ которой участвовали бы не только интеллигенты, но и рабочіе и даже преимущественно послѣдніе. Вотъ почему и вся дѣятельность ихъ, которая продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ, была направлена исключительно на пропаганду въ рабочей средѣ для подготовленія кадровъ широкой организаціи.

Первая группа рабочихъ была составлена въ Петербургѣ, гдѣ пропаганда чайковцевъ продолжалась ихъ преемниками и нѣкоторыми уцѣлѣвшими членами кружка. Здѣсь были уже интеллигентные рабочіе, воспитанники Синегуба, Низовкина, Кропоткина и другихъ, которые и составили основное ядро. Особенно выдавался Михаилъ Грачевскій, который привлекался еще по процессу Долгушина и впослѣдствіи принималъ участіе въ дѣятельности „Народной Воли" въ качествѣ члена Исполнительнаго Комитета. Своей начитанностью и умственными интересами поражалъ рабочій Василій Грязновъ, у котораго выработалось даже нѣсколько презрительное отношеніе къ массѣ. Выдающимся по своей натурѣ человѣкомъ былъ ткачъ Петръ Алексѣевъ, пріобрѣтшій себѣ громкую извѣстность своей рѣчью во время процесса 50. Были и другіе, болѣе молодые, которые также участвовали въ этой организаціи и впослѣдствіи сыграли видныя роли въ революціонномъ движеніи.

Въ виду наличности такихъ серьезныхъ силъ организація могла широко начать свою работу съ первыхъ же шаговъ. Москва была признана болѣе подходящимъ центромъ, чѣмъ Петербургъ, въ виду ея преимущественно фабричнаго рабочаго населенія, у котораго сохранилось больше связи съ деревней, и въ ноябрѣ 1874 года двинулась туда сначала рабочая группа, немедленно вошедшая въ сношенія съ бывшими тамъ чайковцами Ал. Ос. Лукашевичемъ, рабочимъ Союзовымъ и другими. Вскорѣ пріѣхали въ Москву и остальные члены организаціи.

Желая охватить пропагандой возможно большій кругъ фабрикъ, а также и женскую рабочую среду, поступили въ качествѣ работницъ на фабрики члены женскаго кружка. Начало этой дѣятельности положили Бетя Каминская, Ольга Любатовичъ и Бардина, которыя пользовались огромнымъ успѣхомъ среди фабричнаго населенія.

„Двухмѣсячный опытъ пропаганды среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Джабадари,—далъ блестящіе результаты; мы охватили до 20-ти фабрикъ... а также мелкія мастерскія, столярныя, слесарныя, кузнечныя и мастерскія Курско-Харьковской жел. дороги. Во всѣхъ этихъ фабрикахъ и мастерскихъ у насъ были небольшія группы рабочихъ изъ 4—5 человѣкъ, дѣлавшихъ свое дѣло по намѣченной нашей организаціей программѣ...“

При такомъ ростѣ революціонныхъ силъ организаціи не стоило никакого труда перенести свою дѣятельность и въ другіе промышленные центры, и скоро, дѣйствительно, были разосланы небольшія группы въ Иваново-Вознесенскъ, Серпуховъ, Шую, Тулу, Кіевъ, Одессу, Тифлисъ и другія мѣстности. Намѣчалась задача объединенія движенія по всей Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ былъ выработанъ подробный „Уставъ Всероссійской Соціально-Революціонной Организаціи“, согласно которому была выбрана администрація для завѣдыванія всѣми текущими дѣлами и сношеніями съ мѣстными общинами. Организація была обезпечена денежными средствами и издавала за границей популярный органъ „Работникъ“.

Этотъ быстрый успѣхъ среди широкихъ массъ и послужилъ причиной разгрома организаціи. Первые аресты начались еще въ январѣ 1875 года, когда были выданы полиціи Грачевскій и Союзовъ. Въ началѣ апрѣля произошелъ первый большой провалъ, были захвачены почти всѣ находившіеся въ Москвѣ члены организаціи. Къ осени были переловлены и остальные, находившіеся въ разныхъ концахъ Россіи.

Пропаганда „Соціально-Революціонной Организаціи“ была пресѣчена въ самомъ началѣ, въ ея подготовительный періодъ, когда вся работа была сосредоточена еще въ средѣ фабричнаго населенія, гдѣ должны были только сформироваться революціонные отряды для завоеванія все той же деревни. Промышленный пролетаріатъ самостоятельнаго значенія для организаціи не имѣлъ, и только широкое недовольство среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ, совпавшее съ начатой пропагандой, раздвинуло рамки намѣченнаго болѣе узкаго плана дѣятельности. Кромѣ чисто техническихъ улучшеній въ организаціонномъ отношеніи, эта группа никакихъ новыхъ принциповъ въ движеніе не внесла. Какъ въ предыдущую фазу, пропаганда въ деревнѣ должна была направиться по широкому бездорожью.

Наряду съ этимъ уцѣлѣвшіе отъ погрома пропагандисты продолжали свою работу въ деревнѣ. Это больше удавалось одиночкамъ, которые легче ускользали отъ преслѣдованія властей и вели пропаганду среди крестьянъ, переходя отъ одной деревни къ дру-

гой или же пользовались своимъ бродячимъ образомъ жизни, чтобы ближе и разностороннѣе познакомиться съ жизнью народа.

Только кіевская группа, успѣвшая оправиться отъ случайныхъ арестовъ, собирается уже къ этому времени съ силами и начинаетъ вырабатывать тѣ пріемы революціонной дѣятельности, которые являются характерными для слѣдующаго агитаціоннаго періода. Здѣсь Дебагорій-Мокріевичъ и Стефановичъ уже носятся съ планами подложнаго царскаго манифеста.

Въ то же время въ Одессѣ создается чисто пролетарская организація европейскаго типа, признающая за рабочимъ движеніемъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Въ 1875 году былъ основанъ „Южно-Русскій Рабочій Союзъ", во главѣ котораго стояли Евгеній Заславскій, Кравченко, Рыбицкій, Силенко и другіе. По примѣру кружка Волховскаго Союзъ держится нѣсколько обособленно отъ общаго народническаго движенія и дѣятельность свою ограничиваетъ исключительно рабочей средой. Наряду съ пропагандой соціалистическихъ идей ведется и культурная работа, устраивается библіотека для рабочей массы, основывается кооперативное предпріятіе (баня). Ставя себѣ цѣлью объединеніе рабочихъ южнорусскаго края, Союзъ намѣчаетъ организацію отдѣловъ въ другихъ городахъ и посылаетъ съ этой цѣлью своего агента (Па̀дчина) въ Ростовъ. Сознавая, что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества, „Уставъ Южно-Россійскаго Союза Рабочихъ" ставитъ себѣ задачей пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ и борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ.

Впрочемъ, этотъ широкій планъ дѣятельности не могъ быть осуществленъ въ виду кратковременнаго существованія Союза. Въ 1876 году былъ арестованъ Заславскій, и организація распалась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

„Общество Земля и Воля".

(Революціонная агитація).

Революціонная интеллигенція, какъ мы видѣли выше, двинулась въ народъ отнюдь не единомыслящей массой. Наряду съ крайними послѣдователями Бакунина, т. н. „вспышкопускателями", которымъ ихъ дѣятельность въ народѣ рисовалась въ видѣ безпрерывнаго ряда вызываемыхъ ими бунтовъ, шли и менѣе экспансивно настроенные и очень умѣренные въ своихъ планахъ лавровисты разсчитывавшіе на продолжительную подготовительную работу, и даже оставшіеся внѣ вліянія анархизма народники стараго типа, какъ братья Жебуневы. Но если послѣдніе, убѣдившись скоро въ невозможности проведенія въ жизнь своихъ культуртрегерскихъ плановъ, были захвачены общей революціонной волной, то и „вспышкопускатели", столкнувшись съ дѣйствительностью, съ фактическими настроеніями крестьянской среды, должны были съ первыхъ же шаговъ отказаться отъ преувеличенныхъ своихъ надеждъ на революціонность деревни и на готовность послѣдней бунтовать по первому ихъ призыву. Одинаковая обстановка, при которой велась пропаганда, примирила крайнія направленія и заставила революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ держаться болѣе или менѣе одинаковаго метода воздѣйствія на крестьянское населеніе. Всесторонняя и рѣзкая критика современнаго экономическаго и политическаго строя, картина будущихъ анархическихъ порядковъ, исцѣляющихъ отъ всѣхъ соціальныхъ язвъ настоящаго, и соціальная революція, какъ единственный способъ достиженія цѣли — таково было обычное содержаніе мирной по существу пропаганды общественнаго переворота.

Мы видѣли раньше, съ какими большими надеждами молодежь отправилась въ народъ. Мы отмѣтили, какъ ничтожны были непосредственные результаты революціонной пропаганды. Такое противорѣчіе между широкими ожиданіями и скромнымъ успѣхомъ, естественно, должно было заставить призадуматься революціонеровъ надъ ихъ дѣятельностью въ народѣ, подвергнуть внимательному пересмотру и задачи, и самый методъ ихъ рѣшенія. Не только тѣ, которые сидѣли по тюрьмамъ и пользовались достаточнымъ досугомъ для само-критики, были заняты обсужденіемъ своего

народохожденія, но и уцѣлѣвшіе отъ арестовъ спѣшатъ изъ деревень въ центры, чтобы подѣлиться съ товарищами своими впечатлѣніями и намѣтить сообща планъ дальнѣйшей дѣятельности.

Какой же опытъ вынесла революціонная интеллигенція изъ своихъ деревенскихъ скитаній?

„Что я успѣлъ въ смыслѣ распространенія соціалистическихъ идей въ народѣ?"—задаетъ по этому поводу вопросъ въ своихъ воспоминаніяхъ О. В. Аптекманъ и отвѣчаетъ: „Я сталъ перебирать въ моей памяти впечатлѣнія послѣдняго года моей пропагандистской работы въ народѣ. Я увидѣлъ, какъ мало-по-малу, почти незамѣтно для меня самого, *пропаганда соціализма въ массѣ стала отодвигаться на задній планъ, и какъ, наоборотъ, насущные злободневные вопросы крестьянства выдвигались все болѣе и болѣе на авансцену.* Я сталъ припоминать, какъ холодно относился народъ къ соціализму, и, наоборотъ, съ какой горячностью и страстностью дебатировались тѣ вопросы, которые не выходили изъ обычнаго круга его представленій и понятій о лучшей крестьянской жизни, о лучшей долѣ"...

Правда, въ народѣ живы были смутныя надежды на передѣлъ земли. Революціонная пропаганда до извѣстной степени обострила слухи и толки о разныхъ перемѣнахъ, имѣющихъ въ виду интересы крестьянства. Тѣмъ не менѣе „не соціализмъ и не анархія, конечно, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни" приходились больше всего по душѣ крестьянству. Безземелье и тягота податей были всегдашними предметами постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ. Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщить данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ.

И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче была его рѣчь и остроумнѣе его сопоставленія, тѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ вниманіемъ слушателей. Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось.

Не то, чтобы его не хотѣли слушать („Почто не послухать?") — а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо— не слушай, а лгать не мѣшай!" Пропагандисты тогда же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но торопливость, съ какой велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимой серьезностью.

Таковы были тѣ неоспоримые факты, которые могли быть отмѣчены всѣми болѣе или менѣе наблюдательными пропагандистами и которые послужили матеріаломъ для формально-логическаго обоснованія новаго способа революціонной дѣятельности.

Но были и другіе результаты массоваго хожденія въ народъ, результаты, которыхъ менѣе всего ждали сами пропагандисты и

которые тѣмъ не менѣе должны были въ свою очередь оказать сильное вліяніе на умы молодежи. Отправляясь въ народъ, революціонеры отказывались отъ всего культурнаго, чтобы слиться съ крестьянской массой. О какой-либо связи революціонера-разночинца съ культурнымъ обществомъ не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ массовые аресты, которые ураганомъ пронеслись по всей Россіи, всколыхнули широкіе общественные слои, среди которыхъ дремали оппозиціонныя настроенія, и вызвали сочувствіе къ революціонному движенію со стороны тѣхъ, которые въ анархическомъ лозунгѣ всеобщаго разрушенія инстинктивно угадали протестъ противъ бюрократическаго произвола и призывъ къ борьбѣ за общенаціональную задачу—за установленіе правового порядка въ странѣ.

Эта духовная связь, хотя офиціально и не заявленная, между молчаливой пока русской оппозиціей и разночинной интеллигенціей и была безсознательнымъ факторомъ, революціонизировавшимъ движеніе.

Внѣшнимъ образомъ вліяніе революціоннаго движенія сказывается прежде всего на ростѣ настроенія въ средѣ учащейся молодежи. Многочисленные аресты и явныя неудачи пропаганды не только не уменьшили притока свѣжихъ силъ, а, наоборотъ, какъ будто даже содѣйствовали престижу революціоннаго дѣла и привлекли къ нему еще болѣе широкіе слои интеллигенціи.

1876 годъ проходитъ въ такихъ же шумныхъ студенческихъ сходкахъ, какъ и 1873. Снова поставлены на обсужденіе програмные вопросы и производится переоцѣнка революціонныхъ цѣнностей. Съѣхавшіеся изъ разныхъ концовъ Россіи пропагандисты вносятъ большое оживленіе въ эти собранія, обмѣниваясь своими впечатлѣніями, почерпнутыми на работѣ.

И быстро революціонеры столковываются, приходя къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, какъ будто эти общія рѣшенія уже носятся въ воздухѣ.

Первый опытъ какъ бы перетасовалъ карты и сгладилъ разногласія между направленіями. Ярые бакунисты и мирные лавровисты сошлись на общей формѣ пропаганды анархическаго строя и соціальнаго переворота. Бакунинское бунтарство было отодвинуто, временно оставлено. Но, вотъ, практика показала, что крестьянина живо задѣваютъ только его насущныя нужды, что только животрепещущія злобы дня его интересуютъ и захватываютъ, а пропаганда соціализма ласкаетъ только его слухъ, какъ красивая сказка. И пропагандисты спѣшатъ сдѣлать соотвѣтствующіе выводы. Разъ дѣло идетъ о мелкихъ повседневныхъ вопросахъ, то мѣсто пропаганды займетъ агитація, „агитація на почвѣ существующихъ народныхъ требованій", а, такъ какъ политическая обстановка совершенно исключала общественную дѣятельность на почвѣ этой въ

сущности очень скромной народнической программы, то путь для осуществленія этихъ „существующихъ народныхъ требованій" оставался прежній, рекомендованный Бакунинымъ, — „путь боевой, бунтовской". Соціализмъ не изгоняется, конечно, изъ программы, наоборотъ, общее соціалистическое ученіе о народныхъ устояхъ и пр. остается прежнимъ, и служитъ основнымъ моментомъ, отправнымъ пунктомъ для новой тактики, но фактически онъ отодвигается на задній планъ, и на практикѣ съ нимъ совершенно не считаются. Мѣсто мирной пропаганды лавровистовъ занимаетъ бунтарскій бакунизмъ, на сцену выступаетъ революціонное народничество.

Новыя задачи революціонной дѣятельности предъявляютъ уже другія требованія и къ формамъ организаціи. Для того, чтобы подготовить бунтъ, недостаточно революціонера-одиночки, блуждающаго по городамъ и весямъ имперіи. Такая работа только подъ силу крѣпко сплоченной организаціи, планомѣрно осуществляющей свою цѣль въ данномъ мѣстѣ. Мало того, бунтарская дѣятельность въ народѣ возможна только при правильной помощи со стороны другихъ мѣстныхъ группъ и крѣпкаго центра, новая тактика предполагаетъ всероссійскую и болѣе или менѣе централизованную организацію.

Въ этомъ направленіи и начала усиленную работу образовавшаяся въ Петербургѣ организація, въ которую вошли уцѣлѣвшіе старые чайковцы и другія единомышленныя группы и отдѣльныя лица. Это основное ядро, во главѣ котораго стоятъ супруги Натансоны, Оболешевъ, Александръ Михайловъ и другіе, скоро становится центромъ тяготѣнія не только для петербургскихъ революціонеровъ, но и для другихъ городскихъ организацій и деревенскихъ поселеній. Эта группа, извѣстная вначалѣ въ революціонной средѣ подъ именемъ „троглодитовъ" (пещерныхъ людей), кличкой, присвоенной ей за ея необычную для того времени строгую конспиративность, стала называться со второй половины 1878 года обществомъ: „Земля и Воля". Въ началѣ 1877 года происходитъ формальное сліяніе петербургской или „Сѣверной революціонно-народнической группы" и „харьковско-ростовскаго кружка" и принимается программа, въ которой очень подробно были разработаны, какъ основные принципы, такъ и всѣ практическія задачи бунтарской дѣятельности.

Эта программа и явилась формулировкой новаго революціоннаго направленія, въ существенныхъ чертахъ охарактеризованнаго нами выше. Въ практической области были намѣчены слѣдующія задачи: 1) Организація. Главной цѣлью было созданіе въ народѣ такой боевой дружины, которая сконцентрировала бы въ себѣ всѣ матеріальныя и духовныя орудія борьбы, чтобы въ благопріятный моментъ или самостоятельно поднять знамя возстанія, или въ случаѣ самопроизвольнаго возникновенія народнаго бунта стать

во главѣ его и возможно шире имъ воспользоваться въ интересахъ народа. Этой основной задачѣ должна была служить подготовительная работа: 2) Широкая агитація въ народной массѣ съ цѣлью вызвать тотъ или иной протестъ: пассивный (подача прошеній, посылка ходоковъ, забастовки, отказъ отъ платежа податей и т. п.) и активный (бунты и возстанія). 3) Установленіе правильныхъ сношеній съ имѣющимися уже готовыми въ народѣ организаціями (раскольничьими и сектантскими). 4) Пропаганда революціонно-народническихъ идей въ средѣ общества, молодежи и городскихъ рабочихъ съ цѣлью увеличить число „критически-мыслящихъ", сознательныхъ поборниковъ народныхъ интересовъ. Также основательно и подробно были разработаны на началахъ строгой централизаціи и конспираціи организаціонныя начала самого общества. Во главѣ его стоялъ „основной кружокъ", остававшійся неизвѣстнымъ и объединявшій въ своихъ рукахъ всѣ связи съ различными группами и лицами. Исполнительнымъ органомъ кружка была избранная по большинству голосовъ „администрація" или „центръ", пребывавшій въ Петербургѣ и завѣдывавшій всѣми текущими дѣлами общества. По болѣе важнымъ вопросамъ принципіальнаго характера администрація обращалась за совѣтомъ къ другимъ членамъ, временно или постоянно проживавшимъ въ Петербургѣ, и составлялся такимъ образомъ „Совѣтъ", который превращался въ „Большой Совѣтъ", когда на-лицо были всѣ или огромное большинство членовъ основного кружка. Спеціальныя группы „интеллигентская" и „рабочая" были выдѣлены для работы въ средѣ учащейся молодежи и фабрично-заводскаго населенія. Но главная масса работниковъ составляла такъ наз. „деревенщину", т.-е. группу членовъ, дѣятельность которыхъ должна была быть сосредоточена въ деревнѣ. Особенный интересъ для исторіи революціоннаго движенія представляетъ т. н. „дезорганизаторская" группа, которая послужила зародышемъ, развившимся впослѣдствіи въ террористическую партію „Народной Воли". „Характеръ дѣятельности этой группы.—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ О. В. Аптекманъ,—тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность въ широкомъ смыслѣ этого слова имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы при помощи этихъ послѣднихъ открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей.

Въ спеціальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность пре-

слѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственнаго произвола. Уже тогда было извѣстно, что правительственныя лица, особенно въ тюрьмахъ, позволяютъ себѣ возмутительные поступки съ заключенными, чтобы выпудить у нихъ нужныя показанія. Въ виду этого общество „Земля и Воля", не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло тѣмъ не менѣе нужнымъ создать группу для спеціальныхъ случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь революціонной партіи; 3) самозащита. Случаи измѣны уже были въ то время, а въ виду расширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало естественно ждать и въ будущемъ. Поэтому общество возложило на дезорганизаторскую группу обязанность въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица „изъять это послѣднее изъ обращенія", т.-е. убить... По уставу общества дезорганизаторской группѣ были предоставлены широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣетъ право образовать секціи съ такимъ же направленіемъ вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ она найдетъ это нужнымъ. Всѣ предпріятія дезорганизаціоннаго свойства должны вестись строго конспиративно. Администрація или Совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ общихъ чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ, всякія же детали остаются въ глубокой тайнѣ".

Мы скоро увидимъ, какъ широко воспользуется „дезорганизаторская" группа предоставленными ей полномочіями, все болѣе и болѣе поглощая своей дѣятельностью всѣ лучшія силы общества. Но уже самое основаніе группы въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о ростѣ политическаго настроенія, хотя и своеобразно преломляющагося въ сознаніи отрицающихъ политическую борьбу бунтарей-анархистовъ. Цѣлый рядъ фактовъ уже свидѣтельствуетъ объ этомъ подъемѣ, безсознательными проводниками котораго выступаютъ землевольцы. Но, прежде чѣмъ перейти къ этимъ фактамъ, посмотримъ, какъ „деревенщина" осуществляетъ свою дѣятельность въ народѣ.

Самыми привлекательными для революціонеровъ раіонами остаются попрежнему Поволжье, Донъ и Кубань, гдѣ „разыгрывались величайшія историческія драмы народной жизни — бунты Стеньки Разина и Пугачева". Уже съ конца 1876 года начинается усиленное передвиженіе землевольцевъ изъ городовъ въ деревню. Летучая форма воздѣйствія на крестьянъ, оказавшаяся несостоятельной въ предыдущій періодъ, совершенно оставляется. Общепризнанными являются прочныя „поселенія" въ народѣ.

Такія поселенія устраиваются въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерніяхъ, на Дону и Кубани, всѣ по одному, приблизительно, плану, а именно: „въ ближайшемъ го-

родѣ облюбованной землевольцами для поселеній мѣстности устраивался „центръ", завѣдывавшій дѣлами мѣстной группы.

Каждая изъ мѣстныхъ группъ представляла собой какъ бы копію или сколокъ съ основного петербургскаго кружка: та же структура, тѣ же функціи. Мѣстныя группы не были обособлены, а, смотря по надобности, непосредственно сносились между собой... Надъ всѣми группами, въ качествѣ согласующаго и направляющаго центра главенствовалъ петербургскій основной кружокъ общества „Земли и Воли".

Какъ же устраивали свою жизнь въ деревнѣ народники-революціонеры?

„Прежнее догматическое утвержденіе,—продолжаетъ О. В. Аптекманъ въ своихъ воспоминаніяхъ свою характеристику поселеній сѣверянъ, — требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго народа, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. А потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру при полной матеріальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность придти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла.

Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, маслобойни, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и пр. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности".

Лучшія силы землевольцевъ были отправлены на мѣста въ качествѣ организаторовъ и руководителей поселеній. Основательные сѣверяне очень серьезно отнеслись къ своей задачѣ и очень добросовѣстно подготовляютъ себя къ работѣ. Отсутствіе рѣзко выраженнаго недовольства въ народѣ примиряетъ съ мыслью о необходимости продолжительной агитаціи. Правда, намѣченные планы приходится сильно урѣзывать въ виду всякихъ затрудненій, связанныхъ съ полицейскими условіями: большое число нелегальныхъ работниковъ не можетъ устроиться за отсутствіемъ подходящихъ паспортовъ, служебныхъ вакансій въ земствѣ и т. п.; многимъ изъ-за старыхъ „грѣховъ" приходится соблюдать большую осторожность; скромныя денежныя средства, которыми располагали „поселенцы", являлись также огромнымъ тормазомъ для дѣла. Тѣмъ

не менѣе, и бывалые пропагандисты, и молодыя силы, среди которыхъ идея хожденія въ народъ, благодаря земмлевольской программѣ, пользуется пока большой популярностью, съ большимъ энтузіазмомъ принимаются за осуществленіе своихъ плановъ.

Первый подготовительный періодъ поселенческой дѣятельности, когда все время и вся энергія уходятъ на созданіе обстановки для бунтарской агитаціи, протекаетъ очень мирно въ крайнемъ противорѣчіи съ революціоннымъ настроеніемъ самихъ бунтарей и въ полномъ соотвѣтствіи съ тихимъ и спокойнымъ настроеніемъ окружающей среды. Разъѣзжаютъ ли землевольцы по сельскимъ ярмаркамъ въ качествѣ торговцевъ краснымъ товаромъ, завоевывая симпатіи крестьянъ своей честностью и обходительностью, или же пріучаютъ себя къ землелѣльческому труду въ сельскохозяйственной колоніи, исподволь и съ большой осторожностью заводя связи въ сосѣднихъ деревняхъ, во всей этой дѣятельности трудно увидѣть подготовленіе къ возстанію. И если запрятанные пока револьверы и начнутъ скоро стрѣлять, то уже совершенно по другому поводу.

Нѣсколько иначе складывается жизнь бунтарей на югѣ Россіи. Кіевскій кружокъ, въ которомъ участвовали Дебагорій-Мокріевичъ, Дробязгинъ, Фроленко, Стефановичъ и другіе, также устраиваетъ свои поселенія по ранѣе описанному типу. Революціонеры обосновываются въ деревнѣ въ качествѣ лавочниковъ, ремесленниковъ, торговцевъ лошадьми и т. п. съ такимъ разсчетомъ, чтобы своимъ матеріальнымъ положеніемъ внушить крестьянамъ уваженіе къ себѣ. „Мы уже не думали объ омужиченьи,—разсказываетъ Дебагорій-Мокріевичъ объ этихъ поселеніяхъ,—а преслѣдовали строго опредѣленную практическую задачу, заключающуюся въ организаціи бунтовъ, или, говоря точнѣе, въ организаціи вооруженнаго отряда. Манифестъ отъ имени царя, въ которомъ предполагалось оповѣстить объ отнятіи земель отъ помѣщиковъ и о передѣлѣ земли между всѣми поровну, на нашъ взглядъ, долженъ былъ вызвать въ народѣ смятеніе, и въ эту минуту нашъ вооруженный отрядъ долженъ былъ явиться тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго могли собраться бунтовскіе элементы народа... Бакунинское любимое изреченіе, что сила революціонной организаціи зависитъ не столько отъ количества, какъ отъ качества лицъ, участвующихъ въ ней, намъ особенно казалось справедливымъ, такъ какъ количество мы пріобрѣтали само собой легко и сразу путемъ манифестовъ, и, слѣдовательно, намъ оставалось заботиться только о качествѣ, т.-е. объ организаціи надежнаго бунтовского ядра. Для успѣха возстанія существенной задачей являлась также заблаговременная заготовка оружія...“

Какъ же они осуществляли свои планы?

„Мы, бунтари,—продолжаетъ Дебагорій-Мокріевичъ,—и въ теоріи, и на практикѣ оказались не меньшими доктринерами (чѣмъ

пропагандисты); мы все сводили къ нашему всеспасающему бунту... Если пропагандистъ-доктринеръ, дѣйствительно, подчасъ совалъ свой носъ туда, куда не слѣдуетъ, безъ разбора, направо и налѣво, заводилъ знакомства и повсюду сѣялъ свою пропаганду, то мы страдали прямо противоположнымъ недостаткомъ: мы прятались отъ людей и сидѣли въ своихъ притонахъ, выжидая момента, когда намъ придется выступить открыто съ оружіемъ въ рукахъ. Мы жили по деревнямъ и даже не знакомились съ крестьянами. Въ интересахъ конспираціи бунтарь при встрѣчахъ съ крестьянами отдѣлывался общими фразами, такъ какъ смотрѣлъ на всякую пропаганду, какъ на совершенно безполезную трату времени и, потому, не желалъ попусту чесать языка. По нашему мнѣнію было излишне, да даже и невозможно заниматься подготовленіемъ умовъ крестьянъ къ предполагавшемуся возстанію, манифестъ въ рѣшительную минуту долженъ былъ сдѣлать это дѣло; а подготовкой нужнаго для начала возстанія бунтовского ядра или отряда, съ одной стороны, занимался Стефановичъ среди чигиринцевъ, съ другой — еще два—три изъ насъ имѣли въ виду этимъ заняться. Большинству же ничего не оставалось дѣлать, поэтому оно просто-таки избѣгало крестьянъ и занималось, такъ сказать, самоподготовленіемъ къ возстанію".

Съ этой цѣлью закупались револьверы, кинжалы, патроны, и поселенцы упражнялись въ стрѣльбѣ и изучали по подробнымъ картамъ генеральнаго штаба Кіевскую, Подольскую и Херсонскую губерніи, гдѣ предполагалось поднять возстаніе. А такіе занятія еще болѣе заставляли прятаться и обособляться отъ сосѣдей—крестьянъ.

Вопросъ о подготовленіи къ возстанію рѣшается, такимъ образомъ, южанами очень прямолинейно. Съ неменьшей рѣшительностью и съ большимъ успѣхомъ ведется нѣкоторыми бунтарями революціонная агитація среди крестьянъ. Дебагорію-Мокріевичу и Дробязгину удается въ теченіе короткаго времени создать бунтарскую организацію крестьянъ, которая должна была вскорѣ охватить значительный раіонъ. Была основана касса, которая служила бы объединяющимъ средствомъ для членовъ союза, и крестьяне сами предлагали воспользоваться царскимъ манифестомъ въ интересахъ наиболѣе успѣшной агитаціи. „Всѣ тогда пристанутъ къ намъ!"—заявляли они,—„такое можно надѣлать, что потомъ и войско не поможетъ".

Именно этимъ способомъ и воспользовался Яковъ Стефановичъ, чтобы создать знаменитое чигиринское движеніе.

Движеніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи началось еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ и сводилось въ сущности къ междуусобной борьбѣ между государственными крестьянами семи или восьми волостей изъ-за душевого передѣла земли: одни требовали передѣла, другіе же ему противились, желая сохранить за собой тѣ участки, которыми они до сихъ поръ владѣли. Власти приняли

сторону послѣднихъ, называвшихся „актовиками", т.-е. подписавшихся подъ актами, закрѣплявшими за ними извѣстные участки.

Сторонники передѣла, или „душевики" выражали только пассивный протестъ противъ властей, отказываясь подписываться подъ актами. Душой этого движенія былъ крестьянинъ Хома Прядко, пользовавшійся большой популярностью у крестьянъ, среди которыхъ ходилъ слухъ, будто онъ былъ въ Петербургѣ у царя, и будто бы царь обѣщалъ помощь „душевикамъ". Прядко дѣйствительно ѣздилъ въ Петербургъ въ числѣ ходоковъ, посланныхъ чигиринцами къ царю, и успѣлъ уйти отъ ареста, когда другіе его товарищи были задержаны полиціей. Вернувшись на родину, онъ сталъ ходить изъ села въ село, агитируя противъ подписанія актовъ и обѣщая отъ имени царя передѣлъ земли.

Властями были приняты мѣры строгости, были произведены многочисленные аресты, пойманъ былъ, наконецъ, и самъ Хома Прядко, закованъ въ кандалы и отправленъ въ Кіевскій тюремный замокъ вмѣстѣ со многими другими виновниками волненій. Въ это время, т.-е. зимой 1875 года, кіевскіе бунтари и познакомились съ чигиринцами, которыхъ тюремное начальство, повидимому, изъ экономіи выпускало днемъ изъ тюрьмы на заработки. Подъ видомъ крестьянина Херсонской губерніи Дмитрія Найды Стефановичъ скоро завоевалъ довѣріе чигиринцевъ и черезъ нѣкоторое время явился къ нимъ съ доброй вѣстью въ качествѣ царскаго посланника. Какъ значилось въ спеціально заготовленной имъ „Царской грамотѣ", царь приказывалъ всѣмъ крестьянамъ соединиться въ тайныя общества („Тайныя Дружины"), чтобы поднять возстаніе противъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Планъ организаціи „дружинъ" былъ изложенъ въ другомъ Царскомъ документѣ—„Уставѣ Тайной Дружины", согласно которому всякій, желающій поступить въ члены „Дружины", долженъ былъ принести присягу въ вѣрности тайнѣ и представить поручительство двухъ „дружинниковъ". Всякій „дружинникъ" долженъ былъ вносить ежемѣсячно по пяти копѣекъ въ кассу и имѣть собственную пику на случай возстанія. Двадцать пять „дружинниковъ" составляли одно староство и выбирали своего старосту. Двадцать староствъ составляли атаманство, во главѣ котораго стоитъ атаманъ. Всѣ „тайныя дружины" страны объединяются „Совѣтомъ Коммиссаровъ". Разсказы Стефановича и царскіе документы не могли не подѣйствовать на воображеніе крестьянъ. Агитація имѣла огромный успѣхъ, и число участниковъ „Дружинъ" возросло до тысячи. Сохранить въ тайнѣ такую огромную организацію и притомъ въ деревнѣ при наличности шпіоновъ изъ крестьянъ другого лагеря, т.-е. „актовиковъ", не было, конечно, никакой возможности, и начались, наконецъ, аресты. Въ августѣ 1877 года были арестованы 900 членовъ крестьянскаго союза; а 4 сентября былъ взятъ и Стефановичъ со

своими товарищами по чигиринскому дѣлу Дейчемъ и Бохановскимъ.

Широкое движеніе могло быть, такимъ образомъ, организовано только спорадически, въ исключительныхъ случаяхъ, при наличности остраго недовольства, или же для этого приходилось пользоваться подложными царскими манифестами, прибѣгать ко лжи и обману, а этотъ способъ встрѣтилъ единодушное осужденіе въ революціонной средѣ, хотя чигиринское дѣло и произвело огромное впечатлѣніе. Между тѣмъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ бунтарскія поселенія влачили довольно жалкое существованіе: на югѣ они вырождаются въ какія-то стрѣлковыя группы, изнемогающія отъ бездѣлья и убійственной обстановки конспиративной замкнутости и обособленности и въ концѣ концовъ умирающія естественной смертью; но менѣе безнадежно было положеніе ихъ на востокѣ и юго-востокѣ. Только исключительнымъ личностямъ съ крупными организаторскими талантами удается при благопріятныхъ обстоятельствахъ создать болѣе или менѣе прочныя связи въ деревнѣ, тогда какъ широкая масса работниковъ не въ силахъ выйти изъ подготовительной стадіи своей дѣятельности, сводящейся къ скучнымъ, притупляющимъ занятіямъ и ко всякаго рода ухищреніямъ конспиративнаго характера. Полицейскія преслѣдованія и аресты дополняютъ картину преодолѣваемыхъ невзгодъ и спасаютъ поселенцевъ отъ моральнаго банкротства. Но рѣшающимъ факторомъ, обусловившимъ упадокъ настроенія у „деревенщины“ и подорвавшимъ въ глазахъ широкой массы интеллигенціи престижъ хожденія въ народъ, хотя бы и по новому землевольскому методу, былъ все болѣе учащающійся темпъ жизни въ городахъ.

Появленіе новой революціонной программы совпадаетъ съ усилившимся рабочимъ движеніемъ въ промышленныхъ центрахъ, и землевольцы съ большимъ успѣхомъ примѣняютъ свой новый методъ „агитаціи на почвѣ существующихъ народныхъ требованій“ въ средѣ фабрично-заводскаго населенія. Благодаря пропагандѣ 1873—74 гг., землевольцы во всѣхъ болѣе или менѣе промышленныхъ городахъ находили въ рабочей средѣ революціонеровъ, которые и могли послужить ядромъ для основанія организацій. Работа среди пролетарскаго населенія ведется уже съ 1876 года съ большимъ успѣхомъ въ Петербургѣ, Москвѣ, а затѣмъ въ Саратовѣ, Ростовѣ и прилегающихъ къ нему мелкихъ портовыхъ городахъ, въ шахтахъ Донецкаго бассейна, Одессѣ и Кіевѣ. Все еще эта дѣятельность разсматривается теоретически, какъ средство къ цѣли, но фактически она пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе. Не отдѣльные кружки рабочей интеллигенціи, а рабочая масса въ ея цѣломъ становится объектомъ воздѣйствія со стороны революціонеровъ. Землевольцы являются организаторами и руководителями стачекъ на фабрикахъ и заводахъ

и демонстраций, чисто рабочихъ и общаго характера. Эти демонстраціи знаменуютъ собой крутой переломъ въ общественномъ настроеніи, безсознательный фактическій поворотъ къ политической борьбѣ со стороны анархистовъ-бунтарей, все еще продолжающихъ сознательно отстаивать невмѣшательство въ политику.

Первая демонстрація состоялась 3 марта 1876 года по поводу похоронъ студента Чернышева, который просидѣлъ въ тюрьмѣ около 3 лѣтъ и умеръ отъ чахотки. Тысячная толпа съ обнаженными головами провожала эту жертву полицейскаго произвола на кладбище; за гробомъ, усыпаннымъ цвѣтами, шли также представители общества: профессора, военные, адвокаты и др. Полиція была захвачена врасплохъ и ничего не предпринимала противъ демонстрантовъ. Между тѣмъ толпа все росла, и образовалась процессія очень внушительныхъ размѣровъ. На могилѣ было произнесено нѣсколько рѣчей, и публика стала расходиться только тогда, когда появились жандармы.

Эта демонстрація произвела огромное впечатлѣніе на интеллигенцію, подъ вліяніемъ которой и рабочимъ захотѣлось устроить *свою* демонстрацію. Но рабочія массы не могли тогда понять значенія такого шага, и призывъ сознательныхъ рабочихъ, желавшихъ устроить смотръ пролетарскимъ силамъ, остался безъ отклика съ ихъ стороны. Демонстрація состоялась 6 декабря 1876 года на Казанской площади. Рабочихъ пришло около 200—250 человѣкъ, принадлежавшихъ къ революціоннымъ организаціямъ, но интеллигенціи пришло очень много, такъ какъ слухи о приготовленіяхъ къ демонстраціи давно уже ходили по городу. Находившаяся въ соборѣ публика была поражена наплывомъ необычайныхъ богомольцевъ, которые вступили въ переговоры съ церковнымъ старостой, прося отслужить панихиду, чтобы выиграть такимъ образомъ время и дать возможность собраться большему количеству народа. Наконецъ, толпа приняла внушительные размѣры, и впередъ вышелъ ораторъ [1]). При первыхъ же словахъ революціонной рѣчи полицейскіе и жандармы, которыхъ было немного, бросились было къ говорившему, но встрѣтили дружный отпоръ со стороны окружившихъ его рабочихъ. По окончаніи рѣчи было поднято красное знамя съ надписью: „Земля и Воля“, и раздались крики: „да здравствуетъ соціальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля“! Толпа стала уже расходиться, но подкрѣпленная полиція стала выхватывать отдѣльныхъ лицъ изъ заднихъ рядовъ. Тогда всѣ бросились отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и обращены въ бѣгство. Публика продолжала свое преслѣдованіе, но была встрѣчена новымъ сильнымъ отрядомъ полицейскихъ и дворниковъ. Началась жестокая схватка, закончив-

---

[1]) В. Г. Плехановъ, который съ тѣхъ поръ и былъ извѣстенъ въ организаціи подъ кличкой „Ораторъ“.

шаяся арестами и избіеніями въ участкахъ. Тогда же былъ случайно арестованъ на Морской улицѣ совершенно непричастный къ демонстраціи Боголюбовъ (Емельяновъ) за свое сходство съ однимъ студентомъ, отъ котораго больше всего пострадали полицейскіе.

Казанская демонстрація произвела огромное впечатлѣніе. О ней говорили по всей Россіи не только въ культурныхъ слояхъ общества, но и въ народѣ, при чемъ получалось очень любопытное недоразумѣніе: надпись „Земля и Воля" оказалась непонятной для массъ. „Какъ же это такъ—разсуждали потомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ"—разсказываетъ по этому поводу Г. В. Плехановъ въ своей брошюрѣ: „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи", „они хотѣли земли и воли? Земля-то это такъ, земли точно надо бы дать крестьянамъ, а воля-то вѣдь ужъ дана. Въ чемъ же тутъ дѣло? Вышло, что со своимъ девизомъ „Земля и Воля" мы опоздали по меньшей мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ". Крестьянскимъ массамъ былъ понятенъ только кличъ „Земля!", требованіе воли нашло сочувствіе въ культурномъ обществѣ.

На Казанской демонстраціи землевольцы впервые публично выступили со своими лозунгами, но своими организаторскими способностями они успѣли зарекомендовать себя еще раньше, устроивъ побѣгъ изъ тюрьмы П. Кропоткину.

Дѣло происходило такъ. Кропоткина послѣ трехлѣтняго заключенія въ Петропавловской крѣпости перевели по болѣзни въ Николаевскій госпиталь. Онъ сталъ быстро поправляться, но, такъ какъ все время мечталъ о побѣгѣ, то притворялся умирающимъ.

Новая обстановка оказалась благопріятной для осуществленія его замысла. Докторъ предписалъ ему прогулки, и его выводилъ часовой гулять въ госпитальный дворъ, ворота котораго не запирались нѣкоторое время, потому что госпиталь запасался дровами на зиму. На этомъ моментѣ и былъ построенъ планъ побѣга.

Улучивъ минуту, Кропоткинъ долженъ былъ сбросить съ себя больничный халатъ и въ одномъ бѣльѣ броситься къ воротамъ, у которыхъ должны были дожидаться его товарищи на лошади. Цѣлый рядъ сигнальщиковъ предполагалось размѣстить на сосѣднихъ переулкахъ, чтобы предупредить о грозящей внѣшней опасности и указать моментъ, когда можно было бѣжать. Послѣдній сигнальщикъ долженъ былъ пустить игрушечный воздушный шаръ. Но въ назначенный день ни въ одномъ магазинѣ нельзя было случайно найти воздушнаго шара условленнаго цвѣта, и побѣгъ былъ отложенъ. Въ другой разъ болѣзнь Кропоткина помѣшала дѣлу. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ треволненій одинъ изъ землевольцевъ нанялъ комнату въ домѣ напротивъ воротъ госпиталя и игрой на скрипкѣ извѣщалъ Кропоткина, что извнѣ все благополучно. Все случилось такъ, какъ заранѣе было предусмотрѣно. Кропоткинъ успѣлъ вскочить въ пролетку, и извѣстная революціонная лошадь, рысакъ „Вар-

варъ“ [1]) стрѣлой умчалъ сѣдоковъ въ заранѣе приготовленное мѣсто.

Чернышевская и Казанская демонстраціи и побѣгъ Кропоткина создали большую популярность революціонной организаціи, но это уже были факты новаго порядка, проявленія новаго способа дѣятельности,—непосредственной борьбы съ правительствомъ. Этотъ шумный успѣхъ въ городѣ долженъ былъ разлагающимъ образомъ дѣйствовать на психику народника-поселенца. Слѣдующій 1877 г., когда землевольцы успѣли обзавестись прочными поселеніями въ народѣ, былъ еще болѣе богатъ событіями, приковавшими къ себѣ вниманіе общества и революціонной интеллигенціи.

Прежде всего крупную роль въ дѣлѣ пробужденія политическаго самосознанія общества сыграли политическіе процессы, изъ которыхъ наиболѣе сильное впечатлѣніе произвели процессы 50 и 193. Впервые обществу пришлось увидѣть представителей широкаго движенія и услышать необычайныя рѣчи энтузіастовъ. Спокойная, содержательная и убѣдительная рѣчь Бардиной, сумѣвшей, благодаря своему исключительному такту, усыпить бдительность предсѣдателя и развернуть передъ публикой всю революціонную программу, и громовая рѣчь крестьянина Петра Алексѣева произвели ошеломляющее впечатлѣніе рѣшительно на всѣхъ, начиная революціонной средой и кончая правящими сферами.

— „Я такъ полюбилъ вашихъ женщинъ, этихъ небесныхъ ангеловъ“,—разсказывалъ въ тюрьмѣ будущій основатель террористическаго „Исполнительнаго Комитета“ Валеріанъ Осинскій участнику процесса 50-ти Джабадари.—„Я такъ полюбилъ вашихъ рабочихъ и всѣхъ васъ, кавказцевъ и русскихъ, что хотѣлъ дать возможность полюбить васъ и широкой публикѣ“... Для этого Осинскій съ товарищами отпечатали поддѣльные билеты на входъ въ залъ засѣданія и раздавали желающимъ. На второй день жандармы замѣтили продѣлку, и Осинскій попалъ сначала въ участокъ, а затѣмъ въ Домъ предварительнаго заключенія, гдѣ содержались участники процесса во время суда надъ ними.

„Времена апостольскія возвращаются“, въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданія.

„Новая сила народилась!“ говорили другіе.

„Князь Горчаковъ, выслушавъ объясненіе подсудимыхъ“, разсказываетъ Джабадари со словъ В. Д. Спасовича, „выразилъ сожалѣніе въ кругу правящихъ лицъ, зачѣмъ допустили публичность этого (нашего) процесса.—Вы думали, сказалъ онъ, убѣдить наше

---

[1]) Этотъ „Варваръ“ совершилъ еще два преступленія: на немъ были увезены Прѣсняковъ, также убѣжавшій изъ-подъ ареста, и Кравчинскій послѣ убійства Мезенцова. Впослѣдствіи онъ былъ опознанъ полиціей и арестованъ.

общество и Европу, что это дѣло кучки недоучившихся мечтателей, мальчишекъ и дѣвченокъ и съ ними нѣсколькихъ пьяныхъ мужиковъ, а между тѣмъ вы убѣдили всѣхъ, что это не дѣти и не пьяные мужики, а люди вполнѣ зрѣлые умомъ и крупнымъ самоотверженнымъ характеромъ, люди, которые знаютъ, за что борются и куда идутъ; я это предвидѣлъ и предупреждалъ васъ, говорилъ онъ графу Палену; теперь Европа видитъ, что враги правительства не такъ ничтожны, какъ вы это хотѣли показать".

Жестокій приговоръ, осуждавшій этихъ мирныхъ пропагандистовъ на каторгу, поселеніе и долгіе годы тюремнаго заключенія, усиливалъ симпатіи къ нимъ и создавалъ вокругъ нихъ ореолъ мученичества.

Большой процессъ 193-хъ вылился уже въ цѣлое событіе, которое продолжалось больше трехъ мѣсяцевъ. Здѣсь уже передъ изумленной публикой проходятъ не „лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя со спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски безмятежной улыбкой на устахъ идутъ туда, откуда нѣтъ возврата", какъ характеризуетъ Кравчинскій „женщинъ-московокъ", въ „этомъ долгомъ", по выраженію Плеханова, „поединкѣ между правительствомъ и революціонной партіей" выступаютъ мощныя фигуры закаленныхъ борцовъ, люди съ разносторонними способностями и знаніями, блестящіе ораторы и крупные характеры. Несмотря на перерывы первоприсутствующаго, Мышкинъ произноситъ свою знаменитую рѣчь, въ которой успѣлъ въ сжатомъ видѣ изложить свои взгляды, и заканчиваетъ ее обличительной характеристикой суда: „...Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ,—того мнѣнія, что, несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а пустая комедія... или нѣчто худшее, болѣе отвратительное... болѣе позорное"... Первоприсутствующій кричитъ: „уведите его!"... Жандармскій офицеръ бросается на Мышкина. Послѣ нѣкоторой борьбы съ подсудимыми, защищавшими Мышкина, офицеръ схватываетъ послѣдняго и зажимаетъ ему ротъ рукою. Но Мышкинъ кричитъ: „Болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества!"

Послѣднія слова Мышкинъ прокричалъ глухимъ задавленнымъ голосомъ, уже въ то мгновеніе, когда его тащили изъ залы суда, и жандармскій офицеръ все время зажималъ ему ротъ своею рукой. Эта сцена произвела на присутствующихъ потрясающее впе-

чатлѣніе. Въ залѣ раздались рыданія и крики. Публика заволновалась; всѣ защитники вскочили со своихъ мѣстъ; судьи и прокуроръ поднялись. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ принялись грубо ругать судей. Жандармы схватили ихъ и выволокли изъ залы суда вслѣдъ за Мышкинымъ.

Но еще за нѣсколько мѣсяцевъ до процесса 193 въ Домѣ Предварительнаго Заключенія разыгралась „Треповская или Боголюбовская исторія", которая вызвала крайнее возмущеніе въ революціонной средѣ, а затѣмъ и выстрѣлъ и процессъ Засуличъ, т.-е. первый террористическій актъ и первый офиціальный протестъ общества противъ тогдашнихъ полицейскихъ нравовъ.

Боголюбовъ (Емельяновъ) былъ одинъ изъ осужденныхъ по процессу „декабристовъ", т.-е. участниковъ казанской демонстраціи. Приговоръ (15 лѣтъ каторги для Боголюбова), былъ уже утвержденъ, и они ждали отправки въ Сибирь. Въ это время (въ началѣ іюля 1877 года) Д. Пр. Закл. посѣтилъ градоначальникъ генералъ Треповъ, которому донесли о царившихъ якобы тамъ безпорядкахъ. На самомъ же дѣлѣ эти безпорядки сводились къ нѣсколькимъ ничтожнымъ вольностямъ, которыхъ добились отъ тюремнаго начальства сидѣвшіе уже по нѣсколько лѣтъ (нѣкоторые съ 73 г.) въ ожиданіи суда политическіе заключенные, какъ, напр., перестукиваніе съ сосѣдями по камерамъ, разговоры по водосточнымъ трубамъ, или т. н. „клубы", отвинчиваніе тяжелыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ на окнахъ на день (на ночь рѣшетки снова ставились на мѣсто), т. н. „кони", т.-е. шнурки, проведенные изъ окна въ окно и служившіе для всякихъ передачъ, и, наконецъ, что больше всего донимало начальство, перелѣзаніе во время прогулокъ черезъ ограду въ общій дворъ изъ загоновъ, гдѣ полагалось гулять въ одиночку. Треповъ засталъ во дворѣ тюрьмы группу политическихъ, гулявшихъ уже вмѣстѣ. Узнавъ, повидимому, отъ начальника тюрьмы, что Боголюбовъ, стоявшій нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ товарищей, каторжанинъ, генералъ Треповъ, грубый и невѣжественный человѣкъ, бывшій кантонистъ, подскочилъ къ нему и во весь голосъ закричалъ: „Ты какъ смѣешь стоять предо мной въ шапкѣ!" Не успѣлъ Боголюбовъ опомниться отъ неожиданнаго наскока, какъ Треповъ съ крикомъ „шапку долой!" размахнулся правой рукой съ цѣлью сбить съ Боголюбова шапку. Ударилъ ли онъ Боголюбова или Боголюбовъ самъ случайно уронилъ шапку, увертываясь отъ удара, но она слетѣла у него съ головы.

Сидѣвшіе въ это время на окнахъ политическіе заключенные подняли отчаянный крикъ—имъ показалось, что Треповъ ударилъ Боголюбова. Скоро всѣ были на окнахъ и присоединились къ бунту, осыпая Трепова оскорбленіями и стуча въ желѣзные подоконники. Тогда Треповъ, указывая на Боголюбова, распорядился: „увести его и выпороть!"

Въ „Предварилкѣ“ начался настоящій адъ, стучали, кто во что только могъ, въ окна, въ двери, въ подоконникъ, ломали посуду, кричали. Когда же начальникъ тюрьмы вошелъ во дворъ и оповѣстилъ политическихъ о томъ, что Боголюбовъ дѣйствительно былъ подвергнутъ поркѣ, бунтъ подняли съ новой силой и ожесточеніемъ. На расправу съ бунтовщиками Треповъ прислалъ отрядъ городовыхъ, и началось избіеніе. Городовые вваливались въ камеру, набрасывались на заключеннаго и били до потери сознанія, топтали ногами, таскали по полу и по лѣстницамъ, когда нужно было запрятать въ карцеръ.

Вѣсть о тюремномъ бунтѣ и о насиліи надъ Боголѣповымъ быстро разнеслась по городу и по всей Россіи. Заключенные хотѣли продолжать свой протестъ по-прежнему, но получили съ воли извѣстіе, что партія собирается отомстить за нихъ, и успокоились. И дѣйствительно, настроенія въ революціонной средѣ такъ рѣзко перемѣнились за послѣдній годъ, что на обращеніе по этому поводу дезорганизаторской группы должны были откликнуться многіе. Наибольшую отзывчивость въ этомъ отношеніи проявили кіевскіе революціонеры.

Мы уже раньше видѣли, какъ за отсутствіемъ настоящей работы въ народѣ революціонныя поселенія на югѣ стали вырождаться и доживали свои послѣдніе дни. Окончательно доконали ихъ усиленныя полицейскія преслѣдованія, которыя начались послѣ покушенія на убійство Гориновича.

Гориновичъ былъ членомъ кіевской „коммуны“ и, попавъ въ тюрьму, сообщилъ жандармамъ много компрометирующихъ свѣдѣній о своихъ бывшихъ товарищахъ. Выпущенный на свободу онъ кромѣ того сталъ добиваться общенія со своими прежними друзьями. Тогда революціонеры рѣшили убить его и вызвали для этого въ Одессу. Но послѣ того, какъ его на свиданіи побоями свалили съ ногъ и облили сѣрной кислотой ему лицо, чтобы полиція не могла установить личности убитаго, онъ оказался живъ. Его указанія помогли полиціи напасть на слѣдъ революціонеровъ, и начались аресты. Въ такомъ положеніи ничего не оставалось дѣлать, какъ скорѣе бѣжать изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ. Поселенія были оставлены на время, конечно. Но на съѣздѣ въ Харьковѣ южане убѣдились, что дальнѣйшее прозябаніе въ деревнѣ и безцѣльно, и опасно, и разбрелись по городамъ юга, главнымъ образомъ, въ Кіевъ и Одессу.

Между тѣмъ, именно на югѣ начинается уже въ 1877 году необычайное оживленіе. Въ это время была война съ Турціей, и всѣ вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій доходили сюда очень скоро. Черезъ Кіевъ проходили воинскіе поѣзда, сначала на войну, а затѣмъ и обратно съ многочисленными жертвами войны. Всевозможные слухи о неподготовленности русской арміи, о неспособности командующихъ и баснословныхъ хищеніяхъ интендантовъ, бросающіяся въ глаза неурядицы при передвиженіи войскъ, доставкѣ провіанта

и пр., естественно наталкивали всѣхъ на мысль о необходимости общественнаго контроля. Все чаще и чаще въ обществѣ начинаютъ говорить о конституціонныхъ гарантіяхъ.

Въ это время въ Кіевъ начинаютъ съѣзжаться многіе революціонеры. Одни бѣгутъ изъ поселеній, другіе изъ-подъ ареста; собирается много нелегальныхъ. И несмотря на недавнія неудачи въ этой средѣ ощущается большой подъемъ, вызванный общими настроеніями. Вмѣсто прежней кружковой замкнутости замѣчается тенденція къ широкому общенію и сближенію съ другими оппозиціонными элементами. Начинается движеніе и въ студенческой средѣ, въ которой ведетъ широкую пропаганду политическихъ идей „конституціонный кружокъ“. Собираются студенческія сходки, носящія уже совершенно другой характеръ, чѣмъ кружковыя собранія народниковъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Тутъ уже рѣчь идетъ о самоуправствѣ жандармовъ, объ административномъ произволѣ, объ участіи студентовъ въ общемъ политическомъ движеніи страны и т. д. Пытались даже составить и отправить на Высочайшее имя петицію съ просьбой коренныхъ реформъ.

Въ эту-то атмосферу политическаго броженія и попадаютъ такіе убѣжденные народники и такіе вмѣстѣ съ этимъ рѣшительные люди, какъ Ивичевичъ, Волошенко, Попко, Брантнеръ, Лизогубъ и другіе. Валеріанъ Осинскій, пріѣхавшій осенью 77 года въ Кіевъ съ цѣлью организовать побѣгъ Стефановича изъ тюрьмы, на первыхъ порахъ выступилъ въ засѣданіяхъ „конституціоннаго кружка“ убѣжденнымъ защитникомъ народнической тактики. Но новая среда, въ которую онъ попалъ въ Кіевѣ, превратила его въ короткое время въ яраго поборника политической борьбы. Осинскій и становится скоро во главѣ группы лицъ, которыя поведутъ усиленную пропаганду въ рядахъ революціонной партіи за террористическую дѣятельность.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ событій за 1877 годъ совершаетъ полный переворотъ въ настроеніяхъ народниковъ-революціонеровъ. Политическая обстановка, внѣшнія событія, подъемъ настроенія въ обществѣ, въ широкихъ кругахъ молодежи и радикальной интеллигенціи — все это создаетъ революціонерамъ какъ бы новую почву подъ ногами. Они все еще, за немногими исключеніями, остаются правовѣрными народниками въ теоріи, признающими только народную революцію и отрицающими политическую борьбу, но фактически они не только рукоплещутъ всякому удачному террористическому акту, но все болѣе и болѣе отказываются отъ бунтарской работы въ деревнѣ и даютъ себя увлечь новой политической волной. Мало дисциплинированные и плохо организованные южане скорѣе и рѣшительнѣе совершаютъ эту эволюцію, менѣе впечатлительные сѣверяне медленнѣе реагируютъ на событія, но къ началу 1878 года гибнутъ уже поселенія

землевольскія и другія революціонно-народническія, саратовское, нижегородское, самарское, и бунтари со всѣхъ сторонъ стекаются въ столицы. Слѣдующіе 1878 и 1879 годы, когда бурныя событія слѣдуютъ одно за другимъ, концентрируя революціонныя силы въ городахъ, заполняютъ дѣятельность землевольцевъ новымъ содержаніемъ, которое цѣлою пропастью отдѣлено отъ стараго бунтарства и служитъ основаніемъ для новой народовольческой програмы.

Сигналомъ для новаго направленія революціонной дѣятельности послужилъ выстрѣлъ В. И. Засуличъ въ петербургскаго оберъ-полицеймейстера Трепова. На призывъ дезорганизаторской группы „З. и В.“ пріѣхали изъ Кіева Осинскій, Фроленко, Попко и Волошенко и стали уже вырабатывать планы мести, но Засуличъ предупредила ихъ. 24 января она пришла въ пріемные часы съ прошеніемъ къ Трепову и выстрѣлила въ него изъ револьвера. Треповъ оказался серьезно раненымъ. Тутъ же арестованная Засуличъ заявила, что она отомстила за лично ей незнакомаго студента Боголюбова. Этотъ террористическій актъ явился большой неожиданностью для всѣхъ. Газеты, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло, подняли крикъ противъ Засуличъ и ввели въ значительной степени въ заблужденіе правительство, которое было увѣрено, что общество на его сторонѣ въ этомъ случаѣ, и рѣшило отдать это дѣло на судъ общественной совѣсти. Но на судѣ, состоявшемся 31 марта того же года, вскрыта была вся обстановка тюремной жизни, произволъ начальства и жестокость Трепова. Разношерстная публика, переполнившая залу суда, была крайне возмущена всѣми этими порядками и громко выражала свое сочувствіе Засуличъ и ея защитнику, присяжному повѣренному Александрову. Когда Александровъ разсказалъ подробно суду о гнусномъ надругательствѣ надъ Боголюбовымъ, то многіе изъ публики плакали. Присяжные засѣдатели вынесли Засуличъ оправдательный вердиктъ, встрѣченный оглушительными рукоплесканіями и криками восторга даже со стороны чиновниковъ министерства юстиціи, присутствовавшихъ на судѣ. У зданія суда въ ожиданіи приговора собралась огромная толпа, которая встрѣтила Александрова шумными оваціями и на рукахъ пронесла его по улицѣ. То же сдѣлали и съ Засуличъ, когда она, собравъ свои вещи, вышла изъ Дома Предв. Заключенія. Затѣмъ Засуличъ была усажена въ карету, и тысячная толпа народа провожала ее, не переставая громкими криками выражать свои чувства. Наконецъ, городовые и жандармы стали разгонять толпу. Раздались выстрѣлы, которыми былъ убитъ революціонеръ Сидорацкій и ранены швейцаръ и женщина. Попытки жандармовъ арестовать Засуличъ не удались, ее успѣли во-время отбить и увезти въ безопасное мѣсто.

До сихъ поръ къ убійству революціонеры прибѣгали въ инте-

ресахъ самозащиты противъ предателей и шпіоновъ. Послѣ покушенія на убійство Гориновича въ сентябрѣ былъ убитъ шпіонъ Тавлѣевъ, а въ Петербургѣ въ іюлѣ 1877 года — Финогеновъ. Теперь прибавился новый сильный мотивъ—месть. Выстрѣлъ Засуличъ былъ многими революціонерами понятъ, какъ призывъ къ террору. Именно такъ понялъ его будущій химикъ „Народной Воли" Кибальчичъ, который съ этихъ поръ начинаетъ изучать на средства партіи взрывчатыя вещества.

Не менѣе громкіе выстрѣлы раздались въ томъ же январѣ мѣсяцѣ 1878 года на другомъ концѣ Россіи—въ Одессѣ. Это было вооруженное сопротивленіе Ковальскаго и его товарищей при арестѣ типографіи.

Кружокъ Ковальскаго не имѣлъ опредѣленной физіономіи, въ него входили революціонеры разныхъ направленій, въ томъ числѣ и якобинцы, или послѣдователи П. Ткачева, какъ Виташевскій, Чернявская и Южакова. Самъ Ковальскій, который въ началѣ 70-хъ годовъ держался вдали отъ революціи и работалъ исключительно среди сектантовъ, представлялъ, по словамъ Виташевскаго, въ концѣ 1877 года „типъ убѣжденнѣйшаго бунтаря". Кружокъ основался за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста и успѣлъ только обзавестись типографскимъ станкомъ и отпечатать на немъ двѣ прокламаціи. Объединяющимъ моментомъ для всѣхъ участниковъ организаціи было признаніе вооруженнаго сопротивленія при арестѣ, какъ необходимый способъ самозащиты. Этотъ пунктъ программы кружка нашелъ свое обоснованіе въ двухъ захваченныхъ во время ареста рукописяхъ Ковальскаго „О пріобрѣтеніи и раздачѣ народу оружія" и „Голосъ честныхъ людей". Въ послѣдней, между прочимъ, читаемъ слѣдующее характерное мѣсто: „Теперь послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ шпіоновъ-предателей; было нѣсколько случаевъ открытаго сопротивленія съ оружіемъ въ рукахъ и много отчаянныхъ побѣговъ изъ-подъ стражи. Все это свидѣтельствуетъ, что уже теперь не тотъ духъ времени, какъ былъ прежде, что уже настала *фактическая* борьба соціалъ-демократической партіи съ этимъ... правительствомъ"... Переходъ къ „фактической" борьбѣ съ правительствомъ намѣчается, какъ видимъ, уже въ 1877 году на югѣ, хотя пока только въ формѣ „сопротивленія".

30 января 1878 года кружокъ, собравшійся на квартирѣ сестеръ Виттенъ, гдѣ находилась типографія, и мирно бесѣдовавшій въ это время за бутылкой вина, былъ застигнутъ врасплохъ вооруженными жандармами съ капитаномъ Добродѣевымъ во главѣ. Сначала революціонеры, повидимому, растерялись. Но когда начался „личный" обыскъ, то Ковальскій, вызванный первымъ, подошелъ къ Добродѣеву и, выхвативъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Револьверъ далъ осѣчку, и Ковальскаго схватили жандармы, но онъ успѣлъ выхватить кинжалъ и ранить Добродѣева

и унтеръ-офицера. Во время этой возни былъ потушенъ огонь въ комнатѣ, и товарищъ Ковальскаго Ильичъ-Свитычъ нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ потолокъ. Испуганные жандармы бросили связаннаго уже ими Ковальскаго и убѣжали, предоставивъ такимъ образомъ возможность революціонерамъ сжечь компрометирующія бумаги. А освобожденный товарищами Ковальскій подобралъ свой кинжалъ и бросился вслѣдъ за жандармами. Онъ успѣлъ ранить одного жандарма въ спину, но былъ тутъ же схваченъ другими и избитъ. Бросившійся ему на помощь Свитычъ выпустилъ всѣ заряды изъ револьвера и ранилъ трехъ унтеръ-офицеровъ и дворника.

Только получивъ сильное подкрѣпленіе, жандармы рѣшились взять приступомъ квартиру, гдѣ оставались другіе члены кружка. Такъ какъ у послѣднихъ оружія больше не было, то они сдались теперь безъ всякаго сопротивленія.

Такое громкое дѣло, естественно, должно было поднять много шума, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Одессѣ было въ виду турецкой войны военное положеніе, и участниковъ вооруженнаго сопротивленія судили военнымъ судомъ. Мѣстные революціонеры воспользовались судомъ для устройства демонстраціи [1]). Въ теченіе пяти дней революціонная молодежь дежурила у зданія суда, несмотря на всѣ противодѣйствія полиціи, и собирала вокругъ себя большую уличную толпу. Когда на пятый день въ толпѣ разнеслась вѣсть, что Ковальскій приговоренъ къ смертной казни, то стали раздаваться крики: „Шемякинъ судъ! Башибузуки! Палачи!" и т. п. Тогда солдаты и казаки съ пиками на перевѣсъ стали оттѣснять толпу въ ближайшую улицу, употребляя при этомъ въ дѣло и приклады. Возмущенный этимъ Виттенбергъ (повѣшенный впослѣдствіи въ 1879 году въ Николаевѣ) выстрѣлилъ въ солдата, послѣ чего въ толпу было сдѣлано два залпа, которыми двое было убито и нѣсколько человѣкъ ранено. Смертный приговоръ былъ конфирмованъ, и 2-го августа Ковальскій былъ казненъ.

Послѣ Одессы приковываетъ къ себѣ вниманіе Кіевъ. Здѣсь проявляетъ усиленную дѣятельность отдѣлъ „дезорганизаторской группы" землевольцевъ подъ руководствомъ Валеріана Осинскаго. Первой жертвой намѣченъ былъ прокуроръ Котляревскій, о которомъ говорили, что онъ для карьеры множилъ политическіе процессы и будто бы при обыскѣ осмѣлился раздѣть до-гола политическую женщину. Осинскій, Ивичевичъ и др. выслѣживали его нѣкоторое время и ночью 23 февраля настигли у самаго дома. Послѣ перваго выстрѣла онъ упалъ и поднялъ страшный крикъ. Революціонеры сдѣлали еще два выстрѣла по немъ и убѣжали. На слѣдующій день оказалось, что

---

1) Хр. Г. Гринбергъ-Конъ. Къ процессу И. М. Ковальскаго. Былое, 1906.

Котляревскій даже не раненъ: его защитила шуба отъ револьверныхъ пуль. По дальнѣйшее его преслѣдованіе было сочтено излишнимъ.

Тогда-то послѣ покушенія на Котляревскаго и зародился Исполнительный Комитетъ. Сначала пришли къ мысли, что слѣдуетъ обо всѣхъ террористическихъ актахъ, которыхъ предполагалось совершить много, выпускать прокламаціи и расклеивать ихъ на улицахъ. А затѣмъ рѣшено было дѣлать эти оповѣщенія отъ имени „Исполнительнаго Комитета" какъ бы всей партіи. Впервые за такой печатью („Исполнительный Комитетъ Русской Соціально-Революціонной Партіи") и съ изображеніемъ скрещенныхъ револьвера, кинжала и топора была напечатана прокламація въ мартѣ 1878 года, въ ней говорилось объ убійствѣ шпіона Никонова въ Ростовѣ на-Дону и о покушеніи на жизнь прокурора Котляревскаго. Арестованный при наклейкѣ прокламацій Избицкій былъ присужденъ за это впослѣдствіи къ 15 годамъ каторги.

Вторая очередь была за жандармскимъ офицеромъ Гейкингомъ, который производилъ аресты по чигиринскому дѣлу. Онъ былъ убитъ 25 мая революціонеромъ Попко. Часовъ въ 12 ночи Попко, вооруженный 2 револьверами и кинжаломъ, настигъ Гейкинга на углу Крещатика и Бульварной, ударилъ его кинжаломъ въ поясницу и побѣжалъ вверхъ по Бульварной. На крикъ Гейкинга о помощи бросился какой-то человѣкъ загораживать дорогу Попко. Послѣдній сдѣлалъ выстрѣлъ, не причинившій, впрочемъ, никому вреда. Но на шумъ сбѣжались двое полицейскихъ и дворникъ, который уже разставилъ руки, чтобы поймать Попко. Раздается новый выстрѣлъ, и дворникъ падаетъ смертельно раненый. Третьимъ выстрѣломъ былъ раненъ въ ногу полицейскій, и Попко пустился бѣжать по мало освѣщенной улицѣ, а затѣмъ перелѣзъ черезъ ограду недавно разбитаго тогда университетскаго парка и прилегъ. Вскорѣ показалась погоня. Нѣсколько полицейскихъ съ фонарями пробѣжали улицей мимо него, и Попко, нѣсколько отдохнувши, незамѣтно удалился оттуда.

Въ то же время шли дѣятельныя подготовленія къ побѣгу изъ кіевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго. Для этой цѣли мѣсяца за два до побѣга въ тюрьму поступилъ на службу въ качествѣ чернорабочаго революціонеръ Михаилъ Фроленко, который своимъ усердіемъ въ исполненіи обязанностей и безупречнымъ поведеніемъ заслужилъ такое довѣріе у начальства, что скоро былъ произведенъ въ ключники въ коридорѣ уголовныхъ. Чтобы окончательно покорить сердце тюремнаго смотрителя, Фроленко по совѣту Стефановича сдѣлалъ доносъ на послѣдняго по заранѣе условленному поводу. Послѣ этого можно было съ большимъ основаніемъ предположить, что освободившаяся вакансія политическаго надзирателя будетъ предложена именно Фроленко, какъ самому толковому и преданному начальству тюремщику. Нужно было только

какъ-нибудь отдѣлаться отъ добродушнаго надзирателя, который былъ приставленъ къ политическимъ, чтобы не раздражать ихъ. Террористическіе акты запугали мелкихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и тюремныхъ, и они старались поддерживать мирныя отношенія съ политическими заключенными. Это было поручено Дебагорію-Мокріевичу, который отыскалъ его въ трактирѣ и нанялъ на выгодныхъ для него условіяхъ къ себѣ на службу на сахарный заводъ. Когда его мѣсто освободилось, смотритель пришелъ къ Стефановичу и Дейчу поговорить съ ними по дружески относительно его замѣстителя и сталъ расхваливать Фроленко.—„Шпіонъ, повидимому", процѣдилъ сквозь зубы Стефановичъ. Смотритель его усердно защищалъ, и „Михайло" былъ назначенъ политическимъ ключникомъ. Въ одну изъ ближайшихъ ночныхъ смѣнъ бѣглецы переодѣлись, положили чучела на свои койки и въ сопровожденіи своего надзирателя вышли изъ тюрьмы. Проходя по коридору въ глубокой темнотѣ, Бохановскій случайно задѣлъ рукой за веревку сигнальнаго колокола и поднялъ было всю тюрьму на ноги. Но Фроленко не растерялся, велѣлъ товарищамъ попрятаться по угламъ, а самъ побѣжалъ въ кордегардію сказать, что веревку нечаянно зацѣпилъ онъ самъ. За стѣной тюрьмы ихъ встрѣтилъ Осинскій, который свезъ ихъ къ Днѣпру, гдѣ уже была приготовлена лодка со всѣми припасами. Они плыли внизъ по теченію цѣлую недѣлю и вышли на берегъ въ Кременчугѣ, гдѣ ихъ поджидалъ прибывшій туда по желѣзной дорогѣ Осинскій съ паспортами и всѣмъ нужнымъ. О побѣгѣ въ тюрьмѣ узнали только утромъ. Довѣріе къ Фроленко было такъ велико, что начальство было увѣрено, что онъ убитъ бѣглецами, и только его фальшивый паспортъ открылъ тайну исчезновенія политическихъ преступниковъ.

Этимъ же лѣтомъ дѣлается отчаянная попытка освободить Войнаральскаго. Организаторомъ дѣла является Софья Перовская. Группа осужденныхъ по Большому процессу должна была переправляться въ центральную тюрьму. Мышкина перевезли съ большими предосторожностями въ глубокой тайнѣ. Совершенно случайно пропущены были революціонерами Коваликъ, Рогачевъ и Муравскій. Войнаральскаго поджидали очень внимательно слѣдившіе за всѣми передвиженіями у тюремныхъ воротъ двое верховыхъ, спрятавшихся по близости, и трое другихъ революціонеровъ за-городомъ, недалеко отъ дороги въ центральную тюрьму. Когда верховые сообщили, что Войнаральскаго въ сопровожденіи двухъ жандармовъ везутъ на почтовыхъ, бричка революціонеровъ свернула на дорогу и поѣхала впереди почтовой кибитки. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, революціонеры останавливаютъ своихъ лошадей, и одинъ изъ нихъ, одѣтый офицеромъ, приказываетъ жандармамъ обождать. Кучеръ успѣлъ только осадить лошадей, какъ раздались два вы-

стрѣла, и одинъ изъ жандармовъ, смертельно раненый, упалъ на дно кибитки. Но другой успѣлъ заложить свою шашку въ кандалы Войнаральскаго, и въ то же время понесли лошади, испуганныя выстрѣлами. Александръ Квятковскій, бывшій верхомъ на лошади, заѣхалъ впередъ и выпустилъ всѣ шесть зарядовъ своего револьвера въ лошадей, но тѣ еще быстрѣе помчались отъ полученныхъ ранъ. Погоня оказалась безполезной, такъ какъ лошади революціонеровъ оказались хуже почтовыхъ, и попытка освобожденія, такимъ образомъ, не удалась. Кромѣ Перовской и Квитковскаго въ этомъ дѣлѣ участвовали Александръ Михайловъ, Баранниковъ (офицеръ), Михаилъ Фроленко, Фоминъ и другіе. Всѣмъ удалось во-время уѣхать изъ Харькова, но Фомина арестовали на вокзалѣ. Для его освобожденія также были сдѣланы двѣ попытки, и обѣ кончились неудачей. Сначала онъ долженъ былъ выйти изъ тюрьмы черезъ подкопъ вмѣстѣ съ уголовными. Товарищи, ожидавшіе Фомина за стѣной, встрѣтили всѣхъ уголовныхъ, но его самого прождали нѣсколько часовъ напрасно и ушли. Между тѣмъ онъ вышелъ дѣйствительно очень поздно и, никого не найдя и не рѣшаясь пойти къ знакомымъ, такъ какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, долженъ былъ укрываться за городомъ, гдѣ его и нашли казаки умирающимъ съ голоду. Въ другой разъ за Фоминымъ въ тюремную контору пришли два революціонера, переодѣтые жандармами съ бланкомъ жандармскаго генерала Ковалинскаго, съ тѣмъ, чтобы взять его якобы на допросъ. Но тюремный письмоводитель, услугами котораго они воспользовались, выдалъ ихъ, и освободители были сами арестованы.

Всѣ эти факты крайне волновали не только обывательскую среду, но и самихъ революціонеровъ, и атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась. Наиболѣе дерзкимъ актомъ мести въ интересахъ все той же еще пока самозащиты было убійство шефа жандармовъ генерала Мезенцова. Исполнителемъ на этотъ разъ былъ Сергѣй Кравчинскій (Степнякъ), котораго „прикрывалъ" Баранниковъ. Мезенцова настигли во время его утренней прогулки на Михайловской площади. Кравчинскій зашелъ спереди и нанесъ генералу ударъ кинжаломъ въ полость живота. За нимъ бросился было сопровождавшій Мезенцова подполковникъ Макаровъ. Въ это время Баранниковъ успѣлъ выстрѣлить въ Макарова и, хотя промахнулся, но обезпечилъ, тѣмъ не менѣе, отступленіе и себѣ, и Кравчинскому. Оба побѣжали къ пролеткѣ, которая ихъ дожидалась по близости, и, прежде чѣмъ за ними успѣли погнаться, Андріанъ Михайловъ, сидѣвшій въ качествѣ кучера, умчалъ ихъ въ безопасное мѣсто на знаменитомъ „Варварѣ".

Въ это же время учащаются побѣги изъ административной ссылки, растетъ число нелегальныхъ, скопляющихся въ городахъ, и все чаще раздаются выстрѣлы во время обысковъ, съ цѣлью сжечь компрометирующія бумаги или проложить себѣ дорогу къ

свободѣ. Оживленіе не ограничивается революціонной средой и охватываетъ широкія массы. Начинаются студенческія волненія, вовлекаются въ движеніе и рабочіе.

Студенческія волненія происходили въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. Петербургскіе студенты рѣшили обратиться съ петиціей къ тогдашнему наслѣднику, будущему императору Александру III съ цѣлью вызвать сочувствіе широкой публики, и устроили по этому поводу демонстративное шествіе. Еще болѣе внушительную демонстрацію студенты устраиваютъ по поводу похоронъ одного изъ участниковъ процесса 193-хъ, студента Подлевскаго. Попытка полиціи тайно, ночью, похоронить трупъ не удалась,—студенты ее предупредили и устроили торжественное шествіе съ гробомъ, привлекли къ демонстраціи большую толпу народа. За участіе въ студенческихъ волненіяхъ было выслано изъ Петербурга около 600 человѣкъ. Въ Харьковѣ происходитъ избіеніе студентовъ казаками, которое вызываетъ протестъ со стороны совѣта университета. Въ Кіевѣ послѣ нападенія на ректора Матвѣева исключаются изъ университата 140 человѣкъ, изъ которыхъ 15 высылаются административно въ Восточную Сибирь и сѣверныя губерніи. Московскіе студенты выходятъ ихъ встрѣчать,но полиція выпускаетъ на нихъ охотнорядцевъ, и происходитъ возмутительное избіеніе молодежи.

Въ рабочихъ массахъ это общее возбужденіе сказывается въ широкомъ стачечномъ движеніи и въ демонстраціяхъ, носящихъ характеръ политическихъ протестовъ. Землевольцы воспользовались пропагандой начала 70-хъ годовъ и сорганизовали имѣвшіеся въ рабочей средѣ зрѣлые революціонные элементы. Создались такимъ образомъ заводскіе и фабричные комитеты или отдѣльныя связи въ очень многихъ промышленныхъ предпріятіяхъ Петербурга, и чрезъ нихъ распространялась революціонная литература, и велась широкая агитація. Стачечная волна охватила главнымъ образомъ фабричные районы, дала возможность бунтарямъ войти въ непосредственныя сношенія съ массами и выступать въ качествѣ ораторовъ на забастовачныхъ собраніяхъ. Рабочіе уже сами ищутъ руководства революціонеровъ, защищаютъ ихъ отъ полиціи и обращаются со своими жалобами въ редакцію „Земли и Воли". Агитація на почвѣ непосредственныхъ интересовъ нашла очень скоро откликъ, только не въ деревнѣ, а въ городѣ. И та же самая масса, которая не поняла значенія казанской демонстраціи, устроила демонстративныя похороны шести рабочихъ, убитыхъ во время взрыва на Пороховомъ заводѣ, на Васильевскомъ островѣ. Въ движеніи замѣчается тенденція къ объединенію, и прокламаціи по поводу стачекъ на отдѣльныхъ фабрикахъ обращаются „къ рабочимъ всѣхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ". Къ началу 1879 года, дѣйствительно, основывается „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ", ко-

торый ставитъ своей задачей не только объединеніе стачечнаго движенія, но и политическую борьбу. Рабочее движеніе опережаетъ такимъ образомъ развитіе бунтарской мысли.

Въ другихъ городахъ агитація среди рабочихъ пользуется такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Петербургѣ. Но сами землевольцы все еще считаютъ настоящей почвой для своей дѣятельности только крестьянскую массу и поэтому нисколько не интересуются промышленнымъ райономъ Центральной Россіи, такъ какъ тамъ крестьянскіе устои больше всего расшатались. Работа среди городского пролетаріата ведется по-прежнему главнымъ образомъ въ университетскихъ центрахъ и въ мѣстахъ случайнаго скопленія революціонныхъ силъ. Наибольшимъ успѣхомъ эта дѣятельность пользовалась въ Одессѣ, гдѣ рабочіе принимали участіе въ демонстраціи по поводу суда надъ Ковальскимъ и въ Ростовѣ на-Дону, гдѣ рабочіе въ началѣ 1879 года устроили очень шумный бунтъ. Ростовскій бунтъ произошелъ по слѣдующему поводу. Полицейскіе арестовали подгулявшаго рабочаго—дѣло было на Пасхѣ—и потащили въ часть. Тотъ закричалъ, призывая на помощь своихъ товарищей. Толпа рабочихъ послѣдовала за арестованнымъ, прося полицейскихъ отпустить его. Блюстители порядка отвѣчали ругательствами, и вскорѣ раздались изъ части отчаянныя вопли избиваемаго рабочаго. Толпа пришла въ ярость. Достали откуда-то огромное бревно и стали выбивать запертыя ворота. Въ нѣсколько минутъ ворота были выбиты, и полиція обращена въ бѣгство. Разгромивъ эту часть, толпа бросилась на остальныя и разнесла ихъ, а потомъ квартиры полицеймейстера и нѣкоторыхъ квартальныхъ. Городъ оказался во власти бунтовщиковъ. Когда слухъ объ этомъ бунтѣ дошелъ до углекоповъ Донецкаго бассейна, они двинулись толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ на помощь ростовцамъ, но дорогой узнали, что прибывшими казаками и артиллеріей порядокъ уже возстановленъ, и поспѣшили вернуться домой.

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что рабочія массы въ промышленныхъ центрахъ захвачены общимъ броженіемъ и легко поддаются внѣшнему вліянію. Тѣмъ не мѣнѣе, только небольшія силы революціонной партіи уходятъ на работу среди городского пролетаріата. Народники дѣлаютъ послѣднія попытки укрѣпиться въ деревнѣ, а боевыя натуры сосредоточиваютъ свое вниманіе на террорѣ, который все болѣе и болѣе становится системой борьбы и непосредственной задачей движенія. Въ 1879 году проявленія фактической борьбы повторяются еще съ большимъ постоянствомъ и принимаютъ все болѣе серьезный характеръ.

Шумные дни переживаетъ Кіевъ во время ареста и вооруженнаго сопротивленія многихъ южныхъ революціонеровъ. Еще въ январѣ 1879 года были арестованы на улицѣ Осинскій и Волошенко, при чемъ Осинскій успѣлъ только схватиться за револьверъ,

но не вытащилъ его даже изъ кобуры. Это не помѣшало, впрочемъ суду обвинить его въ вооруженномъ сопротивленіи и присудить къ смертной казни. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого перваго ареста была забрана на квартирѣ Софія Лешернъ, а 11 февраля произошелъ разгромъ кіевской группы. Здѣсь впервые проявилъ свои таланты извѣстный впослѣдствіи жандармскій адъютантъ Судейкинъ, назначенный на мѣсто убитаго Гейкинга. Онъ воспользовался услугами предателя Веледницкаго, который былъ выпущенъ изъ тюрьмы, съ тѣмъ, чтобы указать жандармамъ революціонеровъ и курсистки Бабичевой, состоявшей на жалованьи въ жандармскомъ управленіи, и окружилъ кіевскую организацію цѣлой сѣтью шпіоновъ. Въ указанный вечеръ всѣ собрались по случаю праздника (была масленая) двумя компаніями. У братьевъ Ивичевичей (Ивана и Игната) находились Брантнеръ, Позенъ, Стеблинъ, Каменскій, Наталія Армфельдъ и другіе. А Дебагорій - Мокріевичъ, Свириденко, Орловъ, Ковалевская и Дическуло отправились въ гости къ Бабичевой, которая успѣла пріобрѣсти довѣріе среди революціонеровъ.

Сначала жандармы направились къ Ивичевичамъ, гдѣ публика мирно и весело разговаривала. Когда дверь открылась и Судейкинъ полюбопытствовалъ узнать имена присутствовавшихъ, Иванъ Ивичевичъ схватилъ револьверъ и подошелъ къ дверямъ. Къ нему на помощь подбѣжалъ его братъ Игнатъ и Брантнеръ. Раздался залпъ съ обѣихъ сторонъ. Унтеръ-офицеръ Казанкинъ былъ пораженъ въ голову и палъ мертвымъ. Судейкина ударила пуля въ грудь, но жандармы всѣ были въ панцыряхъ, и онъ остался невредимъ. Братья Ивичевичи были смертельно ранены и упали одинъ за другимъ. Брантнеръ продолжалъ стрѣлять, хотя также былъ раненъ. Другіе революціонеры жгли въ это время компрометирующія бумаги. Жандармы сробѣли и отступили. Двое раненыхъ выбѣжали во дворъ и здѣсь упали въ обморочномъ состояніи, истекая кровью отъ полученныхъ ранъ. Когда жандармы, подкрѣпленные солдатами, вернулись на квартиру, тамъ уже никто и не думалъ сопротивляться

Квартира Бабичевой также охранялась въ это время въ ожиданіи офицера. Когда Свириденко и Дическуло вышли оттуда, съ тѣмъ, чтобы отправиться на какое-то собраніе, жандармы ихъ остановили. Революціонеры прибѣгли къ оружію и, отстрѣливаясь, пустились бѣжать. Дическуло удалось скрыться, а Свириденко былъ задержанъ полицейскимъ. На квартирѣ Бабичевой никакого сопротивленія не было оказано, такъ какъ ни у кого оружія не оказалось, и всѣ предосторожности капитана Судейкина, пришедшаго въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями на перевѣсъ, оказались излишними. Арестованные изъ первой квартиры были доставлены въ участки связанными, остальные подъ усиленнымъ конвоемъ солдатъ.

Одновременно съ этимъ въ Харьковѣ происходитъ убійство князя

Кропоткина, задуманное еще въ декабрѣ 1878 года въ кіевскомъ соціально-революціонномъ кружкѣ; губернатору хотѣли отомстить за жестокое обращеніе съ политическими заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ и избіеніе харьковскихъ студентовъ во время уличныхъ безпорядковъ. Планъ былъ составленъ Осинскимъ, Орловымъ, Зубковскимъ и Гольденбергомъ. Послѣднему было поручено привести планъ въ исполненіе. Съ этой цѣлью Гольденбергъ отправился въ Харьковъ, вошелъ въ сношенія съ мѣстными революціонерами и 9 февраля 1879 года вмѣстѣ съ Кобылянскимъ выслѣдилъ Кропоткина. Когда губернаторъ подъѣзжалъ уже къ своему дому, Гольденбергъ вскочилъ на подножку кареты и выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Князь получилъ смертельную рану, а Гольденбергъ направился къ поджидавшему его Кобылянскому, и они оба скрылись въ ту же ночь изъ Харькова.

Въ Москвѣ былъ приговоренъ Исполнительнымъ Комитетомъ къ смертной казни шпіонъ Рейнштейнъ, который успѣлъ выдать многихъ революціонеровъ и ввести своихъ провокаторовъ въ московскую организацію. Онъ былъ убитъ двумя ударами кинжала въ грудь въ одномъ изъ нумеровъ гостиницы Мамонтова. Оставивъ записку при трупѣ, революціонеры скрылись.

Въ то же время въ Петербургѣ выслѣживается шефъ жандармовъ Дрентельнъ, и 13 марта раздается выстрѣлъ Мирскаго. Мирскій встрѣтилъ Дрентельна около Лѣтняго сада. Сидя верхомъ на лошади, онъ пробилъ своей пулей оба стекла кареты, но Дрентельна самого не задѣлъ. Вторая пуля засѣла за стволъ револьвера, и сдѣлать новый выстрѣлъ оказалось невозможнымъ. Стрѣлявшему оставалось только пришпорить лошадь и ускакать отъ преслѣдованія, что и удалось ему.

Такимъ образомъ, покушенія слѣдовали за покушеніями, но все это были единичные акты, не связанные между собой ни общей организаціей, ни общей мыслью. Это еще не была система борьбы, какъ мы уже указывали. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что полицейскія условія становились съ каждымъ разомъ все невыносимѣй, у отдѣльныхъ лицъ начинаетъ зарождаться мысль о покушеніи на императора, являющагося представителемъ политической системы и отвѣтственнымъ за злоупотребленія бюрократіи своей властью.

Съ такими предложеніями и пріѣхали въ Петербургъ весной 1879 года Александръ Соловьевъ, Гольденбергъ и Кобылянскій и начали переговоры съ петербургскими террористами Александромъ Михайловымъ, Квятковскимъ и Зунделевичемъ. Большинство членовъ администраціи и редакціи „Земли и Воли“ въ это время уже были опредѣлившимися сторонниками террора, и потому это предложеніе встрѣтило съ ихъ стороны сочувствіе. Предпочтеніе изъ трехъ кандидатовъ было отдано Соловьеву, какъ русскому, передъ двумя инородцами, полякомъ Кобылянскимъ и евреемъ Гольденбергомъ.

Нѣсколько человѣкъ помогало Соловьеву выслѣдить императора и намѣтить удобный моментъ и мѣсто. Александръ Николаевичъ по утрамъ гулялъ обыкновенно недалеко отъ Зимняго дворца, вокругъ зданія Сельско-хозяйственнаго Музея, въ мѣстности очень уединенной, особенно въ это время дня, но всегда его сопровождала многочисленная охрана изъ жандармовъ, городовыхъ и агентовъ тайной полиціи. По пути отъ Пѣвческаго моста къ Дворцовой площади Соловьевъ встрѣтилъ государя на тротуарѣ и выстрѣлилъ въ него на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Царь еще издали замѣтилъ Соловьева, слѣдилъ за нимъ, успѣлъ въ моментъ выстрѣла уклониться въ сторону и бросился бѣжать къ Главному Штабу. Соловьевъ бросился за императоромъ, дѣлая выстрѣлъ за выстрѣломъ, пока его не схватили городовые. Ранивши въ щеку одного изъ нападавшихъ, онъ проглотилъ бывшій при немъ ядъ, который не произвелъ, однако, никакого дѣйствія.

Многочисленные аресты и репрессіи, которые начались послѣ выстрѣла 2-го апрѣля, поставили въ еще худшія условія революціонную дѣятельность и еще сильнѣе толкали бунтарскую партію на путь политической борьбы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Раздѣленіе общества „Земли и Воли".

„Народная Воля" „Черный Передѣлъ".

Освободительная война, обнаружившая всю непригодность бюрократической машины, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннемъ управленіи, обострившая хозяйственное истощеніе страны и подорвавшая простижъ правительства въ глазахъ общества, которое начинаетъ просыпаться отъ своей десятилѣтней политической спячки— таковъ отмѣченный уже нами внѣшній факторъ, который явился кристаллизующимъ началомъ для медленно накоплявшихся прогрессивныхъ общественныхъ силъ. Подъ вліяніемъ этой новой политической атмосферы бунтари, продолжающіе исповѣдывать анархизмъ, совершаютъ свой поворотъ въ сторону непосредственной борьбы съ правительствомъ, при чемъ все усиливающіяся полицейскія преслѣдованія и увеличивающаяся жестокость судебныхъ приговоровъ вносятъ крайнее раздраженіе въ революціонную среду и непосредственно намѣчаютъ формы проявленія для стихійно наростающаго настроенія. Мы прослѣдили длинный рядъ террористическихъ актовъ—отъ „изъятія изъ обращенія" товарища-предателя до покушенія на государя—на которые наталкивала революціонеровъ рѣзко измѣнившаяся обстановка политической жизни. Въ качествѣ правовѣрныхъ народниковъ идейные представители общества „Земли и Воли" проповѣдуютъ на страницахъ своего журнала крестьянскіе бунты и въ то же время широко практикуютъ терроръ. Но постепенно появляются и теоретическіе выразители новаго направленія, въ средѣ соціально-революціонной партіи выступаютъ на сцену политики, которые начинаютъ усердную и успѣшную пропаганду политической борьбы среди своихъ товарищей и среди учащейся молодежи.

Мы уже указали раньше, что среди независимыхъ и свободолюбивыхъ южанъ эти новыя идеи раньше нашли себѣ адептовъ, и что Валеріанъ Осинскій, пріѣхавъ въ Кіевъ ортодоксальнымъ бунтаремъ, сравнительно скоро заразился тамъ новымъ теченіемъ. Въ началѣ 1878 года кіевскіе революціонеры съ Осинскимъ во главѣ участвуютъ въ совѣщаніи съ земскими конституціоналистами. Либералы предлагаютъ прекратить терроръ и организовать широкую агитацію въ пользу конституціонныхъ гарантій, революціонеры въ свою очередь

обѣщаютъ оставить террористическіе акты только тогда, когда предварительно введены будутъ эти гарантіи. Но, такъ или иначе, а бунтари безбоязненно и вполнѣ серьезно начинаютъ думать о конституціи.

Подъ вліяніемъ южанъ начинаютъ сочувствовать политикѣ и нѣкоторые сѣверяне. Неутомимый Осинскій и здѣсь впереди всѣхъ. Вмѣстѣ съ Фроленко, Попко, Волошенко и Чубаровымъ, пріѣхавшими въ Петербургъ съ цѣлью убить Трепова, Валерьянъ Осинскій ведетъ усиленную пропаганду среди землевольцевъ за измѣненіе тактики и вноситъ эти жгучіе вопросы на обсужденіе Большого Совѣта общества. Большинство еще высказывается пока противъ Осинскаго и противъ политики, но такіе видные члены „Земли и Воли", какъ Ольга Натансонъ и Оболешевъ становятся сторонниками новаго направленія.

Неудачи, постигшія первыя землевольческія поселенія, содѣйствуютъ укрѣпленію политическихъ тенденцій въ средѣ администраціи общества, и Александръ Михайловъ, возстановившій организацію послѣ провала центра, усиленно проводитъ въ жизнь принципы самой строгой централизаціи и дисциплины, съ которыми такъ трудно примириться бунтарямъ-деревенщикамъ.

Къ началу 1879 года, когда послѣ бѣгства изъ деревень многіе землевольцы собрались въ Петербургѣ, провинціальныя разногласія ярко выступили наружу. Откровенные сторонники террора старались дать теоретическое обоснованіе новому направленію въ своей дѣятельности и открыто высказывались за переходъ къ политической борьбѣ, между тѣмъ какъ консервативные элементы, идейные представители которыхъ (Фесенко, Плехановъ, М. Р. Поповъ, Аптекманъ и др.) такъ успѣшно, между прочимъ, вели агитацію среди городского пролетаріата, стояли на старой народнической точкѣ зрѣнія, хотя и не протестовали противъ расширенія дѣятельности дезорганизаторской группы. Эта внутренняя принципіальная борьба особенно обострилась на засѣданіяхъ Большого Совѣта, гдѣ обсуждалось предложеніе Соловьева, который хотѣлъ получить санкцію партіи для своего террористическаго акта. Большинство высказалось противъ цареубійства и не дало Соловьеву одобренія партіи.

Но внутреннія тренія настолько усилились, что сами деревенщики стали приходить къ убѣжденію въ необходимости такъ или иначе столковаться и придти къ какому-нибудь соглашенію, тѣмъ болѣе, что и дѣла въ деревнѣ обстояли далеко не блестяще. Деревенщинѣ пришлось констатировать печальный фактъ, что новыя поселенія составлялись исключительно изъ старыхъ бунтарей, что молодежь при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ соціально-революціонной программѣ не проявляла никакой склонности къ хожденію въ народъ, не желая покидать шумной жизни столицъ и другихъ политическихъ и культурныхъ центровъ. Естественно возникали грустныя перспективы на счетъ будущаго, которыя усугубляли тоску,

переживаемую „старикамн“ въ деревнѣ, и содѣйствовали росту симпатій къ „буржуазной конституціи“.

Разноголосица среди членовъ редакціи заставила, повидимому, поспѣшить съ устройствомъ съѣзда, за организацію котораго берется одинъ изъ видныхъ землевольцевъ, сторонникъ старой тактики М. Р. Поповъ. Онъ списывается по этому поводу съ петербургскимъ центромъ и объѣзжаетъ деревенскія поселенія съ оповѣщеніемъ о назначенномъ на іюнь съѣздѣ землевольцевъ въ Тамбовѣ, откуда по случайнымъ обстоятельствамъ онъ былъ перенесенъ въ Воронежъ.

Въ виду агитаціи, поднятой народниками въ средѣ деревенщины противъ представителей новаго направленія, послѣдніе рѣшили заблаговременно сговориться и сорганизовать тяготѣющіе къ нимъ элементы, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ въ случаѣ раскола, котораго естественно было ожидать. Съ этой цѣлью наканунѣ Воронежскаго съѣзда политиками былъ созванъ съѣздъ въ Липецкѣ, на который пріѣхали, какъ члены „Земли и Воли“, такъ и не входившіе въ нее сторонники открытой борьбы съ правительствомъ. На Липецкомъ съѣздѣ, продолжавшемся съ 17 по 20 іюня 1879 года, присутствовали Александръ Михайловъ, Николай Морозовъ, Марія Ошанина, Баранниковъ, Квятковскій, Тихомировъ, Желябовъ, Колодкевичъ, Ширяевъ, Фроленко, Гольденбергъ и нѣкоторые другіе, почти всѣ наличныя силы тогдашней террористической группы. Здѣсь была санкціонирована политическая борьба во имя достиженія минимума конституціонныхъ гарантій, какъ ближайшая задача партіи, и терроръ, какъ главный методъ борьбы. Въ виду того, что съѣхавшіеся въ Липецкѣ прежде всего должны были оформить свою обособленность отъ деревенщины работы съѣзда, естественно, сосредоточились исключительно на боевыхъ задачахъ. Съ другой стороны, ограниченность силъ неминуемо вынуждала террористовъ ограничиться въ ближайшемъ будущемъ только одной цѣлью—цареубійствомъ. Здѣсь же было принято рѣшеніе прибѣгать въ случаѣ нужды къ конфискаціи государственныхъ имуществъ, преобразованъ былъ Исполнительный Комитетъ, который затѣмъ сталъ называть себя Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли, и былъ принятъ уставъ, построенный на принципахъ строгой централизаціи и конспираціи. Въ распорядительную комиссію были выбраны Александръ Михайловъ, Фроленко и Тихомировъ. Послѣдній вмѣстѣ съ Морозовымъ былъ намѣченъ въ редакторы будущаго органа. Такимъ образомъ, террористы пріѣхали на общепартійный съѣздъ уже вполнѣ организованной группой.

Но на Воронежскомъ съѣздѣ, который продолжался съ 21 по 24 іюня 1879 г., политики отнюдь не встрѣтили того враждебнаго отношенія, на которое они расчитывали. Правда, при пересмотрѣ программы принципіальныя ея основанія оставлены были прежнія,

но на ряду съ этимъ террористамъ удается увлечь за собой большинство по кардинальнымъ текущимъ вопросамъ. При такихъ настроеніяхъ у большинства съѣзда липецкой группѣ было выгодно сохранить прежнюю связь съ партіей и воспользоваться ея средствами. Вотъ почему они и рѣшили пойти на уступки, которыя сводились къ оговоркамъ, никакого практическаго значенія не имѣвшимъ. Такъ, политическій терроръ былъ признанъ необходимой формой борьбы, но вмѣстѣ съ этимъ такое признаніе мотивировалось исключительными условіями даннаго момента. Самые горячіе дебаты вызвалъ вопросъ о содѣйствіи партіи группѣ, поставившей себѣ цѣлью цареубійство. Въ концѣ концовъ и этотъ случай былъ отнесенъ къ спеціальнымъ исключительнымъ, и помощь деньгами и людьми была обезпечена для террористовъ. Послѣднимъ оставалось закрѣпить за собой позицію въ партійномъ органѣ, и это имъ удалось, хотя и не безъ жестокой борьбы. Направленіе „Листка Земли и Воли", возводившаго въ систему террористическіе акты, было одобрено большинствомъ въ виду все тѣхъ же исключительныхъ условій даннаго момента. Только одинъ Плехановъ, стоявшій на народнической точкѣ зрѣнія, не счелъ послѣ этого возможнымъ для себя оставаться дальше въ организаціи, измѣнившей соціально-революціонному знамени, и покинулъ съѣздъ. Усиліями умѣренныхъ элементовъ единство партіи было сохранено, но ненадолго.

Когда пріѣхавшіе со съѣзда революціонеры стали проводить принятыя сообща постановленія въ жизнь, борьба возгорѣлась съ новой силой. Людямъ, тянувшимъ въ разныя стороны, приходилось спорить изъ-за каждой статьи журнала, изъ-за денегъ, людей, типографіи и пр. Стало очевидно, что совмѣстная работа невозможна и раздѣленіе неизбѣжно. Была поэтому назначена спеціальная комиссія, которой и было поручено оформить фактическій расколъ. „Земля и Воля" прекратила свое существованіе. Вновь образовавшіяся фракціи какъ бы раздѣлили старый девизъ пополамъ: одна написала на своемъ знамени одну землю, назвавшись „Чернымъ Передѣломъ", другая оставила за собой волю и назвалась „Народной Волей". Къ партіи „Народной Воли" перешло огромное большинство бывшихъ землевольцевъ, въ томъ числѣ и наиболѣе видныя организаторскія силы. Наиболѣе видными членами „Чернаго Передѣла" были Плехановъ, М. Поповъ, Аптекманъ и другіе, къ которымъ вскорѣ присоединилась пріѣхавшая изъ-заграницы группа—Стефановичъ, Дейчъ, Аксельродъ и Засуличъ.

Чернопередѣльцы очень скоро должны были убѣдиться въ томъ, что у нихъ никакой почвы нѣтъ подъ ногами. Никакихъ прочныхъ связей въ народѣ у нихъ не было. Изъ деревни бѣжали послѣдніе поселенцы. Попытка воскресить при помощи Стефановича Чигиринщину окончилась неудачей. Оставалось только сосредоточить всѣ свои не-

многочисленныя силы на работѣ среди молодежи и городскихъ рабочихъ. Такимъ образомъ и чистые народники въ это время оказываются далекими отъ земли. Они ограничиваютъ свою дѣятельность наиболѣе воспріимчивыми городскими элементами населенія и подготовляютъ въ сущности кадры для народовольческой партіи. Но такъ какъ содержаніе ихъ пропаганды остается прежнее, то успѣхъ ихъ былъ очень ограниченный. „Чернопередѣльцы — убѣжденные люди", отзывалась молодежь, по словамъ О. В. Аптекмана („Земля и Воля" 70-хъ годовъ, стр. 200) о чернопередѣльческой пропагандѣ, „но убѣдительности въ нихъ мало. Они беззавѣтно преданы народу, но они сами какъ-будто извѣрились въ него. Самъ А—нъ (Аптекманъ) производитъ впечатлѣніе смертельно раненаго на полѣ битвы знаменосца: истекая кровью, онъ, тѣмъ не менѣе, не выпускаетъ изъ рукъ знамени". Кое-гдѣ и находились сторонники у чернопередѣльцевъ, но въ деревню ѣхать никто не соглашался. При такомъ положеніи дѣла и при крайне тяжелыхъ полицейскихъ условіяхъ, которыя исключали всякую возможность широкой и планомѣрной работы среди городскихъ массъ, „Черный Передѣлъ" долженъ былъ умереть естественной смертью, что и случилось, когда Стефановичъ, Дейчъ, Плехановъ и Засуличъ вынуждены были покинуть Россію во избѣжаніе ареста, а другіе или были арестованы, или предложили свои услуги „Народной Волѣ".

Между тѣмъ террористы развиваютъ огромную энергію, опираясь на широкое сочувствіе въ средѣ учащейся молодежи и въ обществѣ, на матеріальную помощь и моральную поддержку демократическихъ слоевъ городского населенія и лѣваго крыла земской оппозиціи. Лишенная всякихъ надеждъ на революціонное выступленіе народныхъ массъ или даже только культурнаго общества, немногочисленная группа „Народной Воли" вынуждена была выбрать единственно возможный для нея способъ политической борьбы и вступить въ „единоборство съ правительствомъ", противопоставивъ всемогуществу огромнѣйшей военной силы партизанскій терроръ беззавѣтно преданныхъ своему дѣлу фанатиковъ. Послѣ выстрѣла Соловьева и начавшихся вслѣдъ за нимъ жестокихъ репрессій, военныхъ положеній, военныхъ судовъ и казней, кругъ дѣятельности все болѣе суживается, и революціонеры дышатъ только въ атмосферѣ динамита и видятъ передъ глазами только одну цѣль — цареубійство. Сообразно съ этимъ перерабатывается и программа. Общій взглядъ на соціальное развитіе Россіи остался прежній, народническій, но измѣнилось отношеніе къ политикѣ, къ роли государства. Раздѣляя бакунинскія опасенія, что конституціей, завоеванной не самимъ народомъ, могутъ воспользоваться только буржуазные классы, народовольцы выходятъ изъ затрудненія по способу якобинца Ткачова, который еще

съ 1876 года выступилъ въ своемъ „Набатѣ" противникомъ бакунинскаго анархизма. Въ моментъ паденія стараго политическаго строя некультурныя народныя массы не сумѣютъ взять въ свои руки управленіе страной, поэтому революціонеры должны захватить власть и декретировать для народа новыя свободныя учрежденія. Введеніе соціалистическаго строя проходитъ черезъ предварительный этапъ—черезъ диктатуру революціонной интеллигенціи. Это якобинское ученіе было цѣликомъ усвоено террористами и пропагандировалось на страницахъ „Народной Воли", какъ офиціальная, такъ сказать, теорія партіи. Но составъ партіи былъ довольно разношерстный, и очень многіе (въ томъ числѣ и Желябовъ) оправдывали добываніе конституціи тѣмъ, что русскіе либералы, которые и должны были бы совершить буржуазную революцію, безсильны что-нибудь въ этомъ направленіи сдѣлать, и русскимъ революціонерамъ приходится взять на себя эту задачу, такъ какъ свобода необходима и для пропаганды соціализма.

Вскорѣ послѣ раздѣла народовольцы приступили къ своей дѣятельности. Былъ задуманъ обширный планъ террористической кампаніи противъ императора Александра II. Рѣшено было взорвать поѣздъ, въ которомъ государь долженъ былъ прослѣдовать изъ Ливадіи въ Петербургъ, и для этого устроены были три подкопа: подъ Одессой, Александровскомъ и Москвой. Исполнительный Комитетъ и его ближайшіе сотрудники раздѣлились на три группы. Въ Одессѣ работали Фроленко, которому удалось поступить на службу въ качествѣ желѣзнодорожнаго сторожа и поселиться со своей женой, Лебедевой—у самаго полотна желѣзной дороги, Кибальчичъ, Колодкевичъ и Златопольскій. Подъ Александровскомъ поселился Желябовъ съ Якимовой, пріобрѣвшіе здѣсь участокъ земли, якобы для устройства кожевеннаго завода. Съ ними работали Прѣсняковъ, Окладскій и Тихоновъ. Въ Москвѣ вблизи желѣзнодорожнаго пути былъ пріобрѣтенъ домъ Львомъ Гартманомъ и Софьей Перовской, поселившихся въ немъ въ качествѣ супруговъ (по подложнымъ паспортамъ, какъ и всѣ другіе). Частью у нихъ, частью на другихъ квартирахъ жили ихъ сотрудники по подкопу Григорій Исаевъ, Ал. Михайловъ, Арончикъ, Ширяевъ, Баранниковъ, Николай Морозовъ и Галина-Чернявская. Сюда же былъ приглашенъ и Гольденбергъ, который, поѣхавъ въ Одессу за динамитомъ, на обратномъ пути былъ случайно арестованъ на елизаветградскомъ вокзалѣ и на слѣдствіи далъ обширнѣйшія показанія, послужившія главнымъ матеріаломъ для розыска и обвиненія почти всѣхъ народовольцевъ.

Въ виду того, что царь черезъ Одессу не поѣхалъ, подкопъ пришлось тамъ оставить, и группа разъѣхалась. Подъ Александровскомъ были заложены подъ полотномъ желѣзной дороги двѣ мины, соединявшіяся электрическими проводами. Аппаратъ помѣ-

щался на телѣгѣ, на которой за нѣсколько минутъ до прохода поѣзда подъѣхали къ полотну Желябовъ, Окладскій и Тихоновъ. Когда поѣздъ проходилъ надъ минами, Желябовъ сталъ приводить въ дѣйствіе аппаратъ, но взрыва не послѣдовало изъ-за какой-то технической оплошности. Въ Москвѣ изъ подвальнаго этажа нанятаго дома была проведена подземная галлерея къ линіи желѣзной дороги. Революціонерамъ приходилось работать на колѣняхъ въ водѣ и самыми примитивными орудіями. На случай появленія полиціи на столѣ стояла бутылка нитроглицерина, въ которую Перовская должна была выстрѣлить изъ револьвера. Передъ взрывомъ въ квартирѣ оставались только двое—Перовская, которая слѣдила за приближеніемъ поѣзда, и Ширяевъ, который по данному Перовской сигналу долженъ былъ сомкнуть цѣпь. На этотъ разъ взрывъ дѣйствительно послѣдовалъ, и произошло крушеніе, но оказалось, что въ этомъ поѣздѣ ѣхала только царская свита, изъ которой никто, между прочимъ, не пострадалъ, такъ какъ разбиты были только одни багажные вагоны, а государь раньше прослѣдовалъ другимъ поѣздомъ.

Несмотря на эту тройную неудачу, Исполнительный Комитетъ готовится къ новымъ покушеніямъ. На первомъ планѣ стоитъ теперь взрывъ Зимняго дворца, который взялъ на себя рабочій-столяръ Степанъ Халтуринъ.

Халтуринъ стоялъ во главѣ рабочаго движенія въ Петербургѣ, былъ основателемъ Сѣверо-Русскаго Рабочаго Союза, у котораго уже была своя типографія и газета, редактировавшаяся исключительно рабочими силами. Но жестокія репрессіи со стороны правительства, посыпавшіяся на рабочую организацію со времени начавшагося террора, скоро убѣдили Халтурина, что на широкіе планы расчитывать нельзя, прежде чѣмъ не будетъ завоевана свобода печати и союзовъ. Онъ поэтому рѣшилъ примкнуть къ партіи Народной Воли, а его широкая популярность въ рабочей средѣ, какъ общественнаго дѣятеля и искуснаго столяра-лакировщика, дала ему возможность проникнуть на службу во дворецъ. Отъ Исполнительнаго Комитета онъ требовалъ снабженія его всякими свѣдѣніями, а главное динамитомъ. Предложеніе Халтурина совпало съ подготовленіями къ подкопамъ на желѣзной дорогѣ и было принято, какъ резервное предпріятіе въ случаѣ неудачи первыхъ трехъ, но въ свое время не хватило ни людей, ни средствъ, чтобы дать Халтурину возможность провести свой планъ.

Когда же основной планъ потерпѣлъ неудачу, все вниманіе было сосредоточено на Зимнемъ дворцѣ. Сношенія съ Халтуринымъ велъ сначала Квятковскій. Но, вотъ, Квятковскаго арестовываютъ и находятъ у него планъ Зимняго дворца, на которомъ царская столовая была обозначена крестомъ. Дѣло въ томъ, что помѣщеніе, гдѣ помѣщался Халтуринъ вмѣстѣ съ другими столя-

рами во дворцѣ, находилось какъ разъ подъ столовой, и взрывъ предполагалось произвести во время пребыванія государя въ этой комнатѣ, подъ которую и подводилась мина. Во дворцѣ начались необычайныя строгости, внезапные обыски, крайне затруднявшіе работы Халтурина, который къ тому же страдалъ страшными головными болями отъ вдыханія ядовитыхъ испареній нитроглицерина, такъ какъ взрывчатыя вещества приходилось держать запрятанными въ подушку. Но обыски оказались очень поверхностными; къ тому же Халтуринъ, разыгрывавшій простого деревенскаго малаго, стоялъ внѣ всякихъ подозрѣній и получилъ даже къ празднику (на Рождество) 100 рублей наградныхъ. Желябовъ, смѣнившій Квятковскаго, торопилъ Халтурина, убѣждая его ограничиться наименьшимъ количествомъ динамита во избѣжаніе лишнихъ жертвъ. Но когда мина была уже заложена, нужно было выбрать подходящій день, когда бы никто не мѣшалъ Халтурину зажечь фитиль. Нѣсколько дней подрядъ Желябовъ, встрѣчая его у дворца, слышалъ отъ него отрывистыя фразы: „нельзя было"... „ничего не вышло"... Наконецъ, 5 февраля 1880 года Халтуринъ, здороваясь, совершенно спокойно произноситъ: „готово"—и въ тотъ же моментъ раздается оглушительный взрывъ. Огни во дворцѣ потухли. Террористы поспѣшили скрыться. Въ это какъ разъ время во дворецъ пріѣхалъ принцъ Александръ Гессенскій, и Александръ Николаевичъ вышелъ его встрѣчать. Взрывъ засталъ государя въ маломъ фельдмаршальскомъ залѣ, внѣ всякой опасности. Пострадалъ только караулъ, помѣщавшійся подъ царской столовой и надъ комнатой столяровъ, гдѣ заложена была мина. Десять человѣкъ было убито взрывомъ и 33 ранено изъ нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка. Въ столовой былъ произведенъ полнѣйшій разгромъ. При дворѣ, а затѣмъ и во всей Россіи взрывъ въ царскомъ дворцѣ произвелъ потрясающее впечатлѣніе.

Весной и лѣтомъ 1880 года подготовлялось два покушенія—одно въ Одессѣ, а другое въ Петербургѣ. Въ Одессѣ весной была нанята Перовской и Саблинымъ лавка на Итальянской улицѣ и открыта бакалейная торговля. Задуманъ былъ подкопъ подъ полотно улицы, по которой долженъ былъ проѣхать Александръ II. Всѣ приспособленія для земляныхъ работъ, въ которыхъ должны были принимать участіе В. Н. Фигнеръ (Вѣра Филиппова), Левъ Златопольскій, Исаевъ и Меркуловъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи предателемъ, были уже заготовлены, но государь прибылъ въ Одессу раньше, чѣмъ революціонеры ожидали, и подкопъ пришлось оставить.

Въ Петербургѣ были заложены мины подъ Каменнымъ мостомъ, на Екатерининскомъ каналѣ, по пути обычнаго слѣдованія императора отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему дворцу. Взрывчатыя вещества были зашиты въ гуттаперчевыя подушки и погружены въ воду, а провода снаряда были прикрѣп-

лены къ находившемуся близъ моста плоту, на которомъ устроена была прачечная. По какимъ-то случайнымъ причинамъ моментъ былъ пропущенъ, и государь въ тотъ же день проследовалъ въ Ливадію. Въ этомъ дѣлѣ принимали участіе Желябовъ, Баранниковъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Тетерка и др.

Послѣ взрыва во дворцѣ и шумнаго вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго при взятіи народовольческой типографіи въ Саперномъ переулкѣ [1]), въ дѣятельности террористовъ замѣчается затишье, совпавшее случайно съ диктатурой Лорисъ-Меликова и преувеличенными надеждами либераловъ на конституціоналистскія настроенія въ придворныхъ сферахъ. Террористы въ это время какъ бы собираются съ силами, чтобы нанести свой послѣдній рѣшительный ударъ. Но не безъ вліянія на это замедленіе остались аресты видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета, какъ Квятковскаго, Ал. Михайлова и др.

II.

Земское движеніе и правительственный конституціонализмъ въ концѣ царствованія.

Въ своей борьбѣ съ „крамолой" правительство послѣ убійства Мезенцова прибѣгаетъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: расширяются права жандармовъ и усиливаются наказанія для административныхъ ссыльныхъ, которыхъ отправляютъ теперь въ Якутскую область и для которыхъ проектируютъ тамъ даже спеціальныя колоніи, вводятся военно-полевые суды для террористовъ и начинаетъ примѣняться смертная казнь.

Но эти исключительныя мѣропріятія были, повидимому, сочтены

---

[1]) Типографія была привезена изъ-заграницы Зунделевичемъ и въ августѣ 1879 года поставлена была въ квартирѣ, нанятой Бухомъ и Софьей Ивановой, проживавшими въ качествѣ чиновничьей четы. Имъ прислуживала кухарка, сначала курсистка, а потомъ крестьянка Грязнова. Въ типографіи работали, кромѣ нихъ, еще Абрамъ Лубкинъ, прозванный за свой тоненькій голосокъ „Птичкой", и Лейзеръ Цукерманъ; послѣдніе оба не были прописаны и должны были поэтому всегда сидѣть дома, никому не показываясь на глаза, за исключеніемъ дней, когда приходили полотеры. Благодаря необычайной конспиративности и выдержанности жильцовъ, которымъ удавалось поддерживать въ глазахъ дворниковъ и сосѣдей престижъ чиновниковъ средней руки, типографія продержалась такъ долго и была открыта совершенно случайно. Когда ничего не подозрѣвавшая полиція стала подниматься по лѣстницѣ, ее встрѣтили стрѣльбой изъ револьверовъ. Стрѣляли мужчины, въ то время какъ женщины жгли компрометирующія бумаги, адреса, письма и пр. Полицейскіе должны были отступить и охранять наружные входы въ домъ до прибытія подкрѣпленія. Къ приходу жандармовъ революціонеры успѣли все, что нужно было, сжечь, разстрѣлять всѣ свои патроны и выбить всѣ стекла въ окнахъ, чтобы этимъ видомъ разгрома предупредить другихъ. Тогда всѣ сдались за исключеніемъ „Птицы", который въ моментъ сдачи застрѣлился.

недостаточными, и 20 августа 1878 года въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ выражалась надежда на помощь всего общества, всѣхъ сословій русскаго народа въ борьбѣ противъ „шайки злодѣевъ“. О томъ же говорилъ и Александръ Николаевичъ въ своей рѣчи въ Москвѣ. Этимъ предлогомъ и воспользовались земства для подачи адресовъ.

Нѣкоторая земская организація создается еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ видѣ тайныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей. Къ концу десятилѣтія недовольство правительственной системой въ виду внѣшнихъ неудачъ и крайняго разстройства во внутреннемъ управленіи усиливается аграрнымъ кризисомъ, вызваннымъ американской конкуренціей и пагубно отражавшемся на помѣстномъ хозяйствѣ. Слабость правительства, обнаруженная во время турецкой войны, окрылила надежды оппозиціи, и основанный къ тому времени „Земскій Союзъ“ устраиваетъ съѣзды въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ съ цѣлью установить единство въ выступленіяхъ отдѣльныхъ земствъ.

Послѣ правительственнаго сообщенія земскіе дѣятели собрались въ Кіевѣ и пригласили на свои совѣщанія революціонеровъ-южанъ. Эти переговоры, какъ мы раньше уже видѣли, ни къ чему не привели. Соглашеніе было установлено между земцами и легальными радикалами, образовавшими общій союзъ, получившій названіе „Лиги оппозиціонныхъ элементовъ“. Лига задавалась цѣлью вести пропаганду и агитацію по земствамъ разныхъ губерній въ пользу свободы слова и печати, гарантіи личности и созыва учредительнаго собранія. Результатомъ этой пропаганды и явились адресы земствъ, харьковскаго, черниговскаго, полтавскаго, самарскаго и тверского, откликнувшихся на призывъ правительства о помощи. Всѣ эти адресы въ болѣе или менѣе ясныхъ выраженіяхъ сводились къ критикѣ полицейскаго режима и пожеланіямъ конституціоннаго характера. Правительство отвѣтило на это репрессіями противъ земствъ и арестами въ средѣ земскихъ дѣятелей.

Послѣ выстрѣла Соловьева репрессивныя мѣры усиливаются. Въ Петербургѣ, Одессѣ и Харьковѣ назначаются временные генералъ-губернаторы съ диктаторскими полномочіями, съ правомъ предавать всѣхъ гражданъ военному суду, высылать изъ края, принимать мѣры противъ печати и вообще распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ была назначена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Валуева съ цѣлью выработать рѣшительныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія, и министры, входившіе въ эту комиссію, поспѣшили проявить весь свой обскурантизмъ въ рядѣ предложенныхъ ими мѣръ, которыя всѣ клонились къ тому, чтобы объявить гоненіе на просвѣщеніе и всячески ограничить къ нему доступъ.

Послѣ тройного покушенія на жизнь государя на пути изъ Крыма при дворѣ начинаютъ говорить о необходимости привлеченія обще-

ственнаго элемента къ государственнымъ дѣламъ. Съ такими проектами обратились къ государю одновременно Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ. Но противъ этого предложенія рѣзко выступаетъ наслѣдникъ престола, будущій императоръ Александръ III, доказывая, что такая реформа противна духу коренного государственнаго строя Россіи, и что отъ объявленія конституціи слѣдуетъ ожидать еще большей смуты. Цесаревичъ сумѣлъ настоять на своемъ мнѣніи, а послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ добился учрежденія „верховной распорядительной комиссіи" во главѣ съ бывшимъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Лорисъ-Меликовымъ, которому ввѣрялась военно-полицейская диктатура во всей Россіи съ исключительной цѣлью подавленія революціоннаго и оппозиціоннаго движеній.

Съ первыхъ же шаговъ Лорисъ-Меликовъ проявилъ и безпощадную жестокость по отношенію къ революціонерамъ, и хитрое политиканство въ заигрываніи съ либералами. Будучи самъ ярымъ противникомъ представительныхъ учрежденій, онъ, тѣмъ не менѣе, во время частыхъ своихъ бесѣдъ съ представителями земства и печати умѣлъ внушать мечтательнымъ либераламъ совершенно необоснованныя надежды, между тѣмъ какъ своей „диктатурой сердца", выражавшейся въ извѣстномъ ослабленіи полицейскаго гнета по отношенію къ земскому и городскому самоуправленію и печатному слову, онъ имѣлъ въ виду изолировать революціонное движеніе, лишивъ его широкаго сочувствія общества. Не признавая ни западной конституціи, ни славянофильскаго Земскаго Собора, Лорисъ-Меликовъ все же считалъ нужнымъ объединить реформы этого царствованія и въ этихъ цѣляхъ предлагалъ Александру Николаевичу проектъ, извѣстный подъ громкимъ названіемъ „конституціи Лорисъ-Меликова". Сущность „конституціи" сводилась къ слѣдующему. Въ Петербургѣ учреждаются „временныя подготовительныя комиссіи" изъ чиновниковъ и свѣдущихъ лицъ, которымъ поручается составленіе законопроектовъ. Заготовленные такимъ образомъ законопроекты передъ поступленіемъ въ государственный совѣтъ передаются, по высочайшему повелѣнію, на обсужденіе *общей комиссіи*, составленной частью изъ назначенныхъ императоромъ членовъ, частью изъ выборныхъ отъ городскихъ и земскихъ учрежденій и особымъ порядкомъ назначенныхъ отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ земскихъ учрежденій не было. Работы общей комиссіи имѣютъ только совѣщательное значеніе.

Какъ ни ничтожна была проектируемая реформа, и какъ ни двулична была политика Лорисъ-Меликова, все-таки намѣченный путь представлялъ собой дальнѣйшее развитіе проведенныхъ уже реформъ. 17 февраля 1881 года докладъ Лорисъ-Меликова былъ высочайше утвержденъ, а 1 марта, утромъ, передъ отъѣздомъ въ Михайловскій манежъ Александръ Николаевичъ вручилъ Меликову одобренный проектъ правительственнаго сообщенія о созывѣ „общей комиссіи", выра-

зивъ при этомъ желаніе, чтобы проектъ сообщенія до его напечатанія былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4 марта.

Но общество и не догадывалось о томъ, что по законопроекту, подготовляемому въ глубокой тайнѣ, его хотятъ „призвать" къ законосовѣщательной дѣятельности. А революціонеры могли только убѣдиться въ томъ, что репрессіи по отношенію къ нимъ увеличиваются. Росло число административно высланныхъ, ухудшился режимъ въ политическихъ тюрьмахъ, съ еще большей жестокостью примѣнялась смертная казнь. Въ Кіевѣ былъ казненъ малолѣтній Розовскій лишь только за то, что у него нашли прокламацію Народной Воли. И, вотъ, при такой общественной обстановкѣ террористы готовятся къ покушенію 1 марта.

III.

1-ое марта 1881 года и начало новаго царствованія.

Народовольцы подготовляли двойное покушеніе на Александра II—посредствомъ подкопа и посредствомъ метательныхъ снарядовъ. Юрій Богдановичъ и Якимова снимаютъ домъ на Малой Садовой, по которой обычно проѣзжаетъ государь, и открываютъ сырную лавку. Отсюда ведется подкопъ подъ полотно улицы. Въ то же время „техникъ" партіи Кибальчичъ готовитъ метательные снаряды и обучаетъ будущихъ метальщиковъ обращенію съ ними, а спеціальный отрядъ подъ руководствомъ Перовской занимается выслѣживаніемъ передвиженій государя. Главное вниманіе террористовъ было обращено на подкопъ на Мал. Садовой, гдѣ должны были сторожить по близости и метальщики, чтобы явиться на мѣсто, въ случаѣ, если бы взрывъ оказался неудачнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было выбрано и другое мѣсто—на Екатерининскомъ каналѣ, куда метальщики должны были перейти, если бы государь не поѣхалъ по Садовой. За нѣсколько дней до 1-го марта былъ арестованъ Желябовъ на квартирѣ у Тригони, и общее руководство покушеніемъ перешло къ Перовской, которая стала усиленно торопиться съ дѣломъ. По воскресеньямъ государь обыкновенно ѣздилъ въ манежъ, и 1-го марта народовольцы рѣшаютъ привести свой планъ въ исполненіе. Но предупрежденный Лорисъ-Меликовымъ о подозрѣніяхъ, существовавшихъ у полиціи на счетъ Малой Садовой улицы, Александръ II отправляется на этотъ разъ въ манежъ другимъ путемъ. Тогда Перовская переводитъ метальщиковъ на Екатерининскій каналъ, гдѣ они и встрѣчаютъ государя, возвращающагося изъ манежа. Первымъ бросаетъ снарядъ Рысаковъ, который тутъ же задерживается толпой. На этотъ разъ государь остался невредимымъ. Но къ мѣсту взрыва спѣшитъ уже другой метальщикъ Гриневицкій и, поднявъ снарядъ обѣими руками надъ головой, съ силой бросаетъ его къ ногамъ императора. Раз-

дался оглушительный взрывъ, покрывшій дымомъ все пространство. Государь былъ смертельно раненъ. Смертельно раненымъ оказался и Гриневицкій, который только на нѣсколько минутъ передъ смертью пришелъ въ себя. Сторожившій этотъ моментъ слѣдователь обратился къ нему съ вопросомъ о его имени, на что тотъ отвѣтилъ: „не знаю", унося съ собой въ могилу партійную тайну.

Цѣль народовольцевъ была достигнута, покушеніе имъ удалось, но никакихъ результатовъ для страны они этимъ не добились. Отказавшись отъ принципа народниковъ: „все для народа черезъ народъ", они оказались со своей геройской борьбой въ тупикѣ, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ они могли одерживать побѣды надъ отдѣльными высокопоставленными правительственными лицами, но не въ состояніи были своими ничтожными силами ни замѣнить государственнаго порядка, ни даже оказать серьезнаго вліянія на такое измѣненіе.

Правда, престижъ „Народной Воли" поднялся, повидимому, въ глазахъ широкой публики, и даже правительство Александра III сочло возможнымъ вступить въ переговоры съ террористической партіей по поводу коронаціи и готово было, очевидно, пойти на извѣстныя уступки. Но курсъ внутренней политики отнюдь не измѣнился подъ этимъ вліяніемъ. Наоборотъ, уже съ первыхъ дней новаго царствованія не могло оставаться никакихъ сомнѣній на счетъ направленія правительственной политики. Характернымъ въ этомъ отношеніи было засѣданіе Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 года подъ предсѣдательствомъ Александра III по поводу оставшагося въ наслѣдство новому царствованію проекта „конституціи" Лорисъ-Меликова. Молодой монархъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ проявилъ свои антипатіи ко всему, что имѣло хоть тѣнь народнаго представительства, и выражалъ живѣйшее одобреніе оберъ-прокурору св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, который съ пѣной у рта громилъ не только преобразовательныя попытки общаго характера, но обрушился и на реформы предыдущаго царствованія и призывалъ правительство къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Земскія, городскія и судебныя учрежденія и печать—не что иное, какъ говорильни, по мнѣнію Побѣдоносцева, въ которыхъ „разносятъ хулу и порицаніе на власть, посѣваютъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаютъ страсти, побуждаютъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ"... „Государь,—закончилъ Побѣдоносцевъ свою рѣчь,—въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносили бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ... Нужно дѣйствовать!"...

Всѣ дѣйствія правительства Александра III, какъ извѣстно, были проникнуты точкой зрѣнія Побѣдоносцева, который и явился однимъ изъ главныхъ вдохновителей системы всяческаго обуздания во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первый періодъ царствованія (1855—1866).

Второй періодъ царствованія (1866—1881).

Московское
Книгоиздательское Товарищество
„Образованіе"
Главная Контора: 3-я Тверская-Ямская, д. 46/7
Телефонъ 245-30 и 188-41.

№ 14.

2007237415